

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА
HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY of RUSSIA

ISSN 2686-9527

**ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА
В ОБРАЗОВАНИИ**

PSYCHOLOGY IN EDUCATION

T. 6 № 2 2024

Vol. 6 No. 2 2024

1797

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Herzen State Pedagogical University of Russia

ISSN 2686-9527 (online)

psychinedu.ru

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2>

2024. Том 6, № 2

2024. Vol. 6, no. 2

ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА В ОБРАЗОВАНИИ

PSYCHOLOGY IN EDUCATION

PSIKHOLOGIYA CHELOVEKA V OBRAZOVANII

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 —
74247, выдано Роскомнадзором 09.11.2018

Рецензируемое научное издание

Журнал открытого доступа

Учрежден в 2018 году

Выходит 4 раза в год

16+

Mass Media Registration Certificate EL No. FS 77 —
74247, issued by Roskomnadzor on 9 November 2018

Peer-reviewed journal

Open Access

Published since 2018

4 issues per year

16+

Редакционная коллегия

Главный редактор

Л. А. Цветкова (Российская академия образования, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

Зам. главного редактора

С. А. Безгодова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный редактор

А. В. Микляева (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь

А. Б. Веревкина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

Е. Н. Волкова (Психологический институт Российской академии образования, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина Московский городской педагогический университет, Москва, Россия)

А. Н. Веракса (Российская академия образования, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия)

П. Дзюкколотти (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия)

С. Н. Ениколопов (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Научный центр психического здоровья РАМН, Москва, Россия)

Ю. П. Зинченко (Российская академия образования, Российское психологическое общество, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия)

К. В. Карпинский (Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Республика Беларусь)

А. Квятковска (Институт психологии Академии наук Польши, Варшава, Польша)

И. В. Королева (Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт уха, горла, носа и речи Министерства здравоохранения Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия)

Editorial Board

Editor-in-chief

Larisa A. Tsvetkova (Russian Academy of Education, Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Svetlana A. Bezgodova (Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia)

Executive Editor

Anastasia V. Miklyaeva (Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia)

Assistant Editor

Anna B. Verevkin (Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia)

Elena N. Volkova (Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia)

Alexander N. Veraksa (Russian Academy of Education, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Pierluigi Zoccolotti (Sapienza University of Rome, Rome, Italy)

Sergey N. Enikolopov (Lomonosov Moscow State University, Research Centre of the Russian Academy of Medical Sciences, Moscow, Russia)

Yuri P. Zinchenko (Russian Academy of Education, Russian Psychological Society, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Konstantin V. Karpinsky (Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus)

Anna Kwiatkowska (Institute of Psychology of the Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland)

Inna V. Koroleva (Saint-Petersburg Research Institute of Ear, Throat, Nose and Speech (the Ministry of Health), Saint Petersburg, Russia)

Natalya N. Koroleva (Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia)

Sergey B. Malykh (Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia)

Chiara V. Marinelli (University of Foggia, Foggia, Italy)

Timofey A. Nestik (Russian Academy of Sciences, International Association for Analytical Psychology, International Association of Facilitators, Moscow, Russia)

Н. Н. Королева (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

С. Б. Малых (Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия)

К. В. Маринелли (Университет Фоджи, Фоджа, Италия)

Т. А. Нестик (Институт психологии РАН, Международная ассоциация прикладной психологии (IAAP), Международная ассоциация фасилитаторов (IAF), Москва, Россия)

Т. Н. Носкова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

А. А. Реан (Российская академия образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия)

Шихуэй Хан (Институт исследований мозга IDG/Макговерн в Пекинском университете, Пекин, Китай)

В. П. Шейнов (Международная академия информационных технологий, Республиканский институт высшей школы, Минск, Республика Беларусь)

В. А. Янчук (Академия последипломного образования, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь)

Учредитель РГПУ им. А. И. Герцена
Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Телефон: +7 (812) 312-17-41

Объем 12,8 Мб

Подписано к использованию 31.07.2024

При использовании любых фрагментов ссылка на журнал «Психология человека в образовании» и на авторов материала обязательна.

Журнал «Психология человека в образовании» публикует результаты новых фундаментальных и прикладных научных исследований в области психологии, в фокусе внимания которых находится человек как субъект образования, независимо от возраста, ступени и формата образования. В современном мире образование — это неотъемлемый процесс в жизни любого человека, независимо от возраста и рода занятий. *Life-long* образование («образование длиною в жизнь») как один из основных трендов социального развития предполагает высокую степень субъектности человека, готовность к непрерывному приобретению новых знаний и навыков в избранных сферах жизни и, как следствие, формирование личностной образовательной системы, выходящей за пределы институционализированного образования.

Редакторы английского текста *М. В. Городиский, К. Ю. Рыбачук, И. А. Наговицына*

Редактор *Л. Г. Савельева*

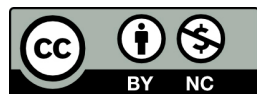
Корректор *М. С. Огуренкова*

Оформление обложки *О. В. Рудневой*

Верстка *Д. В. Романовой*

Индексация / Indexation:

- [Российский индекс научного цитирования \(РИНЦ\) / Russian Index of Science Citation](#)
- [DOAJ](#)
- [Ulrich's Periodicals Directory](#)
- «КиберЛенинка» / [Online scientific library "CyberLeninka"](#)
- [НТЦ «Информрегистр»](#)
- [ERIH PLUS](#)

Tatyana N. Noskova (Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia)

Artur A. Rean (Russian Academy of Education, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia)

Shihui Han (IDG Brain Research Institute/McGovern at Peking University, Beijing, China)

Viktor P. Sheynov (International Academy of Information Technologies, National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus)

Vladimir A. Yanchuk (Academy of Postgraduate Education, Belarusian State University, Minsk, Belarus)

Founded by Herzen State Pedagogical University of Russia
Publishing house of Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Phone: +7 (812) 312-17-41

Published at 31.07.2024

The contents of this journal may not be used in any way without a reference to the journal "Psychology in Education" and the author(s) of the material in question.

The journal *Psychology in Education* (alternative title *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii*) publishes the results of original fundamental and applied research in psychology that focuses on an individual in an educational environment, regardless of their age, programme level or format of education. Lately, education has become an integral part of everyone's life, including people of all ages and professions. Indeed, life-long learning is now one of the key trends in social development. It involves a high degree of individual agency and readiness to constantly acquire new knowledge and skills in one's areas of interest, which requires an individual educational system beyond the educational institutions.

Санкт-Петербург, 2024

© Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья редакции	117
<i>Цветкова А. А.</i> Психология здоровья в решении проблем современного образования ..	117
Теоретические исследования	121
<i>Весна Е. Б., Реан А. А., Демьянчук Р. В.</i> Социальная тематика в современных российских диссертационных исследованиях по психологии	121
Личность в процессах обучения и воспитания	143
<i>Васильева С. В., Микляева А. В.</i> Конструктивный и слепой патриотизм подростков: вклад возраста, пола и типа образовательного учреждения	143
<i>Зекерьяев Р. И.</i> Эмоциональная направленность личности с различным уровнем рекламной суггестивности	158
Психология становления современного профессионала	169
<i>Билецкая М. В.</i> Перфекционизм и невротические состояния у врачей-ординаторов психиатрического и неврологического профилей	169
<i>Эстрова С. Т.</i> Педагогическая деятельность инструкторов-диспетчеров управления воздушным движением в призме новых компетентностных рамок	181
<i>Ярошевич А. С.</i> Взаимосвязь психологической резильентности и компонентов парциальной готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию студентов педагогических специальностей	191
Клинические, образовательные и социальные аспекты психологии здоровья	199
<i>Бенидовская Ю. С., Ерицын К. Ю.</i> Роль источника информации и стиля информационного сообщения в восприятии сообщений о здоровье: экспериментальное исследование антивейпинговой социальной рекламы среди студенческой молодежи	199
<i>Дудина Е. А., Благинин А. А.</i> Динамика тревожности комбатантов в процессе курса гипобарической гипоксической тренировки	210
Психологические технологии в образовании	223
<i>Крюкова Е. А.</i> Эмпатия у врачей и студентов медицинских и психологических вузов: русскоязычная апробация Джефферсоновского опросника (Jefferson Scale of Empathy)	223
<i>Шейнов В. П., Девицын А. С.</i> Сокращенная версия опросника застенчивости: надежность, валидность, факторная структура	237

CONTENTS

Introductory article by the Editorial	117
<i>Tsvetkova L. A.</i> Health psychology and the issues of modern education	117
Theoretical research	121
<i>Vesna E. B., Rean A. A., Demyanchuk R. V.</i> Social topics in modern Russian doctoral and postdoctoral theses in psychology	121
An individual's personality in teaching, learning and education.	143
<i>Vasileva S. V., Miklyaeva A. V.</i> Constructive and blind patriotism in adolescence: The contribution of age, gender and type of educational institution.	143
<i>Zekeriaev R. I.</i> Emotional orientation of individuals with different levels of advertising suggestibility	158
Psychology of professionalism	169
<i>Biletskaya M. V.</i> Perfectionism and neurotic conditions in psychiatry and neurology residents ..	169
<i>Estrova S. T.</i> Teaching work by air traffic control instructors in the prism of the new competency framework	181
<i>Yaroshevich H. S.</i> Correlation of psychological resilience and dimensions of partial readiness for professional self-development in education students.	191
Clinical, educational, and social aspects of health psychology.	199
<i>Benidovskaya Yu. S., Eritsyun K. Yu.</i> The role of source characteristics and style in the perception of public service announcement (PSA) messages: Experimental study of anti-vaping social advertising for student population	199
<i>Dudina E. A., Blaginina A. A.</i> Dynamics of anxiety of combatants during the course of hypobaric hypoxic training	210
Psychological tools in education.	223
<i>Kryukova E. A.</i> Empathy in doctors, medical students and psychology students: Validation of the Russian-language version of the Jefferson Scale of Empathy	223
<i>Sheinov V. P., Dziavitsyn A. S.</i> The short version of the Shyness Questionnaire: Reliability, validity and factor structure	237

Check for updates

Вступительная статья редакции

EDN EHUZXT

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-117-120>

Психология здоровья в решении проблем современного образования

Л. А. Цветкова ^{✉1, 2, 3}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский филиал, 190008, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16

³ Российская Академия Образования, 119121, Россия, г. Москва, ул. Погодинская, д. 8

Для цитирования: Цветкова, Л. А. (2024) Психология здоровья в решении проблем современного образования. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 2, с. 117–120. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-117-120>
EDN EHUZXT

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Л. А. Цветкова (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии [CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

В современном мире здоровье детей, подростков и молодежи выступает в качестве одного из важнейших приоритетов общественного развития, а образовательное пространство, будь то пространство формального, неформального или информального образования, рассматривается как существенный фактор сохранения и укрепления здоровья, а также трансляции ценностей здорового образа жизни. Благодаря этому психология здоровья как область научного психологического знания, сфокусированная на применении психологических теорий и методов для решения задач, связанных с повышением эффективности работы по охране здоровья населения, сегодня обращает все более пристальное внимание на различные проблемы, возникающие в образовательной сфере, в контексте анализа факторов риска и защиты здоровья всех субъектов образовательного процесса. Об интересе к этой проблематике свидетельствует последовательный рост внимания к вопросам здоровья в сфере образования, который выражается, в частности, в цифрах, характеризующих количество научных публикаций по соответствующей проблематике. Только в научной электронной библиотеке E-library за последние 20 лет в тематической области «Психология» опубликовано более 16000 статей, посвященных здоровью школьников, более 18000 статей — здоровью студентов, более 7500 статей — здоровью педагогов. Помимо этого, активно развивается сфера исследований, в которых изучаются возможности интеграции образовательного компонента в программы комплексной реабилитации людей с нарушениями здоровья (этой тематике посвящены, как минимум, 15000 статей, вышедших после 2004 г. и размещенных в E-library).

Необходимо отметить, что развитие психологии здоровья в приложении к проблематике образования сегодня сталкивается с целым рядом трудностей, причины которых коренятся в отсутствии единой трактовки феномена здоровья, а также единых взглядов на его структуру. Тенденция к интеграции различных точек зрения на возможности концептуализации здоровья наиболее отчетливо прослеживается в получающих сегодня широкое распространение холистических подходах к здоровью (Цветкова, Антонова 2014), в которых на смену представлению о здоровье как отсутствию болезни приходят идеи о том, что здоровье не сводится к нормативному функционированию различных органов и систем, но представляет собой био-психосоциальное благополучие человека. Холистический подход к здоровью акцентирует внимание на субъектности человека как носителя здоровья, ответственного за его состояние и укрепление (Маджуга, Сабекия 2013), и предполагает всесторонний анализ ресурсов здоровья, понимаемых

как потенциал человека менять баланс своего здоровья в положительную сторону (Коренева 2005), включающий широкий спектр внутриличностных, межличностных и социальных предпосылок (Ивлев и др. 2017).

Именно холистический подход к трактовке здоровья, по нашему мнению, является наиболее продуктивным для решения задач, которые возникают перед психологией здоровья в контексте образовательной проблематики. С опорой на принципы этого подхода у психологов появляется возможность разрабатывать и интегрировать в образовательную практику программы сохранения и укрепления здоровья, учитывающие разные уровни функционирования человека (индивидуальный, групповой, общественный) с присущими им закономерностями, а также принципы убеждающей коммуникации, крайне значимые для продвижения моделей здоровьесохраняющего и здоровьеукрепляющего поведения в различных социальных группах.

Исследователи отмечают, что комплексные программы, направленные на интеграцию действий по поддержке здоровья субъектов образовательного процесса, в последние десятилетия активно внедряются в работу образовательных организаций по всему миру (Margaretha et al. 2023), что рассматривается как важный маркер роста эффективности психологического сопровождения в образовании (Strein et al. 2003). Помимо этого, все более широкое распространение получают образовательные компоненты в системе медицинской помощи, направленные на поддержание положительных результатов медицинской помощи (Smith et al. 2020; Wilson et al. 2007). В то же время остро стоит вопрос оценки эффективности этой работы, в том числе с учетом не только ближайших, но и отдаленных последствий (Foulkes, Stringaris 2023), что связано с недостаточной доказательностью многих методов и технологий, используемых к сегодняшнему дню.

По нашему мнению, развитие доказательного подхода в тех областях психологии здоровья, которые связаны с образовательной проблематикой, возможно только при условии интеграции усилий по оценке эффективности предлагаемых практик ориентированных методов и подходов с разработкой теоретико-методологических основ такой работы. Журнал «Психология человека в образовании» приглашает к публикации авторов, заинтересованных в развитии проблематики психологии здоровья для решения задач, стоящих перед современным образованием.

Health psychology and the issues of modern education

L. A. Tsvetkova ^{1, 2, 3}

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

² HSE University Saint Petersburg, 16 Soyuzna Pechatnikov Str., Saint Petersburg 190121, Russia

³ Russian Academy of Education, 8 Pogodinskaya Str., Moscow 119121, Russia

For citation: Tsvetkova, L. A. (2024) Health psychology and the issues of modern education. *Psychology in Education*, vol. 6, no. 2, pp. 117–120. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-117-120> EDN EHUZXT

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © L. A. Tsvetkova (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Today, the health of children, adolescents and youth is one of the top priorities of social development. At the same time, educational space, be it the space of formal, non-formal or informal education, contributes to the promotion of health. It also promotes a healthy lifestyle. Due to these, health psychology that applies psychological theories and methods to boost the effectiveness of public health protection, is increasingly focused on various issues in education. In particular, it analyses health-related risk factors and explores the approaches to ensure the health of all the stakeholders in education. The growing interest in health issues in the field of education is evidenced by an increasing number of relevant scientific publications. Thus, over the past 20 years, E-library alone, a major scientific electronic library, has published more than 16,000 articles on school students' health, more than 18,000 articles on university students' health, and more than 7,500 articles on teachers' health. All the publications take a psychological perspective. In addition, we are witnessing a considerable progress in the development of research on the possibilities of enhancing comprehensive rehabilitation programs for people with health disorders

with an educational aspect. This is evidenced by no fewer than 15,000 articles published since 2004 and uploaded on E-library.

The development of health psychology in relation to education is facing a number of challenges. They are rooted in the lack of a unified interpretation of the phenomenon of health and its structure. The tendency to integrate different perspectives in the conceptualization of health is most clearly seen in the holistic approaches to health that are gaining momentum (Tsvetkova, Antonova 2014). Holistic approaches to health replace the idea of health as the absence of disease with that of health as an individual's biological, psychological and social well-being. Thus, the concept of health is not reduced to the normative functioning of various organs and systems. The holistic approach to health focuses on the agency of a person as an agent of health responsible for its state and improvement (Madzguga, Sabekiya 2013). It also involves a comprehensive analysis of health resources understood as individuals' potential to change their balance of health in a positive way (Koreneva 2005) including a wide range of intrapersonal, interpersonal and social prerequisites (Ivlev et al. 2017).

We believe the holistic approach to the interpretation of health to be the most effective in solving the issues of health psychology in the context of education. The principles of holistic approach equip the psychologists with several opportunities. The first is the development of programs for the preservation and improvement of health taking into account different levels of human functioning (individual, group, social) with their inherent patterns. These programs are subsequently integrated into educational practice. The second is the introduction of principles of persuasive communication crucial for the promotion of models of health-preserving and health-improving behavior in various social groups.

Researchers highlight that in recent decades educational organizations around the world have been actively implementing comprehensive programs to support the health of stakeholders in education (Margaretha et al. 2023). It is seen as an important marker of an increase in the effectiveness of psychological support in education (Strein et al. 2003). In addition, educational components in the health care system with an aim to achieve positive health care outcomes are becoming increasingly widespread (Smith et al. 2020; Wilson et al. 2007;). Against this backdrop, the effectiveness of such initiatives, including their immediate and long-term consequences, needs evaluation (Foulkes, Stringaris 2023). This need is due to the insufficient evidence of many methods and technologies used today.

In our opinion, the development of an evidence-based approach in the areas of health psychology related to educational issues is only possible if the efforts to evaluate the effectiveness of the proposed practice-oriented methods and approaches are integrated with the development of their theoretical and methodological foundations. The journal *Human Psychology in Education* welcomes the publications from all those with an interest in the development of health psychology as a tool to solve the issues of modern education.

Литература

- Ивлев, Е. В., Микляева, А. В., Кожемякина, О. А., Рудыхина, О. В. (2017) Психосоциальные ресурсы здоровья учащейся молодежи в отечественных и зарубежных эмпирических исследованиях. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, № 186, с. 19–31. EDN: [XRTSPZ](#)
- Коренева, Н. М. (2005) Здоровье и его социальная обусловленность. *Бюллетень ВСНЦ СО РАМН*, № 8 (46), с. 206–211. EDN: [MVOHQJ](#)
- Маджуга, А. Г., Сабекия, Р. Б. (2013) Онтология здоровья: холистический подход. *Вестник Башкирского университета*, т. 18, № 4, с. 1233–1236. EDN: [RUOZUN](#)
- Цветкова, Л. А., Антонова, Н. А. (2014) Междисциплинарный подход к изучению здоровья. В кн.: О. И. Даниленко (ред.). *Концепт душевного здоровья в человекознании*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 72–83.
- Foulkes, L., Stringaris, A. (2023) Do no harm: Can school mental health interventions cause iatrogenic harm? *BJPpsych Bulletin*, vol. 47, no. 5, pp. 267–269. <https://doi.org/10.1192/bjb.2023.9>
- Margaretha, M., Azzopardi, P. S., Fisher, J., Sawyer, S. M. (2023) School-based mental health promotion: A global policy review. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 14, article 1126767. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2023.1126767>
- Smith, R., Osadnik, C. R., Lee, A. L. (2020) Educational topics and their rationale for inclusion within pulmonary rehabilitation—a systematic review. *Patient Education and Counseling*, vol. 103, no. 10, pp. 1997–2008. <https://doi.org/10.1016/j.pec.2020.04.009>
- Strein, W., Hoagwood, K., Cohn, A. (2003) School psychology: A public health perspective: I. Prevention, populations, and systems change. *Journal of School Psychology*, vol. 41, no. 1, pp. 23–38. [https://doi.org/10.1016/S0022-4405\(02\)00142-5](https://doi.org/10.1016/S0022-4405(02)00142-5)
- Wilson, J. S., O'Neill, B., Reilly, J. et al. (2007) Education in pulmonary rehabilitation: The patient's perspective. *Archives of Physical Medicine and Rehabilitation*, vol. 88, no. 12, pp. 1704–1709. <https://doi.org/10.1016/j.apmr.2007.07.040>

References

- Foulkes, L., Stringaris, A. (2023) Do no harm: Can school mental health interventions cause iatrogenic harm? *BJPsych Bulletin*, vol. 47, no. 5, pp. 267–269. <https://doi.org/10.1192/bjb.2023.9> (In English)
- Ivlev, E. V., Miklyaeva, A. V., Kozhemyakina, O. A., Rudykhina, O. V. (2017) Psichosotsial'nye resursy zdorov'ya uchashcheyshya molodezhi v otechestvennykh i zarubezhnykh empiricheskikh issledovaniyakh [Psychosocial resources of health of the studying youth in domestic and foreign empirical researches]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena — Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 186, pp. 19–31. EDN: [XRTSPZ](https://doi.org/10.1192/bjb.2023.9) (In Russian)
- Koreneva, N. M. (2005) Zdorov'e i ego sotsial'naya obuslovlennost' [Health and its social conditioning]. *Byulleten' VSNTs SO RAMN — Bulletin of Eastern-Siberian Scientific Center of Siberian Branch of Russian Academy of Medical Sciences*, no. 8 (46), pp. 206–211. EDN: [MVOHQJ](https://doi.org/10.1192/bjb.2023.9) (In Russian)
- Madzhuga, A. G., Sabekya, R. B. (2013) Ontologiya zdorov'ya: kholisticheskij podkhod [Health ontology: A holistic approach]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 18, no. 4, pp. 1233–1236. EDN: [RUOZUN](https://doi.org/10.1192/bjb.2023.9) (In Russian)
- Margaretha, M., Azzopardi, P. S., Fisher, J., Sawyer, S. M. (2023) School-based mental health promotion: A global policy review. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 14, article 1126767. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2023.1126767> (In English)
- Smith, R., Osadnik, C. R., Lee, A. L. (2020) Educational topics and their rationale for inclusion within pulmonary rehabilitation—a systematic review. *Patient Education and Counseling*, vol. 103, no. 10, pp. 1997–2008. <https://doi.org/10.1016/j.pec.2020.04.009> (In English)
- Strein, W., Hoagwood, K., Cohn, A. (2003) School psychology: A public health perspective: I. Prevention, populations, and systems change. *Journal of School Psychology*, vol. 41, no. 1, pp. 23–38. [https://doi.org/10.1016/S0022-4405\(02\)00142-5](https://doi.org/10.1016/S0022-4405(02)00142-5) (In English)
- Tsvetkova, L. A., Antonova, N. A. (2014) Mezhdistsiplinarnyj podkhod k izucheniyu zdorov'ya [An interdisciplinary approach to the study of health]. In: O. I. Danilenko (ed.). *Kontsept dushevno go zdorov'ya v chelovekoznanii [The concept of mental health in human consciousness]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., pp. 72–83. (In Russian)
- Wilson, J. S., O'Neill, B., Reilly, J. et al. (2007) Education in pulmonary rehabilitation: The patient's perspective. *Archives of Physical Medicine and Rehabilitation*, vol. 88, no. 12, pp. 1704–1709. <https://doi.org/10.1016/j.apmr.2007.07.040> (In English)

Сведения об авторе

Лариса Александровна Цветкова, главный редактор, академик Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, и. о. вице-президента Российской академии образования, ведущий научный сотрудник института психологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, заместитель директора по научной деятельности НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге

SPIN-код: 2815-8700, Scopus AuthorID: 7006374015, ResearcherID: J-4513-2013, ORCID: 0000-0002-4080-7103, e-mail: larac@mail.ru

Author

Larisa A. Tsvetkova, Editor-in-Chief, Full Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Associate Professor, Acting Vice-President of the Russian Academy of Education, Full Professor at the Department of Psychology of Social Interaction at the Herzen University, Deputy Director for Research at the Higher School of Economics in Saint Petersburg

SPIN: 2815-8700, Scopus AuthorID: 7006374015, ResearcherID: J-4513-2013, ORCID: 0000-0002-4080-7103, e-mail: larac@mail.ru

Check for updates

Теоретические исследования

УДК 159.99

EDN FCRURD

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-121-142>

Научная статья

Социальная тематика в современных российских диссертационных исследованиях по психологии

Е. Б. Весна¹, А. А. Реан^{✉2}, Р. В. Демьянчук³

¹ Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»,
115409, Россия, г. Москва, Каширское шоссе, д. 31

² Московский педагогический государственный университет,
119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1

³ Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Для цитирования: Весна, Е. Б., Реан, А. А., Демьянчук, Р. В. (2024) Социальная тематика в современных российских диссертационных исследованиях по психологии. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 2, с. 121–142.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-121-142> EDN FCRURD

Получена 4 апреля 2024; прошла рецензирование 7 апреля 2024; принята 9 апреля 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Е. Б. Весна, А. А. Реан, Р. В. Демьянчук (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](#).

Аннотация

Введение. Социальная тематика научных работ представляется общественно значимым полем исследовательской деятельности, поскольку она ориентирована и является отражением существующих в обществе трендов, процессов и социальных запросов. Исследование тематической структуры отечественных диссертационных исследований по психологическим наукам, имеющих явную выраженность социальной тематики, представляется актуальным направлением научной рефлексии, ориентированной на выявление современных тенденций, проблем и перспектив развития научной психологии в России.

Материалы и методы. В работе осуществлен экспертный анализ кандидатских и докторских диссертаций по психологическим наукам на социальную тематику, рассмотренных Экспертным советом ВАК по педагогике и психологии в 2023 г. В фокусе анализа находятся количественные и содержательные аспекты диссертаций на социальную тематику в разрезе различных психологических специальностей.

Результаты. Количественный анализ показывает высокую частоту встречаемости социальной тематики по всем научным специальностям. Качественный анализ показал, что во многих работах прослеживается стремление к изучению избранной в качестве предмета исследования феноменологии на стыке разных направлений научной психологии, а также значимую выраженность практической направленности работ. Вместе с тем можно констатировать, что недостаточно проявлен уровень обобщения с выходом на методологические выводы, что объясняется небольшим количеством диссертаций, представленных на соискание ученой степени доктора наук.

Обсуждение и выводы. В рамках обсуждения обозначается, что требует внимания недостаточное количество защищаемых диссертаций в отдельных областях психологического знания (когнитивной психологии, психологии безопасности, психофизиологии, коррекционной психологии и других), а также подчеркивается необходимость не только привлечения к научной деятельности молодых ученых, но и включения их в исследовательскую деятельность на базе масштабных проектов, организуемых на базе ведущих научных и образовательных организаций или проектов на стыке смежных специальностей (например, психологии и педагогики, психологии и биологии, психологии и медицины и др.). По результатам анализа сформулирован ряд задач развития отечественной психологической науки, среди которых разработка перечня актуальных тематик диссертационных исследований в области психологии, необходимость руководствоваться Программой фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 гг.), интенсификация

исследований, ориентированных на разрешение крупных научных проблем, связанных с актуальными и прогнозируемыми запросами общества.

Ключевые слова: современные психологические исследования, актуальные научные исследования, социальная тематика в психологии, диссертации, научные тенденции

Research article

Social topics in modern Russian doctoral and postdoctoral theses in psychology

E. B. Vesna¹, A. A. Rean^{✉2}, R. V. Demyanchuk³

¹National Research Nuclear University MEPhI, 31 Kashirskoe Hwy., Moscow 115409, Russia

²Moscow State Pedagogical University, Structure 1, 1 Malaya Pirogovskaya Str., Moscow 119991, Russia

³Saint Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russia

For citation: Vesna, E. B., Rean, A. A., Demyanchuk, R. V. (2024) Social topics in modern Russian doctoral and postdoctoral theses in psychology. *Psychology in Education*, vol. 6, no. 2, pp. 121–142. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-121-142> EDN FCRURD

Received 4 April 2024; reviewed 7 April 2024; accepted 9 April 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © E. B. Vesna, A. A. Rean, R. V. Demyanchuk (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract

Introduction. Social trends, processes and expectations constitute an important area of psychology research, which results in a large number of doctoral and postdoctoral theses in psychology that focus on social topics. The article examines the range of issues addressed by Russian doctoral and postdoctoral psychology theses on social topics. The authors also aim to identify modern trends, problems and prospects in the development of psychology as a science.

Materials and Methods. The authors as members of the Expert Council for Pedagogy and Psychology of the Higher Assessment Committee summarized an expert analysis of doctoral and postdoctoral theses in psychology on social topics submitted to the council in 2023. The analysis focused on the quantitative and qualitative characteristics of the theses in the context of various psychological specializations.

Results. The quantitative analysis shows high frequency of social topics across all psychology specializations. The qualitative analysis shows that many studies are at the juncture of different areas of scientific psychology and have a significant practical dimension. At the same time, the analyzed works have insufficient level of generalization and do not contain enough overarching methodological conclusions, which is due to a small number of postdoctoral theses submitted for defense.

Discussion and Conclusions. There is insufficient number of theses submitted for defense in certain areas of psychology (cognitive psychology, security psychology, psychophysiology, correctional psychology and others). There is a need not only to attract young scientists to research activity, but also to include them in large-scale research projects organized by major research and educational institutions or cross-disciplinary projects. There are a number of tasks that will facilitate the development of Russian psychology: compiling of an up-to-date list of topics for doctoral and postdoctoral theses in psychology; carrying out research in accordance with the Long-Term Program of Fundamental Scientific Research in Russia 2021–2030; and intensifying research focused on major problems related to both current and predicted needs of society.

Keywords: modern psychological research, current scientific research, social topics in psychology, theses, scientific trends

Введение

В современных социально-экономических условиях психология становится всё более значимой и востребованной наукой. Стремительное совершенствование различных технологий,

прежде всего, информационных, становится вызовом для переосмысления места и роли человека и его личности в системе общественных отношений, современного понимания с учетом и классических научных основ человекознания, и предикативных ориентиров научного поиска

в тесной взаимосвязи со «всемирным прогрессом научного познания и его приложениями к различным областям общественной практики» (Ананьев 1977, 3).

Обретает новое значение и научный поиск, который становится более системным и направленным на интегрированное и разностороннее решение многочисленных задач, востребованных обществом, в том числе конкретных социально-значимых задач, актуальных на современном этапе (Весна, Реан 2023).

В диссертационных исследованиях по психологии социальная тематика за последнее десятилетие представлена достаточно широко. Конечно, это в первую очередь касается социальной психологии. Наиболее актуальны диссертационные исследования по проблемам особенностей гражданской социализации молодежи в современном обществе (Красная 2015), структуры ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению (Зиновьева 2019), динамики идентичности как фактора социализации подростков (Григорьева 2019), содержания и специфики ролевой социализации в процессе формирования личности (Перевозкина 2020) и др.

В значительной мере социальная тематика представлена и в диссертационных исследованиях по педагогической психологии. Например, предметом анализа выступали проблемы психологических факторов успешности обучения мальчиков-подростков из неполных семей (Клопова 2014), личностные особенности школьников — старших подростков с различным отношением к алкоголю (Палачева 2014), развития гендерной идентичности детей-сирот подросткового возраста (Курочкина 2020).

Не менее широко представлена социальная тематика в диссертационных исследованиях по психологии развития, акмеологии. Исследовались цели воспитания и образ ребенка у современных родителей: кросс-культурное исследование (Орлова 2015), развитие внутреннего мира подростков-сирот, воспитывающихся в учреждениях интернатного типа (на примере республики Крым) (Левандовская 2015), образ семьи у детей старшего дошкольного возраста, воспитывающихся в семьях различного социально-экономического статуса (Загвоздкина 2016), взаимодействие детей младенческого и раннего возраста в домах ребенка (Персианова 2017), индивидуально-психологические особенности подростков с разными типами отклоняющегося поведения и их связь с ценностными ориентациями родителей (Рыцарева 2018), се-

мейная идентичность подростков из семей различных типов (Строкова 2019) и др.

Социальная тематика также прослеживалась в диссертационных исследованиях по таким специальностям, как коррекционная психология (социальный интеллект умственно отсталых подростков с девиантным поведением (Егорова 2014)), медицинская психология (клинико-психологические особенности матерей делинквентных подростков (Беляева 2015), психологические детерминанты девиаций поведения современных подростков (Осташева 2018)), юридическая психология (личностные психологические детерминанты предрасположенности подростков к девиантному поведению (Кириллова 2019)) и др.

Значительный корпус диссертационных исследований по социальной тематике представлен также в рамках общей психологии, психологии личности, истории психологии. В фокусе внимания исследователей были: личностные и нейропсихологические предпосылки девиантного поведения у подростков (Гут 2014), семейная история как фактор формирования материнского отношения (Малькова 2015), личностное развитие в период перехода от детства к взрослости в различных условиях социализации (в семье и вне семьи) (Сулимина 2016), отношение приемной матери к ребенку в профессиональной замещающей семье (Щербина 2017) и др.

Материалы и методы

С целью оценки актуализации данной тенденции в отечественных психологических исследованиях нами проведен экспертный анализ кандидатских и докторских диссертационных работ, рассмотренных в 2023 г. Экспертным советом по педагогике и психологии Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации^{*}.

Результаты исследования

Понятие «социальная тематика», несмотря на кажущуюся всеохватность, обычно трактуется как связанное с общественными проблемами, которые, будучи серьезными и значимыми, прямо или косвенно влияют на жизнь

^{*} В статье использованы материалы отчета Экспертного совета ВАК по педагогике и психологии. В подготовке отчета принимали участие: Е. Б. Весна, А. А. Реан, Р. В. Демьянчук, Л. Ж. Караванова, С. Н. Махновец, Е. И. Николаева, В. Л. Ситников, М. С. Яницкий.

человека и требуют коллективных усилий по их преодолению (Сабитова 2017).

Несомненно, что в центре широкого научно-го поля психологических исследований, ориентированных на решение теоретических и практических задач, связанных с социальной тематикой, находится проблема личности как носителя совокупности социальных системных качеств (Асмолов 2007), с одной стороны, определяемых системой социальных воздействий и отношений (Ананьев 1968; 1977), а с другой — играющего ключевую роль в этой системе. Интерес к проблеме личности оправданно вышел в психологии на первое место (Иванников 2012), хотя «остается неясным, как можно объединить результаты исследований личности, если под личностью понимаются несовместимые друг с другом реальности», а «исследователи не могут договориться о том, какую реальность называть личностью» (Иванников 2012, 125–126). При этом фокус исследований психологии личности в логике современного процессуального подхода смещается на потенциально возможное, а объектом исследования выступает не существующее, а возникающее (Костромина 2021).

Очевидно, что интеграция методологических ориентиров понимания личности в настоящее время остается открытым вопросом (как и многие другие фундаментальные вопросы научной психологии): в 2023 году диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по специальности 5.3.1 «Общая психология, психология личности, история психологии» (как и по специальности 19.00.01) на рассмотрение в Экспертный совет по педагогике и психологии ВАК

не поступало (табл. 1). Работы кандидатского уровня закономерно были посвящены более узким тематикам: значимым аспектам поиска психологических детерминант чувствительности личности к отвращению (Кудряшов 2023), изучению психологических особенностей представлений личности об организации (на примере сотрудников предприятий малого бизнеса) (Тищенко 2023), исследования психологических особенностей представлений о Я-физическом интернет-активной молодежи (Сенченко 2022), анализу самопредъявления личности как психологического конструкта в межличностных отношениях (Ахмадеева 2023). Особое, по нашему мнению, место заняли работы, близкие по тематике к кругу научных проблем на стыке с проблемами медицинской психологии: «Типы и предикторы деструктивного поведения личности» (Кузнецова 2023), «Психологические предикторы жизненных стилей женщин с расстройствами пищевого поведения» (Цапенко 2023). Возможно, это объясняется не только актуальными организационными особенностями позиционирования научной специальности 5.3.6 «Медицинская психология» (психологические науки), по которой, как и по специальности 19.00.04, работы в 2023 г. представлены не были, но и сближением различных областей научного поиска, обоснованным логикой социальной тематики, к которой, безусловно, относятся исследования широко встречающихся вариативных типов и клинико-психологических форм отклоняющегося поведения.

В этой связи уместно обратиться к результатам научного поиска в рамках специальностей

Табл. 1. Информация о рассмотренных экспертным советом аттестационных делах соискателей ученой степени кандидата наук (К) и ученой степени доктора наук (Д) по специальностям 19.00.01 и 5.3.1

Шифр и наименование специальности	Отрасль науки	Ученая степень	Поступило	Рассмотрено					
				Всего	Положительно	Отрицательно	Снято с рассмотрения	На дополнительное заключение	Другое
19.00.01. Общая психология, психология личности, история психологии	Психологические науки	К	0	0	0	0	0	0	0
		Д	0	0	0	0	0	0	0
5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии	Психологические науки	К	7	7	6	1	0	0	0
		Д	0	0	0	0	0	0	0

Table 1. Doctoral (*kandidat nauk*, K) and postdoctoral (*doktor nauk*, D) theses considered by the Expert Council, research specializations 19.00.01 and 5.3.1

Code and name of the research specialization	Branch of science	Research degree	Theses submitted	Theses considered					
				Total	Successful defence	Defence failed	Withdrawn from consideration	Referred for additional consideration	Other
19.00.01. General psychology, personality psychology, history of psychology	Psychology	K	0	0	0	0	0	0	0
		D	0	0	0	0	0	0	0
5.3.1. General psychology, personality psychology, history of psychology	Psychology	K	7	7	6	1	0	0	0
		D	0	0	0	0	0	0	0

19.00.06 «Юридическая психология» и 5.3.9 «Юридическая психология и психология безопасности», которые во многом связаны с соответствующими психологическими проблемами детства и различных поведенческих девиаций. В 2023 г. по данным направлениям в Экспертном совете было рассмотрено три кандидатских диссертации: «Психологические особенности, диагностика и коррекция антиобщественной позиции личности несовершеннолетних осужденных» (Залящев 2023), «Структура личности и психологические детерминанты противоправного поведения наркозависимых несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы условно» (Селиверсткіна 2023), «Психологические механизмы криминальной импульсивной агрессии в норме и при психических расстройствах» (Телешева 2022). Как видно из перечня представленных тем, вновь прослеживается отчетливая клиничко-психологическая составляющая. В частности, в работе К. Ю. Телешевой наблюдается объединение методов психофизиологического исследования (подчеркнем, что диссертаций по специальностям 19.00.02 «Психофизиология» и 5.3.2 «Психофизиология» в 2023 г. в Экспертный совет не поступало) и психологического тестирования в контексте предметности судебно-психологической экспертизы, что позволило диссертанту выявить факторы криминальной импульсивной агрессии и при нормативном уровне психического здоровья, и при психических расстройствах с обоснованием критериев, объективизирующих диагностику предрасположенности к ней.

Отметим, что часть представленных по специальностям 19.00.06 «Юридическая психология»

и 5.3.9 «Юридическая психология и психология безопасности» диссертаций на соискание ученой степени кандидата психологических наук посвящена вопросам, относящимся к подготовке и адаптации кадрового состава Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) и органов внутренних дел. Это диссертации Д. А. Курдина «Психологическое прогнозирование рисков отчисления курсантов образовательных организаций ФСИН России» (Курдин 2023) и Е. А. Попинако «Прогнозирование успешности адаптации сотрудников, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел, проходящих профессиональное обучение» (Попинако 2023). Докторских диссертаций представлено не было (табл. 2), как и диссертаций по проблемам безопасности, что может объясняться недавним объединением юридической психологии и психологии безопасности в единую научную специальность и тем, что в течение анализируемого периода действовало всего три соответствующих диссертационных совета, два из которых были открыты в 2023 г. Предполагаем, что в связи с их открытием и потенциальным созданием новых возможно ожидать увеличения количества защит и предложения исследований уровня доктора наук, тем более что тематика данной специальности не только широка, но и напрямую отвечает актуальности многих социальных запросов.

Различные аспекты психологического сопровождения профессиональной деятельности традиционно исследуются и в рамках научной специальности 5.3.3 «Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика» (по специальности 19.00.03 «Психология труда,

Табл. 2. Информация о рассмотренных экспертным советом аттестационных делах соискателей ученой степени кандидата наук (К) и ученой степени доктора наук (Д) по специальностям 19.00.06 и 5.3.9

Шифр и наименование специальности	Отрасль науки	Ученая степень	Поступило	Рассмотрено					
				Всего	Положительно	Отрицательно	Снято с рассмотрения	На дополнительное заключение	Другое
19.00.06. Юридическая психология	Психологические науки	К	1	1	1	0	0	0	0
		Д	0	0	0	0	0	0	0
5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности	Психологические науки	К	4	4	4	0	0	0	0
		Д	0	0	0	0	0	0	0

Table 2. Doctoral (*kandidat nauk*, K) and postdoctoral (*doktor nauk*, D) theses considered by the Expert Council, research specializations 19.00.06 and 5.3.9

Code and name of the research specialization	Branch of science	Research degree	Theses submitted	Theses considered					
				Total	Successful defence	Defence failed	Withdrawn from consideration	Referred for additional consideration	Other
19.00.06. Legal psychology	Psychology	K	1	1	1	0	0	0	0
		D	0	0	0	0	0	0	0
5.3.9. Legal psychology and security psychology	Psychology	K	4	4	4	0	0	0	0
		D	0	0	0	0	0	0	0

инженерная психология, эргономика» в 2023 г. работы не представлены) (табл. 3).

В связи с тем, что из семи кандидатских диссертаций шесть защищено в диссертационном совете 03.2.006.02 при Московском университете Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, основным объектом изучения стали сотрудники полиции. Изучались вопросы совладающего поведения как условия сохранения психологического здоровья (Евтушенко 2023), психологических особенностей индивидуального и группового стилей деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции (Ерохина 2023), динамики функционального состояния сотрудников органов внутренних дел в моделируемых условиях профессиональной деятельности (Захаревская 2023), стратегий самообладания участковых уполномоченных полиции с разным

уровнем профессионального выгорания (Титова 2023), психологических особенностей изменения образа профессии у курсантов образовательных организаций МВД России (Новосельская 2023). Подчеркнем проявленный научный интерес и к психологам органов внутренних дел, который отражен в диссертации «Психологические особенности профессионального выгорания психологов органов внутренних дел» (Сиворонова 2023).

Исследованию когнитивных дезадаптивных схем в структуре профессионально важных качеств психологов была посвящена и диссертация Т. Ю. Петровской, защищенная в диссертационном совете 99.2.106.02 на базе Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова (Петровская 2023). Автором осуществлен редко встречающийся в современных психологических исследованиях анализ

Табл. 3. Информация о рассмотренных экспертным советом аттестационных делах соискателей ученой степени кандидата наук (К) и ученой степени доктора наук (Д) по специальностям 19.00.03 и 5.3.3

Шифр и наименование специальности	Отрасль науки	Ученая степень	Поступило	Рассмотрено					
				Всего	Положительно	Отрицательно	Снято с рассмотрения	На дополнительное заключение	Другое
19.00.03. Психология труда, инженерная психология, эргономика	Психологические науки	К	0	0	0	0	0	0	0
		Д	0	0	0	0	0	0	0
5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика	Психологические науки	К	7	7	7	0	0	0	0
		Д	0	0	0	0	0	0	0

Table 3. Doctoral (*kandidat nauk*, K) and postdoctoral (*doktor nauk*, D) theses considered by the Expert Council, research specializations 19.00.03 and 5.3.3

Code and name of the research specialization	Branch of science	Research degree	Theses submitted	Theses considered					
				Total	Successful defence	Defence failed	Withdrawn from consideration	Referred for additional consideration	Other
19.00.03. Labour psychology, engineering psychology, ergonomics	Psychology	K	0	0	0	0	0	0	0
		D	0	0	0	0	0	0	0
5.3.3. Labour psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics	Psychology	K	7	7	7	0	0	0	0
		D	0	0	0	0	0	0	0

связи профессионально негативных качеств и компонентов многоуровневой структуры профессионально важных качеств личности будущего профессионала с использованием интегративной методологии. Получены новые данные о четырехкомпонентной структуре профессионально важных качеств будущих психологов в зависимости от выраженности когнитивных дезадаптивных схем. Большой интерес для психологии труда представляют данные об интегрирующей функции рефлексивного компонента, что позволяет осуществлять не только оценку, но и прогноз выраженности компенсаторного потенциала личности в целостной структуре профессионально важных качеств личности, в том числе и на стадии ее профессионализации.

Указанные темы диссертаций, представленных по специальности 5.3.3 «Психология труда,

инженерная психология, когнитивная эргономика», также во многом характеризуются в той или иной мере представленными взаимосвязями с различными аспектами психологии личности и в особенности медицинской психологии, затрагивая не теряющие актуальности и социальной значимости проблемы профессионального выгорания и его профилактики, психологического здоровья, наряду с проблематикой эффективности профессиональной деятельности, принятия управленческих решений, трудовой мотивации, стилей профессиональной деятельности, профессиональных представлений, профессионально важных качеств, профессиональной идентичности. С учетом особой социальной значимости (определяемой и задачами опережающего развития экономики страны, и местом трудовой деятельности в жизни каждого человека, и радикальными изменениями

профессионального труда — сейчас и в перспективе) уже не первый год перед современной психологией труда (как и перед организационной психологией) стоит пока недостаточно активно решаемая в диссертационных исследованиях многокомпонентная задача существенного расширения исследовательского поля с переориентацией прикладных составляющих с объект-объектных сфер профессиональной деятельности на субъект-субъектные и субъектно-информационные сферы (Дикая и др. 2016), с акцентом на адаптации субъекта трудовой деятельности к изменениям, в том числе на основании планирования и прогнозирования трансформации рынка труда и профессий.

Указанное требует также значительного внимания и к задачам педагогической психологии (табл. 4).

По научным специальностям 19.00.07 «Педагогическая психология» и 5.3.4 «Педагогиче-

ская психология, психодиагностика цифровых образовательных сред» в 2023 г. Экспертным советом по педагогике и психологии рассмотрено десять диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук (их них две повторно) и одна — ученой степени доктора наук. В докторской диссертации «Формирование системы профессионально-ценностных ориентаций курсантов образовательных организаций ФСИН России» Н. А. Самойлик разработана авторская концепция формирования системы профессионально-ценностных ориентаций курсантов ведомственных вузов ФСИН России, имеющая важное социально-экономическое и культурное значение; проведен формирующий эксперимент по внедрению концепции и технологий формирования системы профессионально-ценностных ориентаций курсантов ведомственных вузов, который показал достижение значимых и статистически достоверных позитивных изменений

Табл. 4. Информация о рассмотренных экспертным советом аттестационных делах соискателей ученой степени кандидата наук (К) и ученой степени доктора наук (Д) по специальностям 19.00.07 и 5.3.4

Шифр и наименование специальности	Отрасль науки	Ученая степень	Поступило	Рассмотрено					
				Всего	Положительно	Отрицательно	Снято с рассмотрения	На дополнительное заключение	Другое
19.00.07. Педагогическая психология	Психологические науки	К	1	1	1	0	0	0	0
		Д	0	0	0	0	0	0	0
5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред	Психологические науки	К	9	9	9	0	0	0	0
		Д	1	1	0	0	0	0	1

Table 4. Doctoral (*kandidat nauk*, K) and postdoctoral (*doktor nauk*, D) theses considered by the Expert Council, research specializations 19.00.07 and 5.3.4

Code and name of the research specialization	Branch of science	Research degree	Theses submitted	Theses considered					
				Total	Successful defence	Defence failed	Withdrawn from consideration	Referred for additional consideration	Other
19.00.07. Pedagogical psychology	Psychology	K	1	1	1	0	0	0	0
		D	0	0	0	0	0	0	0
5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments	Psychology	K	9	9	9	0	0	0	0
		D	1	1	0	0	0	0	1

в преобладающих типах и видах профессионально-ценностных ориентаций, что свидетельствует об эффективности предложенного подхода (Самойлик 2023). Наряду с этим, автором дано теоретико-практическое обоснование системы психолого-педагогического сопровождения формирования профессионально-ценностных ориентаций курсантов ведомственных вузов ФСИН России, разработаны и апробированы авторские методики, которые позволяют диагностировать не только количественные, но и качественные характеристики уровня сформированности профессионально значимых ценностей личности, использование которых помогают осуществлять дифференцированный мониторинг и сопровождение курсантов.

В проблемном поле рассмотренных диссертаций по педагогической психологии прослеживается объектная ориентация на разных участников образовательных отношений: обучающихся школ (В. Р. Малахова «Самораскрытие способностей подростка как фактор академической успешности» (Малахова 2022)), обучающихся вузов (А. А. Кузнецов «Психолого-педагогическое сопровождение формирования стрессоустойчивости у курсантов высших учебных заведений МЧС России» (Кузнецов 2023); Т. М. Карманова «Развитие понимания научного текста студентами» (Карманова 2022); Т. С. Матюхова «Психолого-педагогическое сопровождение развития социокультурных потребностей студентов» (Матюхова 2022); А.-А. С. Меерсон «Формирование информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам у студентов вуза» (Меерсон 2023); Д. П. Паулкина «Психолого-педагогические условия превенции виктимного поведения курсантов образовательных организаций ФСИН России» (Паулкина 2023)); педагогов (Ю. В. Торкаченко «Внутриличностные ресурсы здоровья педагога» (Торкаченко 2022); О. А. Филатова «Аутентичность как психологический ресурс совладающего поведения педагога» (Филатова 2023)), что в значительной степени отвечает социально значимым запросам общества. Но, к сожалению, как и в 2022 г., в 2023 г. проявляется тенденция, о которой мы писали ранее (Весна, Реан 2023): недостаточной представленности исследований, посвященных острым социальным проблемам воспитания, взаимодействия и отношений педагогов с обучающимися образовательных организаций разного уровня, с их семьями, родителями, с коллегами и руководителями. Недостаточно работ, направленных на изучение формирования личности в процессе коллективной, групповой просоциальной деятельности,

развития социальной активности учащихся. Тем не менее, положительно оценены две диссертации, предлагающие конкретные технологии формирования мотивационно-ценностной сферы обучающихся вузов и подростков: отмеченная выше работа Н. А. Самойлик и кандидатская диссертация О. В. Яценко «PROF.Navigator как психолого-педагогическая технология профориентации и формирования учебной мотивации обучающихся подросткового возраста» (Яценко 2023).

Несмотря на очевидную актуальность исследования психологических аспектов применения компьютерно-цифровых технологий в образовательной деятельности, ни одной работы по данному направлению в 2023 г. представлено не было. По сравнительно близкой тематике утверждена работа Е. С. Кыштымовой («Формирование психологической медиакомпетентности будущих специалистов в области рекламы и связей с общественностью») (Кыштымова 2023).

Неоправданным, в частности и с позиции социальной значимости, мы считаем снижение количества диссертаций по научной специальности 5.3.8. «Коррекционная психология и дефектология» (табл. 5), что может стать фактором риска в решении задач повышения качества образования всех обучающихся (включая детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов) в условиях построения суверенной системы отечественного образования и задач духовно-нравственного воспитания, а также задач дальнейшего совершенствования подготовки способных к проектированию условий реализации особых образовательных потребностей обучающихся, с учетом локального ресурсного обеспечения (Соловьева 2018) и задач изучения и внедрения таких форм обучения детей с особенностями психофизического развития, которые способствовали бы их подготовке к жизни в изменяющемся информационном обществе (Кириленко 2020) и др.

По научной специальности 5.3.8 «Коррекционная психология и дефектология» в 2023 г. представлены две диссертации. Кандидатская работа Н. Ю. Калмыковой посвящена психодиагностической дифференциации вариантов развития дошкольников с расстройствами аутистического спектра (Калмыкова 2022), что представляется важным для реализации индивидуально-дифференцированного подхода в обеспечении эффективности психолого-педагогического сопровождения развития аутичных детей, отличающихся выраженной вариативностью клинико-психологических проявлений.

Табл. 5. Информация о рассмотренных экспертным советом аттестационных делах соискателей ученой степени кандидата наук (К) и ученой степени доктора наук (Д) по специальностям 19.00.10 и 5.3.8

Шифр и наименование специальности	Отрасль науки	Ученая степень	Поступило	Рассмотрено					
				Всего	Положительно	Отрицательно	Снято с рассмотрения	На дополнительное заключение	Другое
19.00.10. Коррекционная психология	Психологические науки	К	0	0	0	0	0	0	0
		Д	0	0	0	0	0	0	0
5.3.8. Коррекционная психология и дефектология	Психологические науки	К	1	1	1	0	0	0	0
		Д	1	1	1	0	0	0	0

Table 5. Doctoral (*kandidat nauk*, K) and postdoctoral (*doktor nauk*, D) theses considered by the Expert Council, research specializations 19.00.10 and 5.3.8

Code and name of the research specialization	Branch of science	Research degree	Theses submitted	Theses considered					
				Total	Successful defence	Defence failed	Withdrawn from consideration	Referred for additional consideration	Other
19.00.10. Correctional psychology	Psychology	K	0	0	0	0	0	0	0
		D	0	0	0	0	0	0	0
5.3.8. Correctional psychology and defectology	Psychology	K	1	1	1	0	0	0	0
		D	1	1	1	0	0	0	0

Докторская диссертация Е. Б. Айвазян «Культурно-исторический подход к исследованию психического развития слепых детей раннего возраста» (Айвазян 2022) актуализирует чрезвычайно важную значимость развития научных оснований системы раннего вмешательства, максимально способствующей компенсации нарушений в психофизическом развитии ребенка и тем самым предупреждению или смягчению вторичных отклонений (Ахметзянова 2015), являющейся основополагающей частью формирования в Российской Федерации системы комплексной помощи детям с ограниченными возможностями здоровья, в том числе детям-инвалидам, и их семьям (Мухамедрахимов, Самарина 2020).

Одним из важнейших условий взаимного обогащения различных направлений человекознания, отдельные проявления которого в диссертационных исследованиях мы неодно-

кратно обозначили выше, является приложение принципа развития, который (как и системный подход) особенно необходим «в области психологии, имеющей дело с психической организацией жизнедеятельности человека, — с системным объектом высочайшей степени сложности и пластичности, находящимся в постоянном становлении и преобразовании» (Анцыферова 1978, 5). Тематика психологии развития (в настоящее время представленная, прежде всего, в работах по научной специальности 5.3.7 «Возрастная психология») имманентно включает социальный компонент, который, как минимум, является отражением общественных влияний на личность человека и опосредуемым через разные виды деятельности значением человека в системе социальных отношений (табл. 6).

По специальности 5.3.7 «Возрастная психология» в 2023 г. в Экспертный совет поступило

Табл. 6. Информация о рассмотренных экспертным советом аттестационных делах соискателей ученой степени кандидата наук (К) и ученой степени доктора наук (Д) по специальностям 19.00.13 и 5.3.7

Шифр и наименование специальности	Отрасль науки	Ученая степень	Поступило	Рассмотрено					
				Всего	Положительно	Отрицательно	Снято с рассмотрения	На дополнительное заключение	Другое
19.00.13. Психология развития, акмеология	Психологические науки	К	0	0	0	0	0	0	0
		Д	0	0	0	0	0	0	0
5.3.7. Возрастная психология	Психологические науки	К	6	6	6	0	0	0	0
		Д	0	0	0	0	0	0	0

Table 6. Doctoral (*kandidat nauk*, K) and postdoctoral (*doktor nauk*, D) theses considered by the Expert Council, research specializations 19.00.13 and 5.3.7

Code and name of the research specialization	Branch of science	Research degree	Theses submitted	Theses considered					
				Total	Successful defence	Defence failed	Withdrawn from consideration	Referred for additional consideration	Other
19.00.13. Developmental psychology, acmeology	Psychology	K	0	0	0	0	0	0	0
		D	0	0	0	0	0	0	0
5.3.7. Developmental psychology	Psychology	K	6	6	6	0	0	0	0
		D	0	0	0	0	0	0	0

шесть диссертаций на соискание ученой степени кандидата психологических наук. В части из них прослеживается пересечение проблемных полей психологии развития, педагогической психологии и психологии личности (общей психологии): М. Г. Никитской «Цели учебных достижений в мотивационно-потребностной сфере подростков» (Никитская 2022), Е. И. Доний «Когнитивные предикторы академической и специальной успешности младших подростков с интеллектуальной и художественно-изобразительной одаренностью» (Доний 2023), А. В. Конокотина «Особенности взаимодействий детей младшего школьного возраста в процессе решения учебных задач» (Конокотин 2022). Также представлены работы на стыке социально-значимой проблематики психологии развития, психологии личности и медицинской психологии (Е. А. Мигуновой «Особенности психологических компонентов духовности у лиц юно-

шеского возраста с разной склонностью к суицидальному риску» (Мигунова 2023)), психологии развития, психологии личности и психологии труда (М. Е. Лебедевой «Психологические факторы личностно-профессионального развития руководителей органов внутренних дел» (Лебедева 2023)), возрастной психологии, психологии личности и социальной психологии (В. И. Михайлова «Психологические особенности российских и турецких мужчин периода ранней и средней взрослости» (Михайлов 2023)). Это свидетельствует о том, что отдельные научные проблемы психологии личности действительно являются своеобразным интегратором различных направлений психологической науки, что представляется логичным в связи с социальной значимостью соответствующих тем диссертационных исследований: качественный анализ диссертационных работ показывает, что в фокусе внимания оказывается

решение практико-ориентированных научных задач в области психологии развития человека как индивида, личности и субъекта деятельности, равным образом как и в фокусе внимания исследований в области социальной психологии (табл. 7).

Так, рассмотренные Экспертным советом кандидатские диссертации по научной специальности 5.3.5 «Социальная психология, политическая и экономическая психология» были посвящены темам межпоколенческих особенностей ценностно-смысловых ориентаций в просоциальном поведении молодых и «серебряных» волонтеров (Серова 2023), специфике субъективных представлений и структурно-функциональной организации социально-психологической компетентности матерей в преодолении «родительского выгорания» (на материале матерей детей с нарушениями слуха) (Стулова 2023). Докторские диссертации — темам ситуационной активности личности как социально-психологического феномена (Белан 2022) с выявлением механизмов нарушения эффективности процессов ситуационной активности личности и потенциалы их элиминации, что способствует развитию теории социально-психологического сопровождения личности, и социальной психологии экономической социализации личности в разных ее формах (Дробышева 2022) с разработкой концепции экономической социализации личности как непрерывного целостного процесса ее функционирования и развития.

Обсуждение результатов и выводы

Обсуждение результатов и выводы

Качественный анализ поступивших на рассмотрение Экспертным советом по педагогике и психологии ВАК в 2023 г. диссертаций показывает высокую частоту встречаемости значимой

Табл. 7. Информация о рассмотренных экспертным советом аттестационных делах соискателей ученой степени кандидата наук (К) и ученой степени доктора наук (Д) по специальностям 19.00.05 и 5.3.5

Шифр и наименование специальности	Отрасль науки	Ученая степень	Поступило	Рассмотрено					
				Всего	Положительно	Отрицательно	Снято с рассмотрения	На дополнительное заключение	Другое
19.00.05 Социальная психология	Психологические науки	К	0	0	0	0	0	0	0
		Д	2	2	2	0	0	0	0
5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология	Психологические науки	К	3	3	3	0	0	0	0
		Д	0	0	0	0	0	0	0

Table 7. Doctoral (*kandidat nauk*, K) and postdoctoral (*doktor nauk*, D) theses considered by the Expert Council, research specializations 19.00.05 and 5.3.5

Code and name of the research specialization	Branch of science	Research degree	Theses submitted	Theses considered					
				Total	Successful defence	Defence failed	Withdrawn from consideration	Referred for additional consideration	Other
19.00.05 Social psychology	Psychology	K	0	0	0	0	0	0	0
		D	2	2	2	0	0	0	0
5.3.5. Social psychology, political and economic psychology	Psychology	K	3	3	3	0	0	0	0
		D	0	0	0	0	0	0	0

социальной тематики в российских диссертационных исследованиях по всем научным специальностям, которая и традиционна, и одновременно ориентирована на расширение и уточнение проблемного поля в свете стремительных геополитических, экономических и социальных преобразований.

Во многих работах прослеживается стремление к изучению избранной в качестве предмета исследования феноменологии на стыке разных направлений научной психологии. Значимо выражена практическая направленность. Однако недостаточно проявлен уровень обобщения с выходом на методологические выводы, что объясняется небольшим количеством диссертаций, представленных на соискание ученой степени доктора наук. Более того, этот уровень снижается в течение ряда лет. Так, в 2021 г. в Экспертный совет было представлено 26 работ соответствующего уровня, в 2022 — десять, в 2023 — три.

Следует признать требующим внимания низкий уровень защищаемости в отдельных областях психологического знания (когнитивной психологии, психологии безопасности, психофизиологии, коррекционной психологии и других) и отметить значимость не только привлечения к научной деятельности молодых ученых, но и включения их в исследовательскую деятельность на базе масштабных проектов, организуемых на базе ведущих научных и образовательных организаций или проектов на стыке смежных специальностей (например, психологии и педагогики, психологии и биологии, психологии и медицины и др.).

При этом полагаем, что однозначно судить о наличии тенденции к снижению исследовательской активности преждевременно в связи с рядом обстоятельств, в числе которых считаем ключевыми следующие:

- 1) возрастающая активность диссертационных советов, создаваемых наделенными соответствующими автономными правами научными и образовательными (высшего образования) организациями;
- 2) изменение номенклатуры научных специальностей;
- 3) переходный период в организации научных исследований в условиях обновления отечественной системы образования (в частности, аспирантуры).

Тем не менее, большинство диссертаций в той или иной мере соответствует закономерной для научной и практической психологии социальной тематике.

Для решения задач развития отечественной психологической науки представляется необходимым:

- 1) разработать перечень актуальных тематик диссертационных исследований в области психологии с учетом прогнозирования стратегически важных для развития страны запросов государства, общества, экономики, рынка труда и профессиональной деятельности, а также актуальных тенденций развития науки и технологий;
- 2) при планировании тематик диссертационных исследований (выборе тем диссертационных исследований отдельными учеными и научными коллективами), как мы указывали ранее (Весна, Реан 2023), необходимо руководствоваться Программой фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 гг.), утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 3684-р; учитывать релевантные ориентиры доказательности исследований, предложенных Методическими рекомендациями «Применение критериев доказательности диссертационных исследований в области наук об образовании» (Филлипов 2023);
- 3) интенсифицировать исследования, ориентированные на разрешение крупных научных проблем, связанных с актуальными и прогнозируемыми запросами общества.

Не утрачивает актуальности и ранее сформулированная нами (Весна, Реан 2023) рекомендация включаться в исследовательскую деятельность по проблематике научных исследований, обозначенных в государственном задании ведущих научных и образовательных организаций.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в подготовку рукописи статьи.

Author Contributions

The authors have made an equal contribution to the preparation of the manuscript of the article.

Литература

- Айвазян, Е. Б. (2022) *Культурно-исторический подход к исследованию психического развития слепых детей раннего возраста. Автореферат диссертации на соискание степени доктора психологических наук.* М., Институт коррекционной педагогики Российской академии образования, 50 с.
- Ананьев, Б. Г. (1968) *Человек как предмет познания.* Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 338 с.
- Ананьев, Б. Г. (1977) *О проблемах современного человекознания.* М.: Наука, 381 с.
- Анциферова, Л. И. (1978) Методологические проблемы психологии развития. В кн.: *Принципы развития в психологии.* М.: Наука, с. 3–20.
- Асмолов, А. Г. (2007) *Психология личности: Культурно-историческое понимание развития человека.* М.: Смысл, 478 с.
- Ахмадеева, Е. В. (2023) *Самопредъявление личности как психологический конструкт в межличностных отношениях. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* Ростов-на-Дону, Донской государственный технический университет, 23 с.
- Ахметзянова, А. И. (2015) Технологии раннего вмешательства в современном образовательном пространстве. В кн.: *Актуальные проблемы специальной психологии и коррекционной педагогики: теория и практика. Сборник научных трудов IX Международной научно-образовательной конференции 23 апреля 2015 г. Вып. 9.* Казань: Изд-во Казанского университета, с. 8–15.
- Белан, Е. А. (2022) *Ситуационная активность личности как социально-психологический феномен. Автореферат диссертации на соискание степени доктора психологических наук.* М., Московский педагогический государственный университет, 38 с.
- Беляева, С. И. (2015) *Клинико-психологические особенности матерей делинквентных подростков. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* СПб., Санкт-Петербургский государственный университет, 24 с.
- Весна, Е. Б., Реан, А. А. (2023) Современные тенденции, проблемы и перспективы диссертационных исследований по психологии в России. *Психология человека в образовании*, т. 5, № 3, с. 319–344. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-3-319-344>
- Григорьева, М. Ю. (2019) *Динамика идентичности как фактор социализации подростков. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* М., Московский государственный областной университет, 28 с.
- Гут, Ю. Н. (2014) *Личностные и нейропсихологические предпосылки девиантного поведения у подростков. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* Белгород, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 27 с.
- Дикая, Л. Г., Журавлев, А. Л., Занковский, А. Н. (2016) Современное состояние и перспективы исследований адаптации и реализации профессионала в условиях непрерывных социально-экономических изменений. *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*, т. 1, № 1, с. 7–48. EDN: XVOZER
- Доний, Е. И. (2023) *Когнитивные предикторы академической и специальной успешности младших подростков с интеллектуальной и художественно-изобразительной одаренностью. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* М., Московский государственный психолого-педагогический университет, 25 с.
- Дробышева, Т. В. (2022) *Социальная психология экономической социализации личности в разных ее формах. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* М., Институт психологии Российской академии наук, 46 с.
- Евтушенко, Е. А. (2023) *Совладающее поведение как условие сохранения психологического здоровья сотрудников полиции. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* М., Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 26 с.
- Егорова, О. Н. (2014) *Социальный интеллект умственно отсталых подростков с девиантным поведением. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* СПб., Санкт-Петербургский государственный университет, 24 с.
- Ерохина, Е. И. (2023) *Психологические особенности индивидуального и группового стилей деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* М., Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 26 с.
- Загвоздкина, Т. Ю. (2016) *Образ семьи у детей старшего дошкольного возраста, воспитывающихся в семьях различного социально-экономического статуса. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* М., Московский городской психолого-педагогический университет, 26 с.

- Залящев, Г. С. (2023) *Психологические особенности, диагностика и коррекция антиобщественной позиции личности несовершеннолетних осужденных. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* Рязань, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 24 с.
- Захаревская, Е. А. (2023) *Динамика функционального состояния сотрудников органов внутренних дел в моделируемых условиях профессиональной деятельности. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* М., Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 24 с.
- Зиновьева, Л. В. (2019) *Структура ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* Ярославль, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 26 с.
- Иванников, В. А. (2012) Понятие личности в психологии. *Вопросы психологии*, № 5, с. 125–132.
- Калмыкова, Н. Ю. (2022) *Психодиагностическая дифференциация вариантов развития дошкольников с расстройствами аутистического спектра. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* М., Институт коррекционной педагогики Российской академии образования, 24 с.
- Карманова, Т. М. (2022) *Развитие понимания научного текста студентами. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* Самара, Самарский государственный социально-педагогический университет, 24 с.
- Кириленко, А. В. (2020) Особенности организации обучения детей с особыми образовательными потребностями в общеобразовательных учебных заведениях. *Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*, т. 6 (72), № 2, с. 56–65. EDN: [MGQFSK](https://doi.org/10.26907/2542-042X.2020.6.56-65)
- Кириллова, Е. Б. (2019) *Личностные психологические детерминанты предрасположенности подростков к девиантному поведению. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* СПб., Академия управления МВД России, 21 с.
- Клопова, О. В. (2014) *Психологические факторы успешности обучения мальчиков-подростков из неполных семей. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* СПб., Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 30 с.
- Конокотин, А. В. (2022) *Особенности взаимодействий детей младшего школьного возраста в процессе решения учебных задач. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* М., Московский государственный психолого-педагогический университет, 27 с.
- Костромина, С. Н. (2021) Классический «парадокс личности»: есть ли теоретические и методологические основания для решения? *Новые психологические исследования*, т. 1, № 2, с. 7–30. https://www.doi.org/10.51217/npsyresearch_2021_01_02_01
- Красная, М. А. (2015) *Особенности гражданской социализации молодежи в современном обществе. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* М., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 38 с.
- Кудряшов, А. А. (2023) *Психологические детерминанты чувствительности личности к отращению. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* Челябинск, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 27 с.
- Кузнецов, А. А. (2023) *Психолого-педагогическое сопровождение формирования стрессоустойчивости у курсантов высших учебных заведений МЧС России. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* Челябинск, Уральский государственный педагогический университет, 29 с.
- Кузнецова, М. Н. (2023) *Типы и предикторы деструктивного поведения личности. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* Челябинск, Челябинский государственный университет, 28 с.
- Курдин, Д. А. (2023) *Психологическое прогнозирование рисков отчисления курсантов образовательных организаций ФСИН России. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* Рязань, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 20 с.
- Курочкина, И. А. (2020) *Развитие гендерной идентичности детей-сирот подросткового возраста. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* Екатеринбург, Российский государственный профессионально-педагогический университет, 26 с.
- Кыштымова, Е. С. (2023) *Формирование психологической медиакомпетентности будущих специалистов в области рекламы и связей с общественностью. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* Иркутск, Тихоокеанский государственный университет, 33 с.
- Лебедева, М. Е. (2023) *Психологические факторы личностно-профессионального развития руководителей органов внутренних дел. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* СПб., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 24 с.
- Левандовская, Е. А. (2015) *Развитие внутреннего мира подростков-сирот, воспитывающихся в учреждениях интернатного типа (на примере республики Крым). Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* М., Московский государственный педагогический университет, 24 с.

- кандидата психологических наук. СПб., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 24 с.
- Малахова, В. Р. (2022) *Самораскрытие способностей подростка как фактор академической успешности. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* Ярославль, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 26 с.
- Малькова, И. Н. (2015) *Семейная история как фактор формирования материнского отношения. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 24 с.
- Матюхова, Т. С. (2022) *Психолого-педагогическое сопровождение развития социокультурных потребностей студентов. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* Рязань, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 26 с.
- Меерсон, А.-Л. С. (2023) *Формирование информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам у студентов вуза. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* СПб., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 25 с.
- Мигунова, Е. А. (2023) *Особенности психологических компонентов духовности у лиц юношеского возраста с разной склонностью к суицидальному риску. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* Нижний Новгород, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 26 с.
- Михайлов, В. И. (2023) *Психологические особенности российских и турецких мужчин периода ранней и средней зрелости. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* СПб., Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 26 с.
- Мухамедрахимов, Р. Ж., Самарина, А. В. (2020) Подготовка профессионалов для системы ранней помощи детям и семьям в Российской Федерации. *Вестник практической психологии образования*, т. 17, № 2, с. 106–117. <https://doi.org/10.17759/bpre.2020170210>
- Никитская, М. Г. (2022) *Цели учебных достижений в мотивационно-потребностной сфере подростков. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* М., Московский государственный психолого-педагогический университет, 26 с.
- Новосельская, С. Р. (2023) *Психологические особенности изменения образа профессии у курсантов образовательных организаций МВД России. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* М., Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя, 24 с.
- Орлова, К. М. (2015) *Цели воспитания и образ ребенка у современных родителей: кросс-культурное исследование. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* М., Московский городской психолого-педагогический университет, 26 с.
- Осташева, Е. И. (2018) *Психологические детерминанты девиаций поведения современных подростков. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* СПб., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 29 с.
- Палачева, Т. И. (2014) *Личностные особенности школьников — старших подростков с различным отношением к алкоголю. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* М., Российский государственный гуманитарный университет, 31 с.
- Паулкина, Д. П. (2023) *Психолого-педагогические условия превенции виктимного поведения курсантов образовательных организаций ФСИН России. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* Рязань, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 25 с.
- Перевозкина, Ю. М. (2020) *Содержание и специфика ролевой социализации в процессе формирования личности. Автореферат диссертации на соискание степени доктора психологических наук.* Ярославль, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 48 с.
- Персианова, Н. Б. (2017) *Взаимодействие детей младшего и раннего возраста в домах ребенка. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* СПб., Санкт-Петербургский государственный университет, 26 с.
- Петровская, Т. Ю. (2023) *Когнитивные дезадаптивные схемы в структуре профессионально важных качеств будущих психологов. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* Ярославль, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 25 с.
- Попинако, Е. А. (2023) *Прогнозирование успешности адаптации сотрудников, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел, проходящих профессиональное обучение. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* Рязань, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 25 с.
- Рыцарева, Т. В. (2018) *Индивидуально-психологические особенности подростков с разными типами отклоняющегося поведения и их связь с ценностными ориентациями родителей. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук.* М., Институт психологии Российской академии наук, 31 с.

- Сабитова, А. Р. (2017) Особенности освещения социальной тематики в интернет-СМИ. *Язык. Культура. Коммуникация*, № 1, с. 13–17. EDN: RPRBLN
- Самойлик, Н. А. (2023) *Формирование системы профессионально-ценностных ориентаций курсантов образовательных организаций ФСИН России. Автореферат диссертации на соискание степени доктора психологических наук*. Иркутск, Тихоокеанский государственный университет, 48 с.
- Селиверсткіна, А. Ю. (2023) *Структура личности и психологические детерминанты противоправного поведения наркозависимых несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы условно. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук*. Рязань, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 23 с.
- Сенченко, В. В. (2022) *Психологические особенности представлений о Я-физическом интернет-активной молодежи. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук*. Ростов-на-Дону, Донской государственный технический университет, 25 с.
- Серова, Е. А. (2023) *Межпоколенческие особенности ценностно-смысловых ориентаций в просоциальном поведении молодых и «серебряных» волонтеров. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук*. Ярославль, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 26 с.
- Сиворонова, М. С. (2023) *Психологические особенности профессионального выгорания психологов органов внутренних дел. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук*. М., Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 25 с.
- Соловьева, Т. А. (ред.). (2018) *Системный подход к организации включения младших школьников с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательную среду*. М.: Изд-во МПГУ, 160 с.
- Строкова, С. С. (2019) *Семейная идентичность подростков из семей различных типов. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук*. М., Московский государственный психолого-педагогический университет, 25 с.
- Стулова, А. В. (2023) *Структурно-функциональная организация социально-психологической компетентности матерей в преодолении родительского выгорания» (на материале матерей детей с нарушениями слуха). Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук*. Ярославль, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 25 с.
- Сулимина, О. В. (2016) *Личностное развитие в период перехода от детства к взрослости в различных условиях социализации (в семье и вне семьи). Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук*. М., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 32 с.
- Телешева, К. Ю. (2022) *Психологические механизмы криминальной импульсивной агрессии в норме и при психических расстройствах. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук*. М., Академия управления МВД России, 25 с.
- Титова, М. О. (2023) *Стратегии самообладания участковых уполномоченных полиции с разным уровнем профессионального выгорания. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук*. М., Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 25 с.
- Тищенко, Н. А. (2023) *Психологические особенности представлений личности об организации (на примере сотрудников предприятий малого бизнеса). Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук*. Ростов-на-Дону, Донской государственный технический университет, 26 с.
- Торкаченко, Ю. В. (2022) *Внутриличностные ресурсы здоровья педагога. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук*. Кемерово, Кемеровский государственный университет, 26 с.
- Филатова, О. А. (2023) *Аутентичность как психологический ресурс совладающего поведения педагога. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук*. Хабаровск, Тихоокеанский государственный университет, 27 с.
- Филипов, В. М. (ред.). (2023) *Методические рекомендации «Применение критериев доказательности диссертационных исследований в области наук об образовании»*. М.: РАО, 22 с.
- Цапенко, А. В. (2023) *Психологические предикторы жизненных стилей женщин с расстройствами пищевого поведения. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук*. Ростов-на-Дону, Донской государственный технический университет, 27 с.
- Щербина, С. М. (2017) *Отношение приемной матери к ребенку в профессиональной замещающей семье. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук*. Краснодар, Кубанский государственный университет, 29 с.
- Яценко, О. В. (2023) *PROF.Navigator как психолого-педагогическая технология профорientации и формирования учебной мотивации обучающихся подросткового возраста. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук*. Хабаровск, Тихоокеанский государственный университет, 25 с.

References

- Ajvazyan, E. B. (2022) *Kul'turno-istoricheskij podkhod k issledovaniyu psikhicheskogo razvitiya slepykh detej rannego vozrasta* [Cultural-historical approach to the study of mental development of blind children of early age]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology). Moscow, Institute of Correctional Pedagogy of the Russian Academy of Education, 50 p. (In Russian)
- Akhmadeeva, E. V. (2023) *Samopred'yavlenie lichnosti kak psikhologicheskij konstrukt v mezhlichnostnykh otnosheniyakh* [Self-presentation of personality as a psychological construct in interpersonal relationships]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology). Rostov-on-Don, Don State Technical University, 23 p. (In Russian)
- Akhmetzyanova, A. I. (2015) Tekhnologii rannego vmeshatel'stva v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve [Early intervention technologies in the modern educational space]. In: *Aktual'nye problemy spetsial'noj psikhologii i korrektsionnoj pedagogiki: teoriya i praktika. Sbornik nauchnykh trudov IX Mezhdunarodnoj nauchno-obrazovatel'noj konferentsii 23 aprelya 2015 g* [Actual problems of special psychology and correctional pedagogy: Theory and practice. Collection of scientific papers of IX International Scientific and Educational Conference April 23, 2015]. Iss. 9. Kazan: Kazan Federal University Publ., pp. 8–15. (In Russian)
- Ananev, B. G. (1968) *Chelovek kak predmet poznaniya* [Human being as a subject of cognition]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 338 p. (In Russian)
- Ananev, B. G. (1977) *O problemakh sovremennogo chelovekoznaniiya* [On the problems of modern human science]. Moscow: Nauka Publ., 381 p. (In Russian)
- Antsyferova, L. I. (1978) *Metodologicheskie problemy psikhologii razvitiya* [Methodological problems of developmental psychology]. In: *Printsip razvitiya v psikhologii* [The principle of development in psychology]. Moscow: Nauka Publ., pp. 3–20. (In Russian)
- Asmolov, A. G. (2007) *Psikhologiya lichnosti: Kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka* [Personality psychology: A cultural-historical understanding of human development]. Moscow: Smysl Publ., 478 p. (In Russian)
- Belan, E. A. (2022) *Situatsionnaya aktivnost' lichnosti kak sotsial'no-psikhologicheskij fenomen* [Situational activity of personality as a socio-psychological phenomenon]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology). Moscow, Moscow Pedagogical State University, 38 p. (In Russian)
- Belyaeva, S. I. (2015) *Kliniko-psikhologicheskie osobennosti materej delinkventnykh podrostkov* [Clinical and psychological characteristics of mothers of delinquent adolescents]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology). Saint Petersburg, Saint Petersburg State University, 24 p. (In Russian)
- Dikaya, L. G., Zhuravlev, A. L., Zankovskij, A. N. (2016) *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy issledovaniy adaptatsii i realizatsii professionala v usloviyakh nepreryvnykh sotsial'no-ekonomicheskikh izmenenij* [Current state and prospects of research on adaptation and realization of a professional in the conditions of continuous socio-economic changes]. *Institut psikhologii Rossijskoj akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda — Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology*, vol. 1, no. 1, pp. 7–48. EDN: XVOZER (In Russian)
- Donij, E. I. (2023) *Kognitivnye prediktory akademicheskoy i spetsial'noj uspešnosti mladshikh podrostkov s intellektual'noj i khudozhestvenno-izobrazitel'noj odarennost'yu* [Cognitive predictors of academic and specialty success of younger adolescents with intellectual and artistic-visual giftedness]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology). Moscow, Moscow State University of Psychology and Education, 25 p. (In Russian)
- Drobysheva, T. V. (2022) *Sotsial'naya psikhologiya ekonomicheskoy sotsializatsii lichnosti v raznykh ee formakh* [Social psychology of economic socialization of personality in its different forms]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology). Moscow, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, 46 p. (In Russian)
- Egorova, O. N. (2014) *Sotsial'nyj intellekt umstvenno otstalykh podrostkov s deviantnym povedeniem* [Social intelligence of mentally retarded adolescents with deviant behavior]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology). Saint Petersburg, Saint Petersburg State University, 24 p. (In Russian)
- Erokhina, E. I. (2023) *Psikhologicheskie osobennosti individual'nogo i gruppovogo stilej deyatel'nosti sotrudnikov patrol'no-postovoj sluzhby politsii* [Psychological peculiarities of individual and group activity styles of police patrol and checkpoint service officers]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology). Moscow, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 26 p. (In Russian)
- Evtushenko, E. A. (2023) *Sovladayushchee povedenie kak uslovie sokhraneniya psikhologicheskogo zdorov'ya sotrudnikov politsii* [Coping behavior as a condition for preserving psychological health of police officers]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology). Moscow, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 26 p. (In Russian)
- Filatova, O. A. (2023) *Autentichnost' kak psikhologicheskij resurs sovladayushchego povedeniya pedagoga* [Authenticity as a psychological resource of coping behavior of a teacher]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology). Khabarovsk, Pacific National University, 27 p. (In Russian)
- Fillipov, V. M. (ed.). (2023) *Metodicheskie rekomendatsii "Primenenie kriteriev dokazatel'nosti dissertatsionnykh issledovanij v oblasti nauk ob obrazovanii"* [Methodological Recommendations "Application of Evidence-Based

- Criteria for Dissertation Research in Educational Sciences*"]. Moscow: Russian Academy of Education Publ., 22 p. (In Russian)
- Grigor'eva, M. Yu. (2019) *Dinamika identichnosti kak faktor sotsializatsii podrostkov [Identity dynamics as a factor in adolescent socialization]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Moscow, Moscow State Regional University, 28 p. (In Russian)
- Gut, Yu. N. (2014) *Lichnostnye i nejropsikhologicheskie predposylki deviantnogo povedeniya u podrostkov [Personal and neuropsychological preconditions of deviant behavior in adolescents]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Belgorod, Belgorod State University, 27 p. (In Russian)
- Ivannikov, V. A. (2012) *Ponyatie lichnosti v psikhologii [The concept of personality in psychology]. Voprosy psikhologii*, no. 5, pp. 125–132. (In Russian)
- Kalmykova, N. Yu. (2022) *Psikhodiagnosticheskaya differentsiatsiya variantov razvitiya doshkol'nikov s rasstrojstvami autisticheskogo spektra [Psychodiagnostic differentiation of developmental variants of preschoolers with autism spectrum disorders]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Moscow, Institute of Correctional Pedagogy of the Russian Academy of Education, 24 p. (In Russian)
- Karmanova, T. M. (2022) *Razvitie ponimaniya nauchnogo teksta studentami [Developing students' comprehension of scientific text]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Samara, Samara State University of Social Sciences and Education, 24 p. (In Russian)
- Kirilenko, A. V. (2020) *Osobennosti organizatsii obucheniya detej s osobymi obrazovatel'nymi potrebnyami v obshcheobrazovatel'nykh uchebnykh zavedeniyakh [Features of the organization of education of children with special educational needs in general educational institutions]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya — Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*, vol. 6 (72), no. 2, pp. 56–65. EDN: MGQFSK (In Russian)
- Kirillova, E. B. (2019) *Lichnostnye psikhologicheskie determinanty predraspolozhennosti podrostkov k deviantnomu povedeniyu [Personal psychological determinants of adolescents' predisposition to deviant behavior]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Saint Petersburg, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 21 p. (In Russian)
- Kloпова, O. V. (2014) *Psikhologicheskie faktory uspekhov obucheniya mal'chikov-podrostkov iz nepolnykh semej [Psychological factors of educational success of adolescent boys from single-parent families]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Saint Petersburg, Pushkin Leningrad State University, 30 p. (In Russian)
- Konokotin, A. V. (2022) *Osobennosti vzaimodejstvij detej mladshogo shkol'nogo vozrasta v protsesse resheniya uchebnykh zadach [Features of interactions of primary school children in the process of solving learning tasks]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Moscow, Moscow State University of Psychology and Education, 27 p. (In Russian)
- Kostromina, S. N. (2021) *Klassicheskij "paradoks lichnosti": est' li teoreticheskie i metodologicheskie osnovaniya dlya resheniya? [Classic "Paradox of Personality": Is there a theoretical and methodological basis for a solution?]. Novye psikhologicheskie issledovaniya — New Psychological Research*, vol. 1, no. 2, pp. 7–30. https://www.doi.org/10.51217/npsyresearch_2021_01_02_01 (In Russian)
- Krasnaya, M. A. (2015) *Osobennosti grazhdanskoj sotsializatsii molodezhi v sovremennom obshchestve [Peculiarities of civil socialization of youth in modern society]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Moscow, Moscow State University, 38 p. (In Russian)
- Kudryashov, A. A. (2023) *Psikhologicheskie determinanty chuvstvitel'nosti lichnosti k otvrashcheniyu [Psychological determinants of personality sensitivity to aversion]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Chelyabinsk, South Ural State University (national research university), 27 p. (In Russian)
- Kurdin, D. A. (2023) *Psikhologicheskoe prognozirovanie riskov otchisleniya kursantov obrazovatel'nykh organizatsij FSIN Rossii [Psychological forecasting of risks of expulsion of cadets of educational organizations of Federal Penitentiary Service of Russia]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Ryazan, The Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, 20 p. (In Russian)
- Kurochkina, I. A. (2020) *Razvitie gendernoj identichnosti detej-sirot podrostkovogo vozrasta [Development of gender identity of adolescent orphans]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Ekaterinburg, Russian State Vocational Pedagogical University, 26 p. (In Russian)
- Kuznetsov, A. A. (2023) *Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie formirovaniya stressoustojchivosti u kursantov vysshikh uchebnykh zavedenij MChS Rossii [Psychological and pedagogical support of formation of stress resistance in cadets of higher educational institutions of the Ministry of Emergency Situations of Russia]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Chelyabinsk, Ural State Pedagogical University, 29 p. (In Russian)
- Kuznetsova, M. N. (2023) *Tipy i prediktory destruktivnogo povedeniya lichnosti [Types and predictors of destructive personality behavior]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, 28 p. (In Russian)
- Kyshtymova, E. S. (2023) *Formirovanie psikhologicheskoy mediakompetentnosti budushchikh spetsialistov v oblasti reklamy i svyazej s obshchestvennost'yu [Formation of psychological media competence of future specialists in advertising and public relations]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Irkutsk, Pacific National University, 33 p. (In Russian)

- Lebedeva, M. E. (2023) *Psikhologicheskie faktory lichnostno-professional'nogo razvitiya rukovoditelej organov vnutrennikh del [Psychological factors of personal-professional development of heads of internal affairs authorities]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 24 p. (In Russian)
- Levandovskaya, E. A. (2015) *Razvitiye vnutrennego mira podrostkov-sirot, vospityvayushchikhsya v uchrezhdeniyakh internatnogo tipa (na primere respubliki Krym) [Development of the inner world of orphaned adolescents brought up in residential institutions (on the example of the Republic of Crimea)]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 24 p. (In Russian)
- Malakhova, V. R. (2022) *Samoraskrytie sposobnostej podrostka kak faktor akademicheskoy uspešnosti [Self-disclosure of adolescent's abilities as a factor of academic success]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Yaroslavl, P. G. Demidov Yaroslavl State University, 26 p. (In Russian)
- Mal'kova, I. N. (2015) *Semejnaya istoriya kak faktor formirovaniya materinskogo otnosheniya [Family history as a factor in the formation of maternal attitudes]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, 24 p. (In Russian)
- Matyukhova, T. S. (2022) *Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie razvitiya sotsiokul'turnykh potrebnoyev studentov [Psychological and pedagogical support for the development of students' sociocultural needs]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Ryazan, The Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, 26 p. (In Russian)
- Meerson, A.-L. S. (2023) *Formirovanie informatsionno-psikhologicheskoy ustojchivosti k sotsiokul'turnym ugrozam u studentov vuza [Formation of information-psychological resistance to sociocultural threats in university students]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 25 p. (In Russian)
- Migunova, E. A. (2023) *Osobennosti psikhologicheskikh komponentov dukhovnosti u lits yunosheskogo vozrasta s raznoy sklonnost'yu k suitsidal'nomu risku [Peculiarities of psychological components of spirituality in adolescents with different propensity to suicidal risk]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Nizhny Novgorod, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 26 p. (In Russian)
- Mikhajlov, V. I. (2023) *Psikhologicheskie osobennosti rossijskikh i turetskikh muzhchin perioda rannej i srednej vzroslosti [Psychological characteristics of Russian and Turkish men in early and middle adulthood]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Saint Petersburg, Pushkin Leningrad State University, 26 p. (In Russian)
- Mukhamedrakhimov, R. Zh., Samarina, L. V. (2020) *Podgotovka professionalov dlya sistemy rannej pomoshchi detyam i sem'yam v Rossijskoj Federatsii [Professional training in early intervention for children and families in Russian Federation]. Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya — Bulletin of Psychological Practice in Education*, vol. 17, no. 2, pp. 106–117. <https://doi.org/10.17759/bppe.2020170210> (In Russian)
- Nikitskaya, M. G. (2022) *Tseli uchebnykh dostizhenij v motivatsionno-potrebnostnoj sfere podrostkov [Learning achievement goals in the motivation and needs domain of adolescents]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Moscow, Moscow State University of Psychology and Education, 26 p. (In Russian)
- Novosel'skaya, S. R. (2023) *Psikhologicheskie osobennosti izmeneniya obraza professii u kursantov obrazovatel'nykh organizatsij MVD Rossii [Psychological peculiarities of changing the image of profession in cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Moscow, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 24 p. (In Russian)
- Orlova, K. M. (2015) *Tseli vospitaniya i obraz rebenka u sovremennykh roditelej: kross-kul'turnoe issledovanie [Parenting goals and child image in modern parents: A cross-cultural study]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Moscow, Moscow City Psychological-Pedagogical University, 26 p. (In Russian)
- Ostasheva, E. I. (2018) *Psikhologicheskie determinanty deviatykh povedeniya sovremennykh podrostkov [Psychological determinants of deviant behavior of modern adolescents]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 29 p. (In Russian)
- Palacheva, T. I. (2014) *Lichnostnye osobennosti shkol'nikov — starshikh podrostkov s razlichnym otnosheniem k alkogolyu [Personality characteristics of high school senior adolescents with different attitudes towards alcohol]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Moscow, Russian State University for the Humanities, 31 p. (In Russian)
- Paulkina, D. P. (2023) *Psikhologo-pedagogicheskie usloviya preventsii viktimmogo povedeniya kursantov obrazovatel'nykh organizatsij FSIN Rossii [Psychological and pedagogical conditions of prevention of victimization behavior of cadets of educational organizations of Federal Penitentiary Service of Russia]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Ryazan, The Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, 25 p. (In Russian)
- Perevozkina, Yu. M. (2020) *Soderzhanie i spetsifika rolevoj sotsializatsii v protsesse formirovaniya lichnosti [Content and specificity of role socialization in the process of personality formation]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Yaroslavl, P. G. Demidov Yaroslavl State University, 48 p. (In Russian)
- Persianova, N. B. (2017) *Vzaimodejstvie detej mladencheskogo i ranнего vozrasta v domakh rebenka [Interaction between infants and toddlers in orphanages]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University, 26 p. (In Russian)

- Petrovskaya, T. Yu. (2023) *Kognitivnye dezadaptivnye skhemy v strukture professional'no vazhnykh kachestv budushchikh psikhologov [Cognitive maladaptive schemas in the structure of professionally important qualities of future psychologists]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Yaroslavl, P. G. Demidov Yaroslavl State University, 25 p. (In Russian)
- Popinako, E. A. (2023) *Prognozirovanie uspehnosti adaptatsii sotrudnikov, v pervye prinimaemykh na sluzhbu v organy vnutrennikh del, prokhodyashchikh professional'noe obucheniye [Predicting the success of adaptation of employees, first-time recruitment to the internal affairs authorities, undergoing professional training]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Ryazan, The Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, 25 p. (In Russian)
- Rytsareva, T. V. (2018) *Individual'no-psikhologicheskie osobennosti podrostkov s raznymi tipami otklonyayushchegosya povedeniya i ikh svyaz' s tsennostnymi orientatsiyami roditel'ey [Individual-psychological features of adolescents with different types of deviant behavior and its relationship to parental value orientations]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Moscow, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, 31 p. (In Russian)
- Sabitova, A. R. (2017) *Osobennosti osveshcheniya sotsial'noy tematiki v internet-SMI [Peculiarities of coverage of social issues in the Internet media]. Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya — Language — Culture — Communication*, no. 1, pp. 13–17. EDN: RPRBLN (In Russian)
- Samojlik, N. A. (2023) *Formirovanie sistemy professional'no-tsennostnykh orientatsiy kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy FSIN Rossii [Formation of the system of professional and value orientations of cadets of educational organizations of Federal Penitentiary Service of Russia]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Irkutsk, Pacific National University, 48 p. (In Russian)
- Seliverstikina, A. Yu. (2023) *Struktura lichnosti i psikhologicheskie determinanty protivopravnogo povedeniya narkozavisimykh nesovershennoletnikh, osuzhdennykh k lisheniyu svobody uslovno [Structure of personality and psychological determinants of illegal behavior of drug-dependent minors sentenced to imprisonment on probation]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Ryazan, The Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, 23 p. (In Russian)
- Senchenko, V. V. (2022) *Psikhologicheskie osobennosti predstavleniy o Ya-fizicheskom internet-aktivnoy molodezhi [Psychological peculiarities of representations of self-physical of Internet-active youth]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Rostov-on-Don, Don State Technical University, 25 p. (In Russian)
- Serova, E. A. (2023) *Mezhpokolencheskie osobennosti tsennostno-smyslovyykh orientatsiy v prosotsial'nom povedenii molodykh i "serebryanykh" volonterov [Intergenerational peculiarities of value-sense orientations in prosocial behavior of young and "silver" volunteers]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Yaroslavl, P. G. Demidov Yaroslavl State University, 26 p. (In Russian)
- Shcherbina, S. M. (2017) *Otnosheniye priemnoj materi k rebenku v professional'noy zameshchayushchey sem'e [Attitude of foster mother to child in a professional substitute family]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Krasnodar, Kuban State University, 29 p. (In Russian)
- Sivoronova, M. S. (2023) *Psikhologicheskie osobennosti professional'nogo vygoraniya psikhologov organov vnutrennikh del [Psychological peculiarities of professional burnout of psychologists of internal affairs authorities]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Moscow, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 25 p. (In Russian)
- Solov'eva, T. A. (ed.). (2018) *Sistemnyy podkhod k organizatsii vkl'yucheniya mladshikh shkol'nikov s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v obshcheobrazovatel'nyuyu sredu [Systemic Approach to Organizing the Inclusion of Younger Schoolchildren with Disabilities in the General Education Environment]*. Moscow: Moscow Pedagogical State University Publ., 160 p. (In Russian)
- Strokova, S. S. (2019) *Semejnaya identichnost' podrostkov iz semej razlichnykh tipov [Family identity of adolescents from different types of families]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Moscow, Moscow State University of Psychology and Education, 25 p. (In Russian)
- Stulova, A. V. (2023) *Strukturno-funktsional'naya organizatsiya sotsial'no-psikhologicheskoy kompetentnosti materey v preodolenii roditel'skogo vygoraniya (na materiale materey detey s narusheniyami slukha) [Structural and functional organization of socio-psychological competence of mothers in overcoming parental burnout (on the material of mothers of children with hearing impairment)]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Yaroslavl, P. G. Demidov Yaroslavl State University, 25 p. (In Russian)
- Sulimina, O. V. (2016) *Lichnostnoe razvitiye v period perekhoda ot detstva k vzroslosti v razlichnykh usloviyakh sotsializatsii (v sem'e i vne sem'i) [Personal development in the period of transition from childhood to adulthood in different conditions of socialization (in the family and outside the family)]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Moscow, HSE University, 32 p. (In Russian)
- Telesheva, K. Yu. (2022) *Psikhologicheskie mekhanizmy kriminal'noy impul'sivnoy agressii v norme i pri psikhicheskikh rasstroystvakh [Psychological mechanisms of criminal impulsive aggression in norm and in mental disorders]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 25 p. (In Russian)
- Tishchenko, N. A. (2023) *Psikhologicheskie osobennosti predstavleniy lichnosti ob organizatsii (na primere sotrudnikov predpriyatij malogo biznesa) [Psychological peculiarities of personal perceptions of the organization (on the*

- example of employees of small business enterprises)]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology). Rostov-on-Don, Don State Technical University, 26 p. (In Russian)
- Titova, M. O. (2023) *Strategii samoobladaniya uchastkovykh upolnomochennykh politzii s raznym urovnem professional'nogo vygoraniya [Strategies of self-control of district police commissioners with different levels of professional burnout]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Moscow, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 25 p. (In Russian)
- Torkachenko, Yu. V. (2022) *Vnutrilichnostnye resursy zdorov'ya pedagoga [Intrapersonal resources of teacher's health]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Kemerovo, Kemerovo State University, 26 p. (In Russian)
- Tsapenko, A. V. (2023) *Psikhologicheskie prediktory zhiznennykh stilej zhenshchin s rasstrojstvami pishchevogo povedeniya [Psychological predictors of life styles of women with eating disorders]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Rostov-on-Don, Don State Technical University, 27 p. (In Russian)
- Vesna, E. B., Rean, A. A. (2023) *Sovremennye tendentsii, problemy i perspektivy dissertatsionnykh issledovaniy po psikhologii v Rossii [Dissertations in psychology in Russia: Current trends, problems and prospects]. Psikhologiya cheloveka v obrazovanii — Psychology in Education*, vol. 5, no. 3, pp. 319–344. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-3-319-344> (In Russian)
- Yatsenko, O. V. (2023) *PROENavigator kak psikhologo-pedagogicheskaya tekhnologiya porientatsii i formirovaniya uchebnoj motivatsii obuchayushchikhsya podrostkovogo vozrasta [PROENavigator as a psychological and pedagogical technology of career guidance and formation of learning motivation of teenage students]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Khabarovsk, Pacific National University, 25 p. (In Russian)
- Zagvozdikina, T. Yu. (2016) *Obraz sem'i u detej starshego doshkol'nogo vozrasta, vospityvayushchikhsya v sem'yakh razlichnogo sotsial'no-ekonomicheskogo statusa [Family image in older preschool children raised in families of different socio-economic statuses]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Moscow, Moscow City Psychological-Pedagogical University, 27 p. (In Russian)
- Zakharevskaya, E. A. (2023) *Dinamika funktsional'nogo sostoyaniya sotrudnikov organov vnutrennikh del v modeliruemykh usloviyakh professional'noj deyatel'nosti [Dynamics of the functional state of internal affairs officers under simulated conditions of professional activity]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Moscow, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 24 p. (In Russian)
- Zalyashchev, G. S. (2023) *Psikhologicheskie osobennosti, diagnostika i korrektsiya antiobshchestvennoj pozitsii lichnosti nesovershennoletnikh osuzhdennykh [Psychological peculiarities, diagnosis and correction of antisocial position of personality of juvenile convicts]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Ryazan, The Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, 24 p. (In Russian)
- Zinov'eva, L. V. (2019) *Struktura rolevykh dispozitsiy podrostkov, sklonnykh k deviantnomu povedeniyu [Structure of role dispositions of adolescents prone to deviant behavior]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Yaroslavl, P. G. Demidov Yaroslavl State University, 26 p. (In Russian)

Сведения об авторах

Елена Борисовна Весна, доктор психологических наук, профессор, проректор Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
Scopus AuthorID: [57192645349](https://orcid.org/57192645349), ORCID: [0000-0001-5509-6693](https://orcid.org/0000-0001-5509-6693), e-mail: EBVesna@mephi.ru

Артур Александрович Реан, Академик РАО, доктор психологических наук, профессор, директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения МПГУ, Московский педагогический государственный университет
SPIN-код: [3118-2694](https://orcid.org/3118-2694), Scopus AuthorID: [6507072773](https://orcid.org/6507072773), ResearcherID: [KHX-7756-2024](https://orcid.org/KHX-7756-2024), ORCID: [0000-0002-1107-9530](https://orcid.org/0000-0002-1107-9530), e-mail: aa.rean@mpgu.su

Роман Викторович Демьянчук, доктор психологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры психологии образования и педагогики факультета психологии СПбГУ, Санкт-Петербургский государственный университет
SPIN-код: [8188-5968](https://orcid.org/8188-5968), ResearcherID: [I-1959-2016](https://orcid.org/I-1959-2016), ORCID: [0000-0001-5939-7733](https://orcid.org/0000-0001-5939-7733), e-mail: r.demjanчук@spbu.ru

Authors

Elena B. Vesna, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Vice-Rector, National Research Nuclear University MEPhI
Scopus AuthorID: [57192645349](https://orcid.org/57192645349), ORCID: [0000-0001-5509-6693](https://orcid.org/0000-0001-5509-6693), e-mail: EBVesna@mephi.ru

Artur A. Rean, Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Director of the Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research, Moscow Pedagogical State University
SPIN: [3118-2694](https://orcid.org/3118-2694), Scopus AuthorID: [6507072773](https://orcid.org/6507072773), ResearcherID: [KHX-7756-2024](https://orcid.org/KHX-7756-2024), ORCID: [0000-0002-1107-9530](https://orcid.org/0000-0002-1107-9530), e-mail: aa.rean@mpgu.su

Roman V. Demyanchuk, Doctor of Sciences (Psychology), Senior Lecturer, Department of Education Psychology and Pedagogics, Faculty of Psychology, Saint-Petersburg University
SPIN: [8188-5968](https://orcid.org/8188-5968), ResearcherID: [I-1959-2016](https://orcid.org/I-1959-2016), ORCID: [0000-0001-5939-7733](https://orcid.org/0000-0001-5939-7733), e-mail: r.demjanчук@spbu.ru

УДК 316.6

EDN FJTNSS

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-143-157>

Научная статья

Конструктивный и слепой патриотизм подростков: вклад возраста, пола и типа образовательного учреждения

С. В. Васильева¹, А. В. Микляева^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования: Васильева, С. В., Микляева, А. В. (2024) Конструктивный и слепой патриотизм подростков: вклад возраста, пола и типа образовательного учреждения. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 2, с. 143–157. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-143-157> EDN FJTNSS

Получена 13 декабря 2023; прошла рецензирование 11 января 2024; принята 28 января 2024.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00482^{*}.

Права: © С. В. Васильева, А. В. Микляева (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](#).

Аннотация

Введение. В контексте возрастания внимания психолого-педагогического сообщества к проблемам патриотического воспитания подростков и молодежи усиливается актуальность исследований, посвященных изучению содержания патриотических установок в данных возрастных группах, а также его возрастной динамики. В статье представлены результаты анализа вклада социально-демографических переменных (возраста, пола, образовательного учреждения) в показатели слепого и конструктивного патриотизма старших подростков.

Материалы и методы. К участию в исследовании были привлечены 463 старших подростка (51,8 % девушек и 48,2 % юношей) в возрасте 14–18 лет, учащиеся школ (40,5 %), ссузов (34,1 %) и вузов (25,4 %) Санкт-Петербурга и Ленинградской области. В качестве методов сбора эмпирических данных использовалась подростковая версия опросника конструктивного патриотизма (С. В. Васильева, А. В. Микляева), для сбора социально-демографической информации использовалась анкета. Результаты проверки нормальности распределения (критерий Колмогорова — Смирнова, $d = 0,08$ при $p < 0,01$ для шкалы конструктивного патриотизма, $d = 0,07$ при $p < 0,05$ для шкалы слепого патриотизма) определили необходимость использования для статистической обработки данных методов непараметрической статистики.

Результаты. В возрастном диапазоне 14–18 лет зафиксировано последовательное снижение показателей слепого патриотизма ($H = 24,83$ при $p < 0,001$; $r_s = -0,21$ при $p \leq 0,01$) и одновременный рост показателей конструктивного патриотизма ($H = 12,85$ при $p = 0,01$; $r_s = 0,16$ при $p \leq 0,01$). Динамика показателей слепого патриотизма обеспечивается, в первую очередь, их изменениями в выборке юношей, конструктивного — в выборке девушек, причем для выборки юношей в целом характерны более высокие показатели слепого патриотизма ($U = 24999,5$ при $p = 0,05$), для выборки девушек — конструктивного ($U = 24745,5$ при $p = 0,03$). Установлено, что показатель слепого патриотизма достоверно выше в выборке школьников и достоверно ниже в выборке студентов вузов ($H = 24,83$ при $p < 0,001$), взаимодействия факторов «возраст*образовательное учреждение» (при сравнении выборок 15–17-летних подростков, учащихся школ и ссузов) не зафиксировано.

Заключение. Полученные данные необходимо учитывать при интерпретации результатов подростковой версии опросника конструктивного патриотизма, а также при разработке психолого-педагогических программ, направленных на содействие формированию конструктивных патриотических установок в подростковой и молодежной среде.

Ключевые слова: патриотизм, конструктивный патриотизм, слепой патриотизм, подростки, школьники, студенты ссузов, студенты вузов

^{*} <https://rscf.ru/project/23-28-00482/>

Research article

Constructive and blind patriotism in adolescence: The contribution of age, gender and type of educational institution

S. V. Vasileva¹, A. V. Miklyaeva ^{✉1}

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Vasileva, S. V., Miklyaeva, A. V. (2024) Constructive and blind patriotism in adolescence: The contribution of age, gender and type of educational institution. *Psychology in Education*, vol. 6, no. 2, pp. 143–157. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-143-157> EDN FITNSS

Received 13 December 2023; reviewed 11 January 2024; accepted 28 January 2024.

Funding: The study was supported by grant from the Russian Science Foundation (RSF) No. 23-28-00482.

Copyright: © S. V. Vasileva, A. V. Miklyaeva (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract

Introduction. The problems of patriotic education of youth and adolescents attract increasing attention of psychologists and teachers. As a result, there is a growing demand in studies focusing on the content and age dynamics of patriotic attitudes in these age groups. The article analyses the contribution of socio-demographic variables (age, gender, type of educational institution) to the indicators of blind and constructive patriotism in adolescents.

Materials and Methods. The study involved 463 adolescents (51.8 % female, 48.2 % male) aged 14–18: students of secondary general education schools (40.5 %), vocational schools (34.1 %) and universities (25.4 %) of Saint Petersburg and Leningrad Region. The empirical data were collected using the Constructive Patriotism Questionnaire (the adolescent version by S. V. Vasileva, A. V. Miklyaeva) and a socio-demographic questionnaire. The results of the application of the Kolmogorov–Smirnov criterion ($d = 0.08$ $p < 0.01$ for the scale of constructive patriotism, $d = 0.07$ $p < 0.05$ for the scale of blind patriotism) determined the usage of nonparametric methods for data processing.

Results. In adolescents aged 14–18, the increase in the respondents' age is associated with a decrease in blind patriotism ($H = 24.83$ $p < 0.001$; $r_s = -0.21$ $p < 0.01$) and an increase in constructive patriotism ($H = 12.85$ $p = 0.01$; $r_s = 0.16$ $p < 0.01$). The dynamics of blind patriotism is primarily provided by the changes in the male sample, and of constructive patriotism, in the female sample. The male sample in general has higher indicators of blind patriotism ($U = 24999.5$ $p = 0.05$), and the female sample in general has higher indicators of constructive patriotism ($U = 24745.5$ at $p = 0.03$). The blind patriotism was significantly higher in secondary general education school students and significantly lower in university students ($H = 24.83$ $p < 0.001$). We found no interaction between the factors 'age*educational institution' for students of secondary general education schools and vocational schools aged 15–17.

Conclusions. The results are important for interpreting the results of the Constructive Patriotism Questionnaire (adolescent version), as well as for developing psychological and pedagogical programs aimed at promoting constructive patriotic attitudes among youth and adolescents.

Keywords: patriotism, constructive patriotism, blind patriotism, adolescents, schoolchildren, secondary general education school students, vocational school students, university students

Введение

Изучение патриотизма в подростковой и молодежной среде в последние годы становится все более актуальной задачей, и вместе с ростом ее актуальности возрастает потребность в прояснении теоретико-методологических позиций исследований патриотизма, которые позволили бы сделать многочисленные эмпирические данные сопоставимыми друг с другом. Ранее (Васильева, Микляева 2023) нами была предложена социально-психологическая трактовка

феномена патриотизма, позволяющая определить его как социальную установку, которая отражает привязанность человека к своей стране, опирающуюся на устойчивую систему социальных ценностей. Предложенная трактовка патриотизма основана на теории социальной идентичности (Tajfel, Turner 1979; 1986.) и вслед за Р. Шатцем и соавт. (Schatz et al. 1999) позволяет выделять две существенно различающиеся формы патриотизма, названные слепым и конструктивным патриотизмом.

И слепой, и конструктивный патриотизм являются формами привязанности к своей стране, однако социально-психологические механизмы, лежащие в их основе, различаются. Слепой патриотизм теснее всего связан с национальной идентичностью как компонентом социальной идентичности личности, возникает на основе противопоставления «мы — они» и опирается, в первую очередь, на потребности, связанные с поддержанием стабильности и безопасности. Конструктивный патриотизм, в свою очередь, наиболее тесным образом связан с гражданской идентичностью, возникает на основе осознания уникальности собственной страны и опирается на потребности в росте и развитии (Finell, Zogmaister 2015; Sahar 2008; Schatz 2020; Spry, Hornsey 2007). В результате в структуре слепого патриотизма преобладает эмоциональный компонент, отражающий степень привязанности к своей стране, тогда как в структуре конструктивного патриотизма констатируется баланс между эмоциональным, когнитивным и деятельностным компонентами, определяющий взаимосвязь данного вида патриотизма с различными формами просоциальной активности (Aydin et al. 2022; Makeel et al. 2022; Nazaruiddin 2019; Rupar et al. 2021; Van Bavel et al. 2022). Соотнося сведения о слепом и конструктивном патриотизме с данными о закономерностях становления социальной идентичности (Микляева, Румянцева 2008), мы можем с большой долей уверенности предполагать, что конструктивный патриотизм ассоциирован с более зрелыми формами регуляции социального поведения, в сравнении со слепым.

Исследования показывают, что в последние годы в российской системе образования преобладают воспитательные практики, способствующие формированию преимущественно эмоционального компонента в структуре патриотизма (Гогиберидзе 2023; Сулимин 2016), что определяет значимость анализа возможностей развития других компонентов патриотизма, прежде всего, деятельностного, обеспечивающего реализацию патриотических установок в различных формах активности, направленных на благо своей страны. В рамках данной статьи мы начинаем анализ факторов, опосредующих формирование конструктивного патриотизма подростков, который определяет деятельностный характер патриотических установок (посредством сопоставления с факторами, определяющими формирование слепого патриотизма), и концентрируем внимание на социально-демографических характеристиках подростков, таких как возраст, пол и тип

образовательного учреждения, в котором они обучаются.

Выбор социально-демографических переменных в качестве факторов, опосредующих содержание патриотических установок, обусловлен имеющимися в литературе данными об их влиянии на показатели слепого и конструктивного патриотизма в более старших возрастных группах (молодежи и взрослых людей) на фоне отсутствия аналогичных данных в отношении подросткового возраста. Так, например, показано, что слепой и конструктивный патриотизм молодежи и взрослых людей не опосредован возрастом, но при этом определяется уровнем образования (Baş 2016; Ergun 2017). Кроме того, получены данные о том, что уровень слепого патриотизма выше в мужской выборке, в сравнении с женской (Baş 2016; Ergun 2017; Tonga, Aksoy 2014). Однако применительно к подросткам, личность которых находится в стадии активного становления, причем социальная ситуация становления личности и траектории взросления юношей и девушек довольно существенно различаются (Микляева и др. 2023), эти данные, безусловно, нуждаются в дополнительной эмпирической проверке. О том, что в среде подростков могут наблюдаться половозрастные особенности в содержании патриотических установок, косвенно свидетельствуют данные, полученные с опорой на иные теоретико-методологические подходы, в которых указанные различия фиксируются как статистически значимые (Ивченков, Сайганова 2020; Пиролганов и др. 2020; Попова 2010; Сумилин 2016; Шиндряева 2015). Кроме того, известно, что в подростковом возрасте активно формируется социальная идентичность личности (Finell, Zogmaister 2015; Sahar 2008; Schatz 2020; Spry, Hornsey 2007), а также когнитивные и рефлексивные процессы, обеспечивающие обработку социальной информации (Kofeczek et al. 2022; Syuhada Ginting et al. 2019; Williams et al. 2008; Yazıcı et al. 2016), которые, согласно имеющимся в литературе данным, определяют содержание патриотических установок.

Таким образом, цель нашего исследования заключалась в анализе вклада социально-демографических переменных (возраст, пол, образовательное учреждение, в котором обучается подросток) в показатели слепого и конструктивного патриотизма старших подростков. Обзор литературы позволил сформулировать следующие исследовательские вопросы.

1) Различаются ли показатели слепого и конструктивного патриотизма в подгруппах

подростков, выделенных по параметрам «возраст», «пол» и «образовательное учреждение»?

2) Различается ли возрастная динамика показателей слепого и конструктивного патриотизма подростков в зависимости от пола и типа образовательного учреждения, в котором они обучаются?

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 463 старших подростка в возрасте 14–18 лет, учащиеся школ (40,5 %), ссузов (34,1 %) и вузов (25,4 %) Санкт-Петербурга и Ленинградской области, среди них 51,8 % девушек и 48,2 % юношей. Подробная характеристика выборки представлена в таблице 1.

Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью подростковой версии опросника конструктивного патриотизма (Васильева, Микляева 2023), а также анкеты, позволяющей получить данные о социально-демографических характеристиках респондентов (возраст, пол, место учебы).

Статистической обработке данных предшествовала проверка нормальности распределения с помощью критерия Колмогорова — Смирнова, на основании результатов которой ($d = 0,08$ при $p < 0,01$ для шкалы конструктивного патриотизма; $d = 0,07$ при $p < 0,05$ для шкалы слепого

патриотизма) было принято решение использовать непараметрические методы анализа данных: U-критерий Манна — Уитни и H-критерий Краскела — Уоллиса, а также коэффициент корреляции Спирмена (r_s). Анализировались такие описательные статистики, как среднее значение (M), стандартное отклонение (S) и медиана (Me).

Расчеты осуществлялись с помощью пакета прикладных статистических программ Statistica 10.0.

Результаты

Анализ описательных статистик, полученных для показателей слепого и конструктивного патриотизма с учетом параметра «возраст», позволил выявить в качестве общей тенденции в возрастном диапазоне 14–18 лет последовательное снижение показателей слепого патриотизма на фоне последовательного роста показателей конструктивного патриотизма (табл. 2). Несмотря на то что в возрастной группе 16 лет наблюдается некоторый рост показателей слепого патриотизма при некотором снижении показателей конструктивного патриотизма, описанные выше обобщенные тенденции можно признать достоверными с опорой на результаты корреляционного анализа, позволившие установить значимые взаимосвязи между этими

Табл. 1. Характеристика выборки

Возраст респондентов	Всего, чел.	С учетом пола		С учетом места учебы		
		Юноши, чел.	Девушки, чел.	Школа, чел.	Ссуз, чел.	Вуз, чел.
14 лет	72	37	35	72	–	–
15 лет	67	31	36	44	23	–
16 лет	120	69	51	38	82	–
17 лет	74	39	35	27	43	4
18 лет	130	48	82	7	10	111
Всего	463	224	239	188	158	117

Table 1. Characteristics of the sample

Age	Number of respondents	Gender		Type of educational institution		
		Male	Female	Secondary general education school	Vocational school	University
14	72	37	35	72	–	–
15	67	31	36	44	23	–
16	120	69	51	38	82	–
17	74	39	35	27	43	4
18	130	48	82	7	10	111
Total	463	224	239	188	158	117

Табл. 2. Описательные статистики показателей слепого и конструктивного патриотизма в подгруппах респондентов, различающихся по возрасту

Возраст	Показатель	Слепой патриотизм	Конструктивный патриотизм
14 (n = 72)	M	18,99	23,46
	S	5,48	5,13
	Me	19	23
15 (n = 67)	M	18,49	23,76
	S	5,23	5,37
	Me	19	24
16 (n = 120)	M	17,83	23,56
	S	5,61	5,57
	Me	18	25
17 (n = 74)	M	18,30	24,61
	S	5,50	5,81
	Me	19	24
18 (n = 130)	M	15,38	25,55
	S	6,51	5,81
	Me	15	26
Н-критерий (p)		24,83 (p < 0,001)	12,85 (p = 0,01)

Table 2. Descriptive statistics of indicators of blind and constructive patriotism in subgroups of respondents by age

Age	Statistics	Blind patriotism	Constructive patriotism
14 (n = 72)	M	18.99	23.46
	S	5.48	5.13
	Me	19	23
15 (n = 67)	M	18.49	23.76
	S	5.23	5.37
	Me	19	24
16 (n = 120)	M	17.83	23.56
	S	5.61	5.57
	Me	18	25
17 (n = 74)	M	18.30	24.61
	S	5.50	5.81
	Me	19	24
18 (n = 130)	M	15.38	25.55
	S	6.51	5.81
	Me	15	26
H-criterion (p)		24.83 (p < 0.001)	12.85 (p = 0.01)

показателями и возрастом респондентов: отрицательную ($r_s = -0,21$ при $p \leq 0,01$) для показателя слепого патриотизма и положительную ($r_s = 0,16$ при $p \leq 0,01$) для показателя конструктивного патриотизма.

Анализ описательных статистик, рассчитанных с учетом параметра «пол», позволил зафиксировать более высокие показатели слепо-

го патриотизма в выборке юношей, в сравнении с выборкой девушек; показатели конструктивного патриотизма, напротив, достоверно выше в выборке девушек, в сравнении с выборкой юношей (табл. 3).

Для оценки совместного вклада параметров «пол*возраст» в показатели слепого и конструктивного патриотизма были построены графики

Табл. 3. Описательные статистики показателей слепого и конструктивного патриотизма в подгруппах респондентов, различающихся по полу

Пол	Показатель	Слепой патриотизм	Конструктивный патриотизм
Девушки (n = 239)	M	17,05	24,85
	S	5,93	5,47
	Me	19	23
Юноши (n = 224)	M	18,08	23,71
	S	6,00	5,59
	Me	19	24
U-критерий (p)		24999,5 (p = 0,05)	24745,5 (p = 0,03)

Table 3. Descriptive statistics of indicators of blind and constructive patriotism in subgroups of respondents by gender

Gender	Statistics	Blind patriotism	Constructive patriotism
Female (n = 239)	M	17.05	24.85
	S	5.93	5.47
	Me	19	23
Male (n = 224)	M	18.08	23.71
	S	6.00	5.59
	Me	19	24
U-criterion (p)		24999.5 (p = 0.05)	24745.5 (p = 0.03)

(рис. 1–2), а также рассчитаны коэффициенты различий этих показателей по параметру «возраст» в подгруппах, выделенных с учетом пола респондентов, и по параметру «пол» в подгруппах, выделенных с учетом возраста. Результаты позволяют отметить, что тенденция к снижению показателей слепого патриотизма по мере взросления в целом является универсальной и не за-

висит от пола, однако отмеченное незначительное нарушение этой тенденции, вероятнее всего, определяется возрастной динамикой данного показателя в выборке юношей, но не наблюдается в выборке девушек. Рост показателей конструктивного патриотизма с возрастом, в свою очередь, обеспечивается прежде всего, его динамикой в выборке девушек, в то время

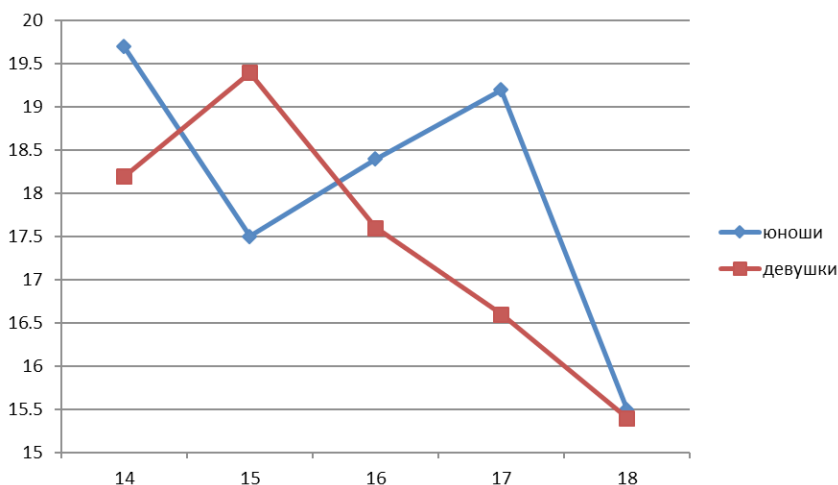

Рис. 1. Взаимодействие факторов «возраст*пол» для показателя слепого патриотизма. Различия по параметру «возраст»: для выборки юношей $H = 9,10$ при $p = 0,05$, для выборки девушек $H = 17,92$ при $p = 0,001$. Различия по параметру «пол» не значимы ни для одной возрастной группы: $435,0 \leq U \leq 1638,5$ при $0,07 \leq p \leq 0,59$

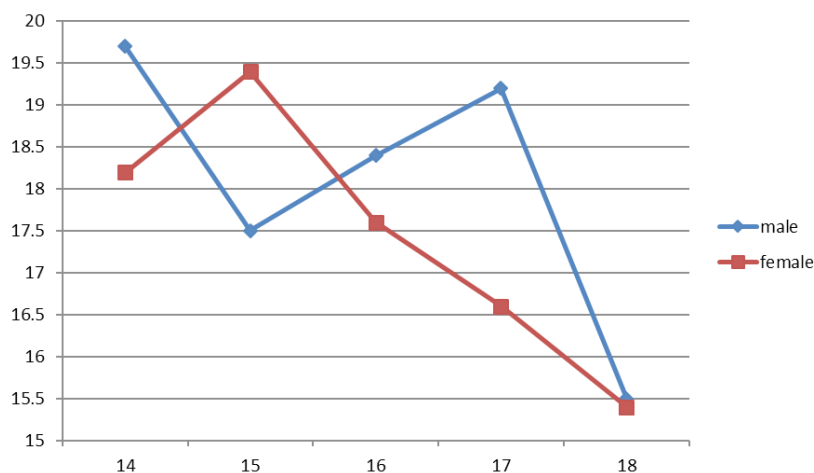

Fig. 1. The interaction of the factors 'age*gender' for the indicator of blind patriotism. Differences in the 'age' parameter: for the male sample $H = 9.10$ at $p = 0.05$, for the female sample $H = 17.92$ at $p = 0.001$. Differences in the 'gender' parameter are not significant for any of the age groups: $435.0 \leq U \leq 1638.5$ at $0.07 \leq p \leq 0.59$

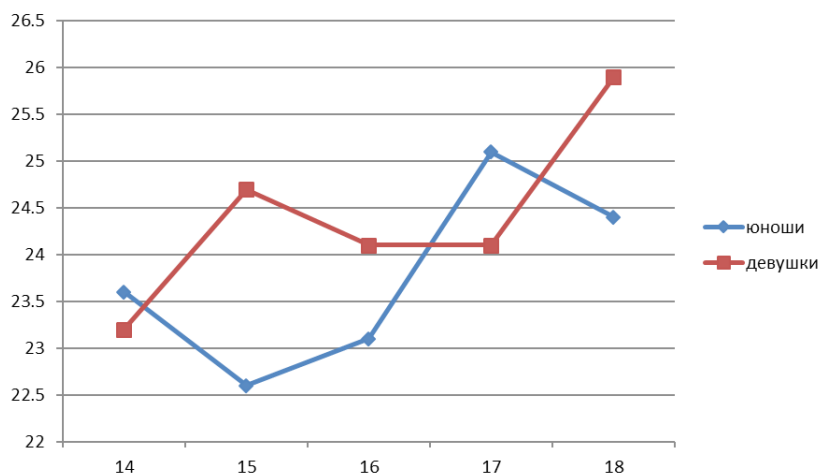

Рис. 2. Взаимодействие факторов «возраст*пол» для показателя конструктивного патриотизма. Различия по параметру «возраст»: для выборки юношей $H = 5,41$ при $p = 0,27$, для выборки девушек $H = 9,07$ при $p = 0,05$. Различия по параметру «пол» не значимы ни для одной возрастной группы: $545,3 \leq U \leq 3773,9$ при $0,10 \leq p \leq 0,74$

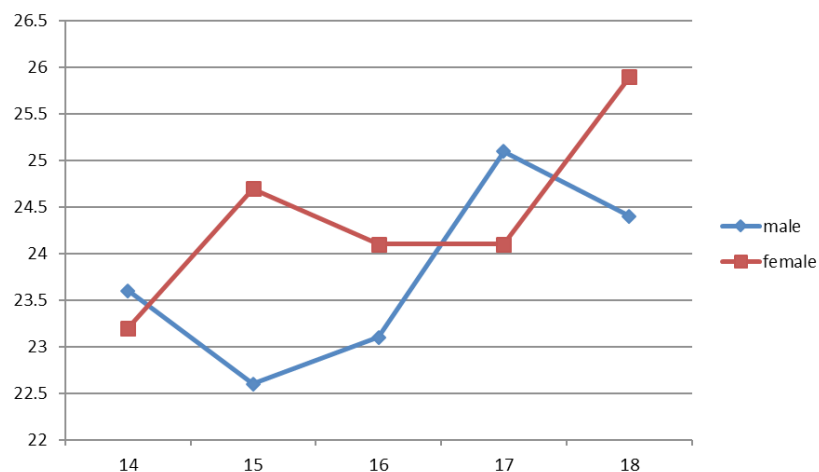

Fig. 2. The interaction of the factors 'age*gender' for the indicator of constructive patriotism. Differences in the 'age' parameter: for the male sample $H = 5.41$ at $p = 0.27$, for the female sample $H = 9.07$ at $p = 0.05$. The differences in the 'gender' parameter are not significant for any of the age groups: $545.3 \leq U \leq 3773.9$ at $0.10 \leq p \leq 0.74$

как в выборке юношей фиксируется более выраженная неравномерность его изменений, в том числе определяющая некоторое снижение показателей конструктивного патриотизма в выборке 16-летних подростков, отмеченное при анализе общего массива данных.

Анализ описательных статистик, рассчитанных с учетом параметра «образовательное учреждение», продемонстрировал, что показатели слепого патриотизма в подгруппах учащихся школ, ссузов и вузов статистически достоверно различаются, причем самые высокие его значения зафиксированы среди школьников, а самые низкие — среди студентов вузов, в то время как для показателя конструктивного патриотизма статистически значимых различий не обнаруживается (табл. 4).

Оценка совместного вклада параметров «возраст*образовательное учреждение» в показатели слепого и конструктивного патриотиз-

ма на основе графиков (рис. 3–4), а также анализа коэффициентов различий этих показателей по параметру «возраст» в подгруппах, выделенных с учетом типов образовательных учреждений, в которых обучаются респонденты, и по параметру «образовательное учреждение» в подгруппах, выделенных с учетом возраста. Учитывая неравномерность состава выборки по анализируемым параметрам (табл. 1), в анализ были включены только данные учащихся школ и ссузов в возрасте 15–17 лет. Согласно полученным данным, общая тенденция к снижению показателей слепого патриотизма и роста конструктивного патриотизма по мере взросления в целом проявляется независимо от того, в каком образовательном учреждении (школе или ссузе) обучаются подростки, однако для выборок школьников и студентов ссузов, проанализированных по отдельности, она не достигает уровня статистической значимости.

Табл. 4. Описательные статистики показателей слепого и конструктивного патриотизма в подгруппах респондентов, обучающихся в различных образовательных учреждениях

Образовательное учреждение	Показатель	Слепой патриотизм	Конструктивный патриотизм
школа (n = 188)	M	18,99	23,46
	S	5,48	5,13
	Me	19	23
ссуз (n = 158)	M	18,49	23,76
	S	5,23	5,37
	Me	19	24
вуз (n = 117)	M	17,83	23,56
	S	5,61	5,57
	Me	18	25
H-критерий (p)		24,83 (p < 0,001)	7,85 (p = 0,12)

Table 4. Descriptive statistics of indicators of blind and constructive patriotism in subgroups of respondents by the type of educational institution

Educational institutions	Statistics	Blind patriotism	Constructive patriotism
Secondary general education school (n = 188)	M	18.99	23.46
	S	5.48	5.13
	Me	19	23
Vocational school (n = 158)	M	18.49	23.76
	S	5.23	5.37
	Me	19	24
University (n = 117)	M	17.83	23.56
	S	5.61	5.57
	Me	18	25
H-criterion (p)		24.83 (p < 0.001)	7.85 (p = 0.12)

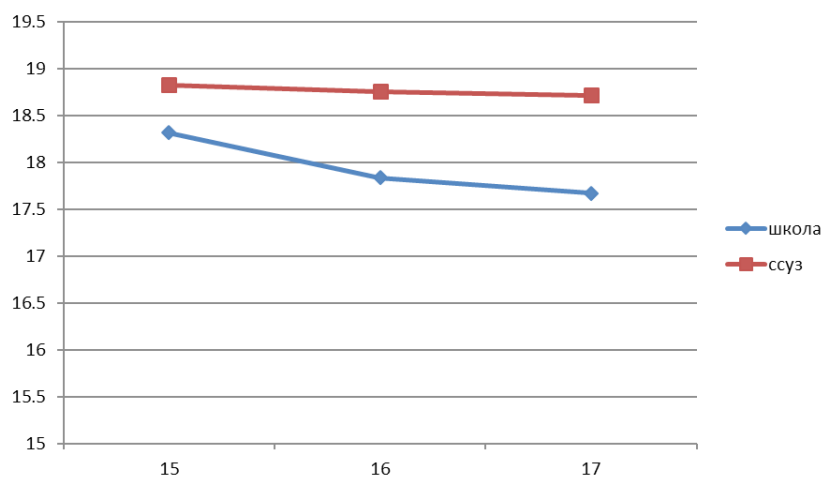

Рис. 3. Взаимодействие факторов «возраст*образовательное учреждение» для показателя слепого патриотизма. Различия по параметру «возраст»: для выборки учащихся школ $N = 5,72$ при $p = 0,29$, для выборки учащихся ссузов $N = 5,17$ при $p = 0,16$. Различия по параметру «образовательное учреждение» не значимы ни для одной из возрастных групп ($536,0 \leq U \leq 807,6$ при $0,52 \leq p \leq 0,62$)

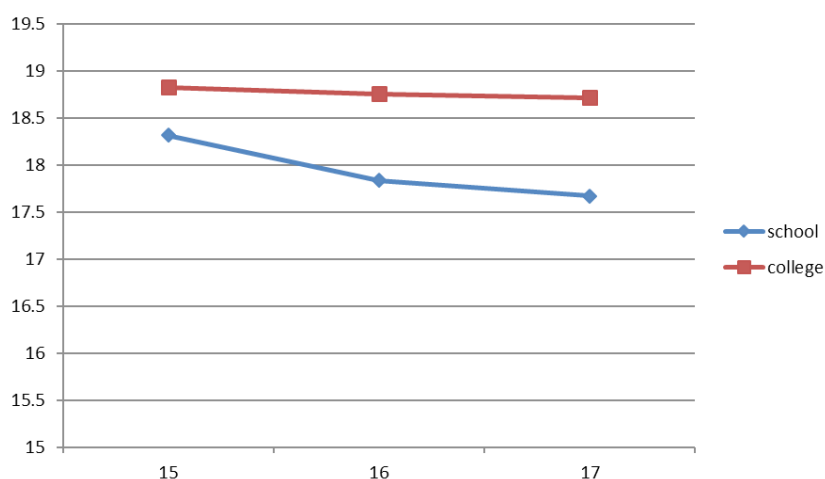

Fig. 3. The interaction of the factors 'age*educational institution' for the indicator of blind patriotism. Differences in the 'age' parameter: for the secondary general education school sample $N = 5.72$ at $p = 0.29$, for the vocational school sample $N = 5.17$ at $p = 0.16$. The differences in the 'type of educational institution' parameter are not significant for any of the age groups: $536.0 \leq U \leq 807.6$ at $0.52 \leq p \leq 0.62$

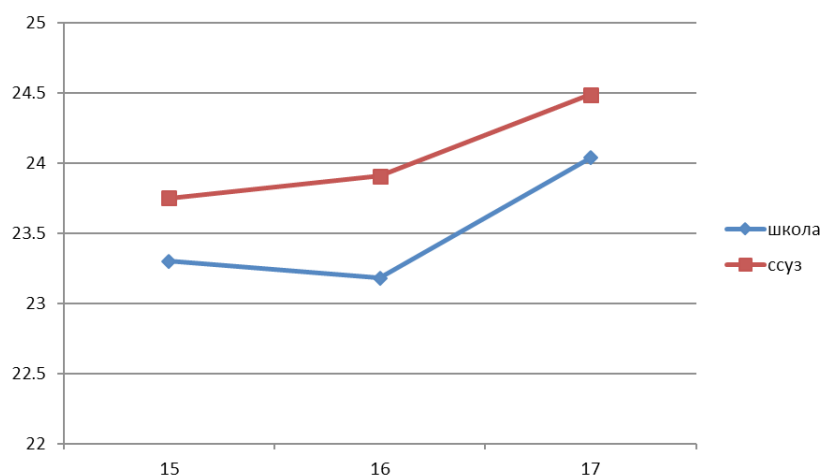

Рис. 4. Взаимодействие факторов «возраст*образовательное учреждение» для показателя конструктивного патриотизма. Различия по параметру «возраст»: для выборки учащихся школ $N = 2,47$ при $p = 0,43$, для выборки учащихся ссузов $N = 2,46$ при $p = 0,41$. Различия по параметру «образовательное учреждение» не значимы ни для одной из возрастных групп ($535,5 \leq U \leq 1427,0$ при $0,13 \leq p \leq 0,97$)

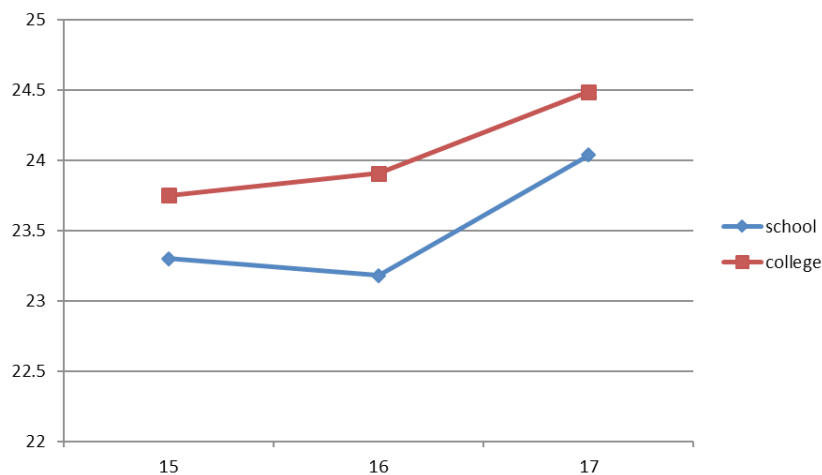

Fig. 4. The interaction of the factors 'age*type of educational institution' for the indicator of constructive patriotism. Differences in the 'age' parameter: for the secondary general education school sample $H = 2.47$ at $p = 0.43$, for the vocational school sample $H = 2.46$ at $p = 0.41$. The differences in the 'type of educational institution' parameter are not significant for any of the age groups: $535.5 \leq U \leq 1427.0$ at $0.13 \leq p \leq 0.97$

Обсуждение

Наше исследование было направлено на изучение вклада таких социально-демографических переменных, как возраст, пол и тип образовательного учреждения, в показатели слепого и конструктивного патриотизма старших подростков. Логика анализа данных была выстроена в соответствии с исследовательскими вопросами, сформулированными на основании анализа литературы.

Первый исследовательский вопрос заключался в том, существуют ли значимые различия по показателям слепого и конструктивного патриотизма между подгруппами подростков, выделенными по параметрам «возраст», «пол» и «образовательное учреждение». Полученные нами результаты позволяют ответить на этот вопрос положительно.

Так, исследование показало, что в возрастном диапазоне от 14 до 18 лет по мере взросления подростков показатели слепого патриотизма последовательно снижаются, тогда как показатели конструктивного патриотизма, напротив, возрастают. Учитывая, что в исследованиях с привлечением более взрослых выборок фактор возраста не обнаруживает значимого влияния на содержание патриотических установок молодых людей (Baş 2016; Ercan 2017), можно предполагать, что полученные нами результаты отражают изменения патриотических установок в контексте наиболее активного этапа социального становления личности, когда интенсивно формируются различные компоненты социальной идентичности личности и выстраиваются взаимосвязи между ними (Finell, Zogmaister

2015; Sahar 2008; Schatz 2020; Spry, Hornsey 2007), и, кроме того, развивается когнитивный и рефлексивный потенциал личности, обеспечивающий повышение качества обработки социальной информации и, как следствие, способствующий росту конструктивности патриотических установок (Kołeczek et al. 2022; Syuhada Ginting et al. 2019; Williams et al. 2008; Yazıcı et al. 2016). Данные о том, что содержание патриотических установок в течение подросткового возраста претерпевает трансформации, подтверждаются в нескольких российских исследованиях, в которых рассматриваются отдельные аспекты патриотизма (Ивченков, Сайганова 2020; Шиндряева 2015).

Помимо возрастной динамики патриотических установок, в нашем исследовании были обнаружены различия в показателях слепого и конструктивного патриотизма между выборками юношей и девушек. В частности, было показано, что для юношей характерны более высокие показатели слепого патриотизма, тогда как для девушек — конструктивного, что в целом схоже с данными, полученными в более старших возрастных группах (Baş 2016; Ercan 2017; Tonga, Aksoy 2014). В то же время в этих исследованиях не было обнаружено различий в степени выраженности конструктивного патриотизма между подгруппами, выделенными по параметру «пол» (Baş 2016; Ercan 2017; Tonga, Aksoy 2014), что, на наш взгляд, позволяет объяснять полученные нами различия более высокими темпами социального созревания девушек, в сравнении с юношами, в период старшего подросткового возраста (Микляева и др. 2023). Отметим, что исследования

подросткового патриотизма, выполненные в другой методологии, подтверждают наличие различий в содержании и выраженности патриотических установок между юношами и девушками на данной возрастной ступени (Пирогланов и др. 2020; Попова 2010; Сумилин 2016).

Помимо этого, в нашем исследовании были получены различия показателей слепого патриотизма в выборках школьников, студентов ссузов и вузов (самые высокие показатели — у школьников, самые низкие — у студентов вузов), которые, в целом, совпадают с представленными в литературе данными о том, что между слепым патриотизмом и уровнем образования существуют обратно пропорциональные взаимосвязи (Tonga, Aksoy 2014). Однако применительно к нашему исследованию этот вывод носит вероятностный характер, поскольку подгруппы, различающиеся по типу образовательных учреждений, в которых обучаются респонденты, не уравниваются по половозрастному составу. В связи с этим представляет большой интерес анализ взаимодействия факторов «возраст», «пол» и «образовательное учреждение» и их совместного влияния на показатели слепого и конструктивного патриотизма подростков, что составляет второй исследовательский вопрос, поставленный нами в ходе работы по изучению содержания патриотических установок в подростковой среде.

Анализ данных не позволил зафиксировать совместное влияние факторов «возраст*образовательное учреждение» на показатели слепого и конструктивного патриотизма подростков. Следует подчеркнуть, что эти данные получены не применительно к результатам совокупной выборки, принявшей участие в исследовании, а при сравнении подгрупп, сопоставимых по половозрастному составу — 15–17-летних подростков, учащихся школ и ссузов. Учитывая обнаруженные на совокупной выборке значимые различия между подгруппами, различающимися по уровню образования, можно предположить, что основной вклад в них вносят данные, характеризующие патриотические установки студентов вузов. В связи с этим возникает гипотеза о том, что возрастная динамика содержания патриотических установок определяется не только взрослением как таковым, но и изменением системы социальных ролей, типичных для подростков, что неизбежно влечет за собой трансформацию социальной идентичности, и, как следствие, отражается в снижении уровня слепого патриотизма, который, будучи первичной формой патриотических установок, вероятно, оказывается более чувствительным к этим

изменениям. Можно также предполагать, что на основе аналогичного механизма в дальнейшем будет проявляться и положительная динамика конструктивного патриотизма. Эта гипотеза, безусловно, нуждается в дополнительной эмпирической проверке, однако в ее пользу косвенно свидетельствуют данные о том, что динамика показателей слепого патриотизма обеспечивается, в первую очередь, их изменениями в выборке юношей, в то время как конструктивного — в выборке девушек, что в целом соответствует различиям в формировании социальной идентичности между юношами и девушками старшего подросткового возраста.

В завершение отметим, что существенным ограничением нашего исследования является использование метода поперечных срезов для анализа возрастной динамики, в то время как метод продольных срезов, безусловно, позволил бы получить более надежные данные. В то же время результаты проведенного исследования позволяют с большой долей вероятности предполагать, что становление патриотических установок в подростковом возрасте обусловлено не взрослением как таковым, а степенью сформированности социальной идентичности личности. Проверка этого предположения составляет перспективу нашего исследования.

Заключение

Результаты исследования показывают, что в старшем подростковом возрасте в период с 14 до 18 лет наблюдается последовательное снижение показателей слепого патриотизма и одновременный рост показателей конструктивного патриотизма, причем отрицательная динамика показателей слепого патриотизма обеспечивается, в первую очередь, их изменениями в выборке юношей, в то время как рост показателей конструктивного патриотизма определяется их увеличением в выборке девушек. В целом, независимо от возраста, в исследуемом возрастном диапазоне показатели слепого патриотизма выше в выборке юношей, в сравнении с выборкой девушек, конструктивного — наоборот. Независимо от пола и возраста, у школьников наблюдаются более высокие показатели слепого патриотизма, чем у студентов ссузов и особенно вузов, что может быть обусловлено как более низкими значениями среднего возраста респондентов, составивших данную группу (и сопряженными с ними особенностями обработки социальной информации и рефлексивности), так и стабильностью социальной

ситуации становления личности, не предполагающей существенных изменений системы социальных отношений и, как следствие, трансформации социальной идентичности и перехода к более зрелым формам патриотизма. В связи с этим перспективным направлением дальнейших исследований динамики содержания патриотических установок в подростковом возрасте представляется анализ его соотношения со структурными и функциональными компонентами социальной идентичности подростков, а также с характеристиками их социальной зрелости. Вместе с тем результаты, представленные в данной статье, на наш взгляд, имеют самостоятельную ценность и могут быть использованы как при интерпретации результатов диагностики содержания патриотических установок, осуществляемой с помощью подростковой версии опросника конструктивного патриотизма, так и при разработке психолого-педагогических программ, направленных на содействие формированию конструктивных патриотических установок в подростковой и молодежной среде в контексте учета возрастных и половых различий в содержании патриотических установок, а также различий, обусловленных степенью образования.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Авторы сообщают, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The authors declare that the study complies with all ethical principles applicable to human and animal research.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в подготовку рукописи статьи.

Author Contributions

The authors have made an equal contribution to the preparation of the manuscript of the article.

Благодарности

Авторы выражают искреннюю признательность И. А. Горьковой, А. Ю. Буткевич, М. С. Лыткину, О. М. Самойлову и К. Ю. Вильде за неоценимую помощь в организации сбора и первичной обработки эмпирических данных.

Acknowledgements

The authors express their sincere gratitude to I. A. Gorkovaya, A. Yu. Butkevich, M. S. Lytkin, O. M. Samoilov and K. Yu. Vilde for their invaluable assistance in organizing the collection and the first stage of processing of empirical data.

Литература

- Васильева, С. В., Микляева, А. В. (2023) Опросник конструктивного патриотизма (подростковая версия): психометрические характеристики. *Психология человека в образовании*, т. 5, № 3, с. 458–472. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-3-458-472>
- Гогиберидзе, Г. М. (2023) Модернизация патриотического воспитания в современной школе на основе принципов позитивной психологии. *Психология человека в образовании*, т. 5, № 3, с. 366–375. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-3-366-375>
- Ивченков, С. Г., Сайганова, Е. В. (2020) Ценностные ориентиры и их влияние на восприятие патриотизма у молодежи. *Вестник Института социологии*, т. 11, № 2, с. 106–125. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.2.643>
- Микляева, А. В., Королева, Н. Н., Безгодова, С. А. и др. (2023) *Траектории взросления в постнеклассическую эпоху: психологические риски и возможности*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 224 с.
- Микляева, А. В., Румянцева, П. В. (2008) *Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 118 с.
- Пирогланов, Ш. Ш., Сабадин, Д. А., Бережной, Н. А. (2020) Воспитание городского патриотизма в молодежной среде как предиктор формирования системы ценностей: гендерный аспект. *Проблемы современного педагогического образования*, № 66–3, с. 219–224.
- Попова, Е. Н. (2010) Гендерный подход в патриотическом воспитании. *Грани познания*, № 2 (7), с. 67–68. EDN: [PBYCOX](https://www.rbc.ru/edn)

- Сулимин, В. В. (2016) Влияние образования на развитие патриотизма учащейся молодежи. *Дискуссия*, № 7, с. 94–99.
- Шиндряева, И. В. (2015) Динамика патриотических экспектаций в иерархии ценностей трех поколений россиян (опыт социологического исследования). *Logos et Praxis*, № 2, с. 62–67.
- Aydin, E., Bagci, S. C., Kelesoglu, İ. (2022) Love for the globe but also the country matter for the environment: Links between nationalistic, patriotic, global identification and pro-environmentalism. *Journal of Environmental Psychology*, vol. 80, article 101755. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2021.101755>
- Baş, M. (2016) The evaluation of the university students patriotism levels according to gender, age, family structure and sports activities. *European Journal of Education Studies*, vol. 2, no. 2, pp. 34–43. <https://doi.org/10.5281/zenodo.59800>
- Ercan, H. (2017) Self-construal and demographic variables as predictors of blind and constructive patriotism in university students. *International Journal of Higher Education*, vol. 6, no. 6, pp. 170–179. <https://doi.org/10.5430/ijhe.v6n6p170>
- Finell, E., Zogmaister, C. (2015) Blind and constructive patriotism, national symbols and outgroup attitudes. *Scandinavian Journal of Psychology*, vol. 56, no. 2, pp. 189–197. <https://doi.org/10.1111/sjop.12193>
- Kołodziejek, M., Jamróz-Dolińska, K., Rupa, M., Sekerdej, M. (2022) Thinking like a patriot: Criticising the country and the nation is linked to the differences in thinking style and cognitive ability. *Personality and Individual Differences*, vol. 195, article 111670. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111670>
- Makeel, R., Ashraf, J., Ariyesti, F. R., Ali, S. (2022) How does patriotism and institutional support affect the social entrepreneurial orientation (SEO) in the presence of social valuation and experiential learning for social ventures. *Journal of Enterprising Communities: People and Places in the Global Economy*, vol. 17, no. 6, pp. 1315–1337. <https://doi.org/10.1108/JEC-04-2022-0058>
- Nazaruddin, I. (2019) The role of religiosity and patriotism in improving taxpayer compliance. *Journal of Accounting and Investment*, vol. 20, no. 1, pp. 115–129. <https://doi.org/10.18196/jai.2001111>
- Rupa, M., Jamróz-Dolińska, K., Kołodziejek, M., Sekerdej, M. (2021) Is patriotism helpful to fight the crisis? The role of constructive patriotism, conventional patriotism, and glorification amid the COVID-19 pandemic. *European Journal of Social Psychology*, vol. 51, no. 6, pp. 862–877. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2777>
- Sahar, G. (2008) Patriotism, attributions for the 9/11 attacks, and support for war: Then and now. *Basic and Applied Social Psychology*, vol. 30, no. 3, pp. 189–197. <https://doi.org/10.1080/01973530802374956>
- Schatz, R. T. (2020) A review and integration of research on blind and constructive patriotism. In: M. Sarđoć (ed.). *Handbook of Patriotism*. Cham: Springer Publ., pp. 613–633. https://doi.org/10.1007/978-3-319-54484-7_30
- Schatz, R. T., Staub, E., Lavine, H. G. (1999) On the varieties of national attachment: Blind versus Constructive patriotism. *Political Psychology*, vol. 20, no. 1, pp. 151–174. <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00140>
- Spry, C., Hornsey, M. (2007) The influence of blind and constructive patriotism on attitudes toward multiculturalism and immigration. *Australian Journal of Psychology*, vol. 59, no. 3, pp. 151–158. <https://doi.org/10.1080/00049530701449489>
- Syuhada Ginting, A., Joebagio, H., Dyah, C. (2019) The effect of constructive patriotism on constructive thinking ability in historical learning at students of senior high school Muhammadiyah Karanganyar Indonesia. *ASEAN Journal of Education*, vol. 5, no. 2, pp. 32–37.
- Tajfel, H., Turner, J. C. (1979) An integrative theory of intergroup conflict. In: W. G. Austin, S. Worchel (eds.). *The social psychology of intergroup relations*. Monterey: Brooks/Cole Publ., pp. 33–47.
- Tajfel, H., Turner, J. C. (1986) The social identity theory of intergroup behaviour. In: S. Worchel, W. G. Austin (eds.). *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago: Nelson-Hall Publ., pp. 7–24.
- Tonga, D., Aksoy, B. (2014) Evaluation of the patriotic attitudes of the prospective teachers according to various variables. *International Journal of Academic Research. Part B*, vol. 6, no. 1, pp. 172–178. <https://doi.org/10.7813/2075-4124.2014/6-2/B.24>
- Van Bavel, J. J., Cichocka, A., Capraro, V. et al. (2022) National identity predicts public health support during a global pandemic. *Nature Communications*, vol. 13, no. 1, article 517. <https://doi.org/10.1038/s41467-021-27668-9>
- Williams, R. L., Foster, L. N., Krohn, K. R. (2008) Relationship of patriotism measures to critical thinking and emphasis on civil liberties versus national security. *Analyses of Social Issues and Public Policy*, vol. 8, no. 1, pp. 139–156. <https://doi.org/10.1111/j.1530-2415.2008.00165.x>
- Yazıcı, F., Pamuk, A., Yıldırım, T. (2016) The relationship between attitudes of pre-service history teachers toward multiculturalism and patriotism. *Turkish Studies International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic*, vol. 11, no. 9, pp. 947–964. <https://doi.org/10.7827/TurkishStudies.9510>

References

- Aydin, E., Bagci, S. C., Kelesoglu, İ. (2022) Love for the globe but also the country matter for the environment: Links between nationalistic, patriotic, global identification and pro-environmentalism. *Journal of Environmental Psychology*, vol. 80, article 101755. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2021.101755> (In English)

- Baş, M. (2016) The evaluation of the university students patriotism levels according to gender, age, family structure and sports activities. *European Journal of Education Studies*, vol. 2, no. 2, pp. 34–43. <https://doi.org/10.5281/zenodo.59800> (In English)
- Ercan, H. (2017) Self-construal and demographic variables as predictors of blind and constructive patriotism in university students. *International Journal of Higher Education*, vol. 6, no. 6, pp. 170–179. <https://doi.org/10.5430/ijhe.v6n6p170> (In English)
- Finell, E., Zogmaister, C. (2015) Blind and constructive patriotism, national symbols and outgroup attitudes. *Scandinavian Journal of Psychology*, vol. 56, no. 2, pp. 189–197. <https://doi.org/10.1111/sjop.12193> (In English)
- Gogiberidze, G. M. (2023) Modernizatsiya patrioticheskogo vospitaniya v sovremennoj shkole na osnove printsipov pozitivnoj psikhologii [Modernization of patriotic education based on the principles of positive psychology in the modern school]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii — Psychology in Education*, vol. 5, no. 3, pp. 366–375. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-3-366-375> (In Russian)
- Ivchenkov, S. G., Saiganova, E. V. (2020) Tsennostnye orientiry i ikh vliyanie na vospriyatie patriotizma u molodyozhi [Values and their influence on the perception of patriotism among young people]. *Vestnik Instituta sotsiologii — Bulletin of the Institute of Sociology*, vol. 11, no. 2, pp. 106–125. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.2.643> (In Russian)
- Końeczek, M., Jamróz-Dolińska, K., Rupar, M., Sekerdej, M. (2022) Thinking like a patriot: Criticising the country and the nation is linked to the differences in thinking style and cognitive ability. *Personality and Individual Differences*, vol. 195, article 111670. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111670> (In English)
- Makeel, R., Ashraf, J., Ariyesti, F. R., Ali, S. (2022) How does patriotism and institutional support affect the social entrepreneurial orientation (SEO) in the presence of social valuation and experiential learning for social ventures. *Journal of Enterprising Communities: People and Places in the Global Economy*, vol. 17, no. 6, pp. 1315–1337. <https://doi.org/10.1108/JEC-04-2022-0058> (In English)
- Miklyaeva, A. V., Koroleva, N. N., Bezgodova, S. A. et al. (2023) *Traektorii vzrosleniya v postneklassicheskuyu epokhu: psikhologicheskie riski i vozmozhnosti [Trajectories of growing up in the post-nonclassical era: Psychological risks and opportunities]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 224 p. (In Russian)
- Miklyaeva, A. V., Rumyantseva, P. V. (2008) *Sotsial'naya identichnost' lichnosti: sodержanie, struktura, mekhanizmy formirovaniya [Social identity of a person: Content, structure, mechanisms of formation]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 118 p. (In Russian)
- Nazaruddin, I. (2019) The role of religiosity and patriotism in improving taxpayer compliance. *Journal of Accounting and Investment*, vol. 20, no. 1, pp. 115–129. <https://doi.org/10.18196/jai.2001111> (In English)
- Piroglanov, Sh. Sh., Sabadin, D. A., Berezhnoj, N. A. (2020) Vospitanie gorodskogo patriotizma v molodezhnoj srede kak prediktor formirovaniya sistemy tsennostej: gendernyj aspekt [Education of urban patriotism among young people as a predictor of the formation of a value system: Gender aspect]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya — Problems of Modern Pedagogical Education*, no. 66–3, pp. 219–224. (In Russian)
- Popova, E. N. (2010) Gendernyj podkhod v patrioticheskom vospitanii [Gender approach in patriotic education]. *Grani poznaniya*, no. 2 (7), pp. 67–68. EDN: [PBYCOX](https://doi.org/10.18196/jai.2001111) (In Russian)
- Rupar, M., Jamróz-Dolińska, K., Końeczek, M., Sekerdej, M. (2021) Is patriotism helpful to fight the crisis? The role of constructive patriotism, conventional patriotism, and glorification amid the COVID-19 pandemic. *European Journal of Social Psychology*, vol. 51, no. 6, pp. 862–877. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2777> (In English)
- Sahar, G. (2008) Patriotism, attributions for the 9/11 attacks, and support for war: Then and now. *Basic and Applied Social Psychology*, vol. 30, no. 3, pp. 189–197. <https://doi.org/10.1080/01973530802374956> (In English)
- Schatz, R. T. (2020) A review and integration of research on blind and constructive patriotism. In: M. Sarđoć (ed.). *Handbook of Patriotism*. Cham: Springer Publ., pp. 613–633. https://doi.org/10.1007/978-3-319-54484-7_30 (In English)
- Schatz, R. T., Staub, E., Lavine, H. G. (1999) On the varieties of national attachment: Blind versus Constructive patriotism. *Political Psychology*, vol. 20, no. 1, pp. 151–174. <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00140> (In English)
- Shindryaeva, I. V. (2015) Dinamika patrioticheskikh ekspektatsij v ierarkhii tsennostej trekh pokolenij rossiyan (opyt sotsiologicheskogo issledovaniya) [Dynamics of patriotic expectancies in the hierarchy of values of three Russian generations (experience of sociological research)]. *Logos et Praxis*, no. 2, pp. 62–67. (In Russian)
- Spry, C., Hornsey, M. (2007) The influence of blind and constructive patriotism on attitudes toward multiculturalism and immigration. *Australian Journal of Psychology*, vol. 59, no. 3, pp. 151–158. <https://doi.org/10.1080/00049530701449489> (In English)
- Sulimin, V. V. (2016) Vliyanie obrazovaniya na razvitie patriotizma uchashchejsya molodezhi [The impact of education on the development of patriotic students]. *Diskussiya — Discussion*, no. 7, pp. 94–99. (In Russian)
- Syuhada Ginting, A., Joebagio, H., Dyah, C. (2019) The effect of constructive patriotism on constructive thinking ability in historical learning at students of senior high school Muhammadiyah Karanganyar Indonesia. *ASEAN Journal of Education*, vol. 5, no. 2, pp. 32–37. (In English)
- Tajfel, H., Turner, J. C. (1979) An integrative theory of intergroup conflict. In: W. G. Austin, S. Worchel (eds.). *The social psychology of intergroup relations*. Monterey: Brooks/Cole Publ., pp. 33–47. (In English)

- Tajfel, H., Turner, J. C. (1986) The social identity theory of intergroup behaviour. In: S. Worchel, W. G. Austin (eds.). *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago: Nelson-Hall Publ., pp. 7–24. (In English)
- Tonga, D., Aksoy, B. (2014) Evaluation of the patriotic attitudes of the prospective teachers according to various variables. *International Journal of Academic Research. Part B*, vol. 6, no. 1, pp. 172–178. <https://doi.org/10.7813/2075-4124.2014/6-2/B.24> (In English)
- Van Bavel, J. J., Cichocka, A., Capraro, V. et al. (2022) National identity predicts public health support during a global pandemic. *Nature Communications*, vol. 13, no. 1, article 517. <https://doi.org/10.1038/s41467-021-27668-9> (In English)
- Vasileva, S. V., Miklyaeva, A. V. (2023) Oprosnik konstruktivnogo patriotizma (podrostkovaya versiya): psikhometricheskie kharakteristiki [Constructive patriotism questionnaire (adolescent version): Psychometric characteristics]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii — Psychology in Education*, vol. 5, no. 3, pp. 458–472. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-3-458-472> (In Russian)
- Williams, R. L., Foster, L. N., Krohn, K. R. (2008) Relationship of patriotism measures to critical thinking and emphasis on civil liberties versus national security. *Analyses of Social Issues and Public Policy*, vol. 8, no. 1, pp. 139–156. <https://doi.org/10.1111/j.1530-2415.2008.00165.x> (In English)
- Yazıcı, F., Pamuk, A., Yıldırım, T. (2016) The relationship between attitudes of pre-service history teachers toward multiculturalism and patriotism. *Turkish Studies International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic*, vol. 11, no. 9, pp. 947–964. <https://doi.org/10.7827/TurkishStudies.9510> (In English)

Сведения об авторах

Светлана Викторовна Васильева, доцент кафедры общей и социальной психологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

SPIN-код: 9387-8525, Scopus AuthorID: 57221043888, ResearcherID: N-3380-2019, ORCID: 0000-0002-6052-3431, e-mail: [vasilevasv@herzen.spb.ru](mailto:vasilevasv@ Herzen.spb.ru)

Анастасия Владимировна Микляева, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

SPIN-код: 9471-8985, Scopus AuthorID: 53984860100, ResearcherID: D-4700-2017, ORCID: 0000-0001-8389-2275, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Authors

Svetlana V. Vasileva, Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia

SPIN: 9387-8525, Scopus AuthorID: 57221043888, ResearcherID: N-3380-2019, ORCID: 0000-0002-6052-3431, e-mail: vasilevasv@herzen.spb.ru

Anastasia V. Miklyaeva, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Department of General and Social Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia

SPIN: 9471-8985, Scopus AuthorID: 53984860100, ResearcherID: D-4700-2017, ORCID: 0000-0001-8389-2275, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Check for updates

Личность в процессах обучения
и воспитания

УДК 159.99

EDN GENMQS

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-158-168>

Научная статья

Эмоциональная направленность личности с различным уровнем рекламной суггестивности

Р. И. Зекерьяев ¹

¹ Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова,
295015, Россия, г. Симферополь, пер. Учебный, д. 8

Для цитирования: Зекерьяев, Р. И. (2024) Эмоциональная направленность личности с различным уровнем рекламной суггестивности. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 2, с. 158–168. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-158-168> EDN GENMQS

Получена 11 марта 2024; прошла рецензирование 30 марта 2024; принята 11 апреля 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Р. И. Зекерьяев (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация

Введение. Развитие информационных технологий и рост количества информационных потоков в современной медиасреде позволяет личности все глубже погружаться в нее, тем самым расширяя свое жизненное пространство. Одним из распространенных явлений медиaprостранства является реклама, которая не только играет важную информационную роль, но и оказывает влияние на ценностно-смысловую, эмоциональную, мотивационную и другие сферы личности. Признавая высокую актуальность и научную значимость современных работ, посвященных психологии рекламы, необходимо отметить, что открытым остается вопрос о взаимосвязи уровня рекламной суггестивности личности с другими ее личностными особенностями, например, эмоциональной направленностью. Целью данного исследования является выявление особенностей эмоциональной направленности личности с различным уровнем рекламной суггестивности.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 150 человек, среди которых 65 мужчин и 85 женщин в возрасте от 16 до 40 лет. Респондентами выступили пользователи сети Интернет, привлеченные путем рассылки писем с приглашением к участию в исследовании. В ходе исследования были использованы опросник «Определение общей эмоциональной направленности» Б. И. Додонова и авторский исследовательский опросник «Рекламная суггестивность личности». Статистический анализ данных был проведен с помощью Н-критерия Крускала — Уоллиса и корреляционного анализа.

Результаты. Было выявлено, что для респондентов, склонных к рекламной суггестивности, характерна высокая значимость гедонистической эмоциональной направленности и акзигитивной эмоциональной направленности.

Заключение. Установлена взаимосвязь между особенностями эмоциональной направленности личности и уровнем ее рекламной суггестивности. Результаты исследования могут быть использованы в процессе психологического сопровождения медиасоциализации личности. Использование школьными психологами полученных результатов в рамках индивидуальной или групповой работы с обучающимися может повысить их психологическое благополучие и психологическую безопасность. Перспектива дальнейших исследований заключается в анализе психологических особенностей взаимосвязи между уровнем рекламной суггестивности личности и другими ее личностными особенностями.

Ключевые слова: рекламная суггестивность, эмоциональная направленность, гедонистическая эмоциональная направленность, акзигитивная эмоциональная направленность

Emotional orientation of individuals with different levels of advertising suggestibility

R. I. Zekeriaev ¹

¹Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov,
8 Uchebnyj Ln., Simferopol 295015, Russia

For citation: Zekeriaev, R. I. (2024) Emotional orientation of individuals with different levels of advertising suggestibility. *Psychology in Education*, vol. 6, no. 2, pp. 158–168. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-158-168>
EDN GENMQS

Received 11 March 2024; reviewed 30 March 2024; accepted 11 April 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © R. I. Zekeriaev (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract

Introduction. The modern media environment is characterized by a rapid development of information technology and growth in the number of information flows. This allows the individual to immerse deeper and deeper into such environment thereby expanding his or her living space. Advertising is a common phenomenon in the media — it not only plays an important informational role, but also influences the value-semantic, emotional, motivational and other spheres of personality. The available research on the psychology of advertising has high scientific significance but largely overlooks the question about the relationship between the level of advertising suggestibility of an individual and the individual's other personal characteristics — e. g., his or her emotional orientation. This study seeks to identify the characteristics of the emotional orientation of individuals with different levels of advertising suggestibility.

Materials and Methods. The study involved 150 people, including 65 men and 85 women aged 16 to 40 years. The respondents were internet users recruited by letters inviting them to participate in the study. The methods included the General Emotional Orientation Questionnaire by B. I. Dodonov and the Personality Advertising Suggestibility Questionnaire by the author of this article.

Results. The study found that the respondents who are prone to advertising suggestibility are also characterized by high importance of hedonistic emotional orientation and 'acquisitive' emotional orientation.

Conclusions. The study found a relationship between the characteristics of an individual's emotional orientation and the level of the individual's advertising suggestibility. The results can be used to provide psychological support to individuals undergoing media socialization. School psychologists can use the results in individual or group work to increase the students' psychological well-being and psychological safety. Further research may focus on analyzing the psychological specifics of the relationship between the level of advertising suggestibility and other personality characteristics of an individual.

Keywords: advertising suggestibility, emotional orientation, hedonistic emotional orientation, acquisitive emotional orientation

Введение

В современном мире развитие информационно-компьютерных технологий приводит к все большему расширению жизненного пространства личности за счет ее вхождения в медиaprостранство. Одним из распространенных явлений медиасреды является реклама, которая не только играет важную информационную роль, но и оказывает влияние на личность, формируя новые установки, ценности, эмоциональные и поведенческие паттерны. Существующие исследования в данной области связаны с изучением методов скрытого рекламного воздействия на личность, а также

изменением ее психоэмоционального состояния в данном процессе. Однако, несмотря на большое количество современных научных работ, посвященных влиянию рекламы на психическую реальность человека, не становится отдельным предметом исследования вопрос о психологических особенностях реципиентов с различным уровнем рекламной suggestивности. Одной из таких особенностей является эмоциональная направленность личности, которая в целом может определять особенности жизнедеятельности пользователя в медиaprостранстве.

Целью статьи является выявление различий в особенностях эмоциональной направленности

личности с различным уровнем рекламной суггестивности.

Теоретический обзор современного состояния проблемы

В ходе исследования рекламы как психологического феномена О. В. Хлопунова, А. А. Цаканян выявляли, что реклама является процессом направленного воздействия с помощью создания знаково-символьного контента, преследующего задачу, заключающуюся в увеличении количества продаж какого-либо товара или услуги. Одним из приоритетных компонентов рекламы ученые считали лингвистический, который напрямую связан с коммуникативным, прагматическим и семиотическим. Таким образом, по мнению исследовательниц, реклама представляет собой комплексный дискурс, который через речевые интеракции конструирует в сознании реципиента необходимость презентуемого товара или услуги. Вместе с этим Хлопунова О. В. и Цаканян А. А. отмечали, что посыл, вкладываемый в рекламу, может быть не только негативным, но и позитивным, создающим социально-значимый контент, способствующий гуманизации общества и решающим огромное количество социальных проблем (Хлопунова, Цаканян 2020).

Изучая методы рекламного воздействия, Ю. В. Грицков, А. К. Симонова, Е. Н. Сюткина выделяли две основные технологии, которые используются в процессе разработки рекламы. Одной из них является информационно-ассоциативная, заключающаяся в донесении до потребителя субъектом рекламного воздействия позитивной информации о себе, вследствие чего происходит формирование позитивной установки относительно продвигаемого товара или услуги. Данная технология основана на предоставлении реципиенту информации, которая может трансформировать существующие у него убеждения. Вторая технология связана с эмоционально-ассоциативным контекстом рекламы. В ее рамках устанавливается прочная связь между товаром и положительными эмоциональными реакциями и мотивациями, переживаниями реципиента. Из-за того, что осуществляется обращение непосредственно к чувствам и эмоциям потребителя (через трансляцию тем дружбы, любви, семейных отношений и т. д.), создается прочная ассоциативная связь между рекламируемым товаром и позитивными аффективными переживаниями потребителя (Грицков и др. 2011).

Ряд социально-психологических последствий влияния рекламы в своих исследованиях выделяла А. В. Куликова. Одним из них исследовательница считала конструирование у потребителя взглядов относительно себя и окружающего мира, а также прививание ему готовых поведенческих паттернов для определенных жизненных ситуаций. В качестве еще одного последствия ученая выделяла стереотипизацию сознания, при возникновении которой личность готова воспринимать реальные объекты через призму уже существующих у нее стереотипов. Они также выступают в роли детерминант социальных привычек и стандартных схем бытового или рекреационного поведения. Также отмечалось, что реклама приобщает потребителей к новым формам знания через демонстрацию определенных поведенческих паттернов в различных ситуациях. В целом, по мнению указанного автора, реклама представляет собой одно из основных средств массового воздействия на социум для привлечения внимания реципиента к каким-либо товарам или услугам (Куликова 2009).

Манипулятивные технологии в рекламе исследовали В. Н. Украинский и Е. В. Украинская. Ученые отмечали, что влияние рекламы на общественные ценности происходит через процесс анализа подаваемого контента на уровне мыслей и эмоций, что, в свою очередь, приводит к формированию у реципиента стремление к совершению определенных поведенческих актов. Манипулятивные стратегии, используемые в рекламе, конструируют новые ценностные стереотипы, которые не всегда являются полезными для самого человека. Рекламный контент наделяет продвигаемый товар ореолом из свойств, которые могут приближать потребителя к его мечте: стать финансово обеспеченным, приобрести социальный статус, повысить свое качество жизни и т. д. Особым значением, по мнению ученых, обладает также тот факт, что реклама способствует усвоению молодежью культурных норм и ценностей (Украинский, Украинская 2016).

В ходе изучения особенностей рекламного контента Л. Н. Федотова отмечала, что он отражает ценности той социальной среды, в которой проходит ретрансляцию. При этом выделяется три этапа формирования ценностей под воздействием рекламы. На первой стадии устаревшие ценности все еще получают поддержку со стороны рекламной информации; на второй они начинают претерпевать минимальные модификации; на третьей количество модификаций вырастает до такой степени, что

становится возможной полная конверсия исходных ценностей и замена их на те, которые необходимо транслировать согласно плану рекламной кампании. Данный процесс изменения важен для общества, так как он отражает процесс трансформации социума в целом, поддерживая актуальные и создавая новые ценностные ориентиры (Федотова 2008).

Описывая феномен рекламы, С. Ш. Казданян, П. А. Енгоян и, Г. А. Акопян говорили о том, что она представляет собой форму коммуникативного взаимодействия и обладает структурой, состоящей из ряда таких компонентов, как: когнитивный (основное назначение — передача потенциальному потребителю актуальной информации), аффективный (основное назначение — формирование определенного эмоционального отношения к объекту рекламы), регулятивный (основное назначение — побуждение потребителя к совершению каких-либо действий). При этом, по мнению ученых, реклама оказывает комплексное влияние на мышление и мировоззрение не только каждой отдельной личности, но и всего социума в целом (Казданян и др. 2017).

Анализируя цели рекламного воздействия на реципиента, Е. А. Жукова и К. С. Федоненко отмечали, что одной из них является формирование у него определенных потребностей. Сконструированное потребительское намерение, как правило, характеризуется высокой степенью устойчивости. В связи с этим в любой ситуации неопределенности при совершении покупок реципиент будет делать выбор в пользу того товара или услуги, рекламу которого он видел. Вместе с этим рекламный контент призван также конструировать мотивационные установки, которые будут реализованы при возникновении подходящего инцидента. При этом инициаторами данного процесса выступают сами реципиенты. Это может быть объяснено тем, что в ситуации ограничения времени и необходимости быстрого получения информации люди склонны самостоятельно искать рекламную информацию о каком-либо товаре или услуге (Жукова, Федоненко 2017).

Описывая феномен рекламы, А. В. Катернюк отмечал наличие в ней эффекта суггестии. Среди факторов, вызывающих не критичное восприятие рекламного контента, исследователь выделял особенности психоэмоционального состояния личности (тревога, нервозность, возбужденность и т. д.), степень осведомленности (в ситуации, когда реципиент не знаком с обозначенным товаром, степень его доверия рекламе гораздо выше, чем когда товар является

знакомым), значимость товара (чем выше актуальная потребность человека в рекламируемом товаре, тем ниже степень критичности восприятия информации о нем), уровень неопределенности в ситуации выбора между рядом сходных по назначению товаров, дефицит времени (в ситуации необходимости быстрого принятия решения уровень доверия рекламному контенту возрастает). Описывая эффективность рекламного сообщения, ученый выделял четыре группы ее факторов: особенности автора рекламы (социальный статус, уровень интеллекта, личное использование продвигаемого товара), свойства реципиента (уровень внушаемости в целом, его интеллектуальные способности, степень осведомленности об особенностях рекламируемого товара или услуги), отношения между поставщиком рекламы и ее потребителем (наличие доверия, дружеских отношений, степень авторитетности и т. д.), качество формулирования аргументации и взаимосвязь логического и эмоционального компонента воздействия (конкретность ключевых слов, широта спектра используемых образов, подбор гармоничных звукосочетаний и т. д.) (Катернюк 2001).

В своих исследованиях М. Галисиан отмечала, что реклама опирается на психологические факторы воздействия на бессознательную часть психики реципиента. Для этого рекламный контент зачастую доносится до потенциального потребителя путем использования современных психотехнологий. При этом от реципиента скрывается не только цель проводимой манипуляции, но и само ее наличие. Реклама, в отличие от прямых методов воздействия, имплицитно лишает потребителя возможности самостоятельного принятия логически обоснованного решения относительно необходимости приобретения предлагаемого товара или услуги. Вместе с этим рекламный контент зачастую преследует цель ограничения свободы действий реципиента вплоть до запрета или принуждения переживать какие-либо эмоции или психоэмоциональные состояния (Galician 2004).

Ряд ученых, описывая механизм воздействия рекламы, отмечал, что он направлен в первую очередь на эмоциональную составляющую психической реальности личности. По мнению исследователей, влияние на аффективные состояния реципиента достигается путем наполнения содержания рекламы определенными геометрическими формами, цветами, графическими конструктами, символикой и т. д., которые на уровне ассоциаций могут вызывать определенные поведенческие реакции у потенциального

потребителя. Эмоциональное состояние реципиента в процессе рекламного воздействия меняется также из-за информационного пресыщения, имплицитного манипулирования сознанием, демонстрации значимых ценностно-смысловых элементов (Сазанов 2018; Ху 2020).

Исследователи, описывая особенности влияния рекламы на личность, выделяли ряд свойств, присущих рекламному сообщению. К ним они относили, в первую очередь, референтность, под которой понимается постоянная повторяемость транслируемого содержания, что приводит к его запоминанию реципиентами и побуждению их к совершению определенных действий. Еще одним свойством является использование запоминающихся образов, которые могут вызывать у реципиента чувство симпатии и, как следствие, менее критично воспринимать транслируемую информацию. Также реклама нацелена оказывать влияние на такие устойчивые психофизиологические особенности человека, как потребность в еде, желание физического комфорта и т. д. Отмечается также, что целью рекламы является не только информирование о товарах и брендах, но и усиление выраженности существующих у человека потребностей, а также навязывание способов их удовлетворения (Гопко 2015; Tong 2023).

Реклама обладает имплицитным характером влияния, навязывая реципиенту различные предпочтения, стереотипы и модели поведения. Наиболее сильный эффект оказывает реклама, апеллирующая не к разуму потребителя, а к его чувствам. Рекламная информация в психологическом аспекте формирует у потенциальных реципиентов устойчивые ассоциации между транслируемым товаром и эмоциями, которые они испытывают в ходе просмотра рекламы. При этом, по мнению исследователей, около половины людей являются чувственными потребителями и, как следствие, склонны больше доверять аргументам, апеллирующим к эмоциям, а не рациональной логике. Реклама может демонстрировать, с одной стороны, позитивные эмоции, радости, счастья, блаженства, которые побуждают потенциального покупателя приобрести товар, чтобы он сам мог их пережить. С другой стороны, демонстрация негативных эмоций (обращение к страху, тревоге, гневу) стимулирует приобретение рекомендуемого товара с целью избежать негативных сценариев, транслируемых рекламой (Татаринов и др. 2020; Akbari 2015).

Ученые в ходе исследований описывали рекламу как часть информационной картины мира, обосновывая это тем, что рекламные потоки

передаются через средства массовой информации. Исследователи считали, что рекламу можно рассматривать как культурную часть жизни, которая оказывает влияние на процессы социального взаимодействия. По их мнению, она способствует возникновению у потребителя определенных шаблонов и норм восприятия мира и, соответственно, поведения, тем самым формируя социальные ценности как глобальные, так и присущие культурам отдельно взятых стран. Ученые отмечали, что современный рекламный контент включает в себе сильные раздражители, которые способны обходить или взламывать психологические барьеры в критическом мышлении потенциального потребителя, вызывая у него шок, с целью донести в неизменном виде свой первоначальный посыл, призывающий приобретать товары и услуги. При этом используемые рекламные стратегии не только навязывают культуру потребления, но и модифицируют паттерны социального взаимодействия реципиентов (Norman, McFarlane-Alvarez 2023; Srivastava, Gupta 2022).

Учитывая особенности восприятия личностью рекламного контента и особенности его воздействия на состояние реципиента, в качестве рабочего определения рекламной суггестивности было предложено следующее: рекламная суггестивность — это повышенная степень некритичной восприимчивости личностью рекламного внушения, сопровождающаяся изменением ее психоэмоционального состояния (Зекерьяев 2024).

Необходимо отметить, что к сегодняшнему дню недостаточно изученным остается вопрос о личностных характеристиках, обуславливающих высокий уровень рекламной суггестивности. В частности, открытым остается вопрос о психологических особенностях личности, склонной к рекламной суггестивности.

Одной из таких особенностей может выступать эмоциональная направленность, которая является мотивом, побуждающим человека к деятельности с целью переживания тех или иных эмоций. По мнению Б. И. Додонова, аффективные переживания возникают в ходе деятельности и могут быть привлекательны для личности настолько, что она стремится к их повторению. При этом устанавливается ассоциативная связь между переживаемой эмоцией и событием, которое ее вызвало. Эмоция, по мнению исследователя, может носить двойственный характер: с одной стороны, выступая в роли ценности, а с другой — в роли мотива, побуждая человека к тем или иным действиям. Б. И. Додонов также отмечал, что эмоциональная

направленность играет роль психологической установки личности к переживанию определенных эмоциональных реакций (Додонов 1978). Учитывая, что реклама в процессе своего влияния обращается к чувствам людей, вызывая те или иные эмоции, можно предположить, что существует взаимосвязь между эмоциональной направленностью и особенностями восприятия рекламного контента (в частности, рекламной суггестивности) личности.

Организация и методы исследования

В исследовании приняли участие 150 человек, среди которых 65 мужчин и 85 женщин в возрасте от 16 до 40 лет. Респондентами выступили пользователи сети Интернет, привлеченные путем рассылки писем с приглашением к участию в исследовании.

В ходе исследования был использован ряд методик:

- 1) Опросник «Определение общей эмоциональной направленности» Б. И. Додонова (Додонов 1978);
- 2) Авторский исследовательский опросник «Рекламная суггестивность личности», в ходе апробации которого были обоснованы его валидность и надежность (Зекерьяев 2024).

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что существует взаимосвязь между особенностями эмоциональной направленности личности и уровнем ее рекламной суггестивности.

Для подтверждения данной гипотезы были выдвинуты задачи:

- 1) выявить и обосновать различия в проявлении эмоциональной направленности респондентов с различным уровнем склонности к рекламной суггестивности;
- 2) определить существование взаимосвязи между уровнями эмоциональной направленности личности и уровнем ее склонности к рекламной суггестивности.

Результаты и их обсуждение

В ходе исследования в выборке были выявлены респонденты с разным уровнем склонности к рекламной суггестивности (рис. 1).

На следующем этапе с помощью частотного анализа была выявлена эмоциональная направленность, проявленность которой существенно различается у респондентов с различным уровнем склонности к рекламной суггестивности (рис. 2.)

Из рисунка 2 видно, что по мере возрастания выраженности гедонистической и акизитивной эмоциональной направленности также возрастает склонность к рекламной суггестивности.

Для обоснования существования различий в эмоциональной направленности у респондентов с различным уровнем склонности к рекламной суггестивности был использован Н-критерий Крускала — Уоллиса (табл. 1).

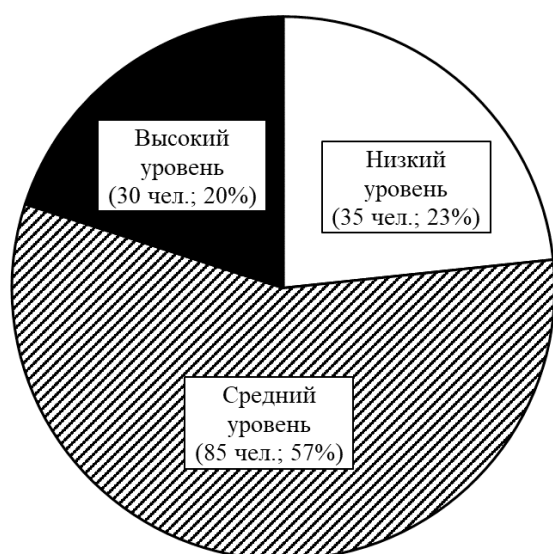

Рис. 1. Распределение респондентов по уровню рекламной суггестивности

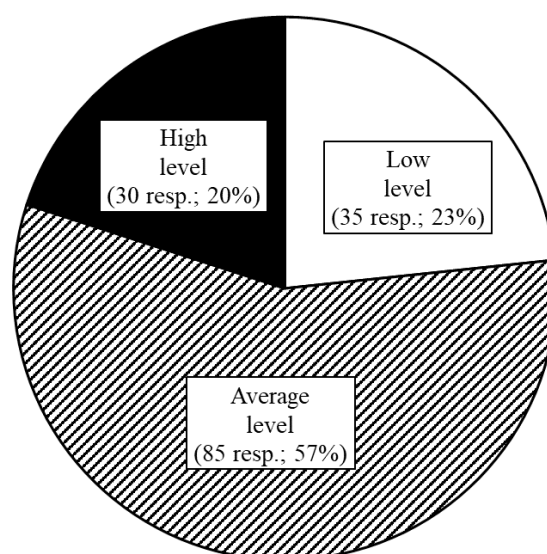

Fig. 1. Distribution of respondents by the level of advertising suggestibility

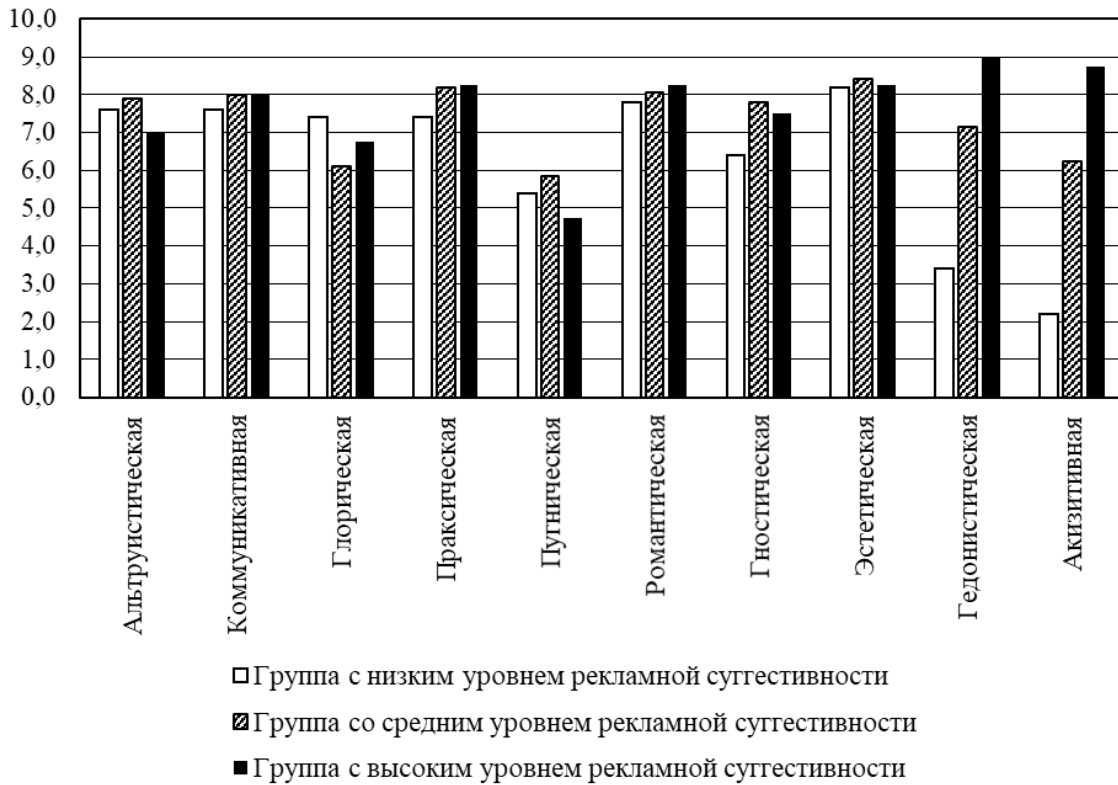

Рис. 2. Эмоциональная направленность личности с различным уровнем склонности к рекламной суггестивности (по результатам частотного анализа)

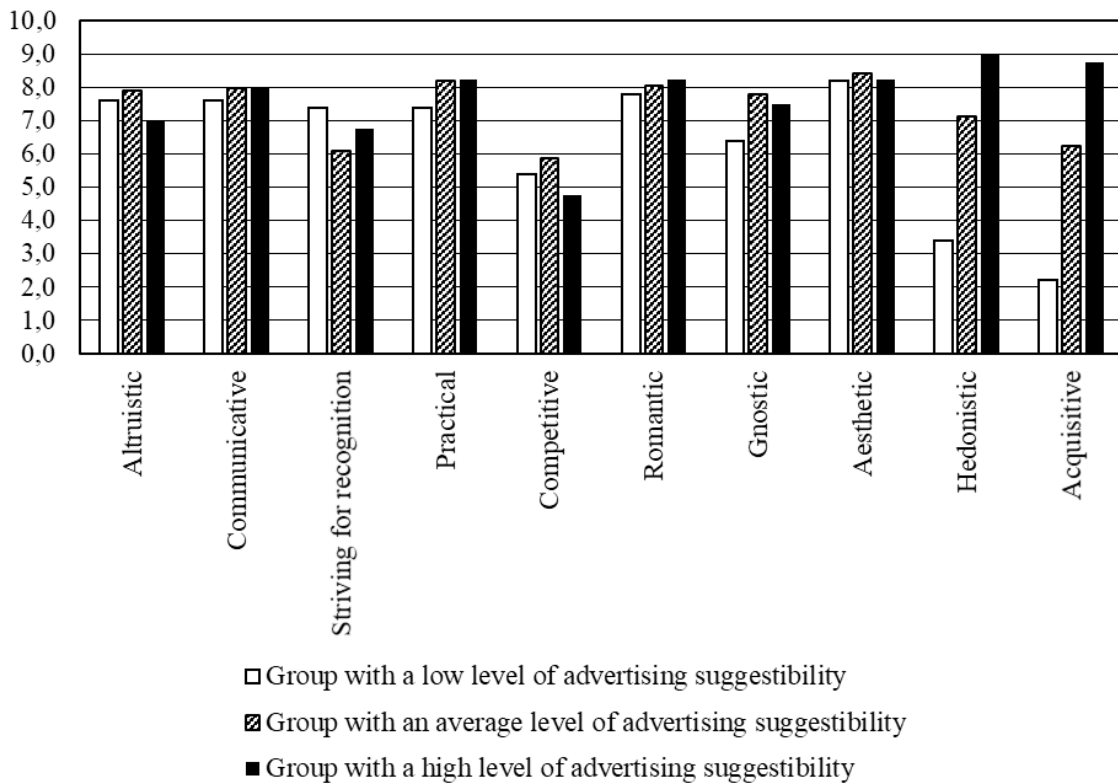

Fig. 2. Emotional orientation in individuals having a different level of advertising suggestibility (according to frequency analysis results)

Табл. 1. Различия в проявлении гедонистической эмоциональной направленности и акquisитивной эмоциональной направленности личности у респондентов с различным уровнем рекламной суггестивности

Параметры	Гедонистическая	Акquisитивная
H	12,307	14,471
Ст. св.	2	2
Асимптотическая значимость	0,002	0,001

Table 1. Differences in the manifestation of hedonistic emotional orientation and acquisitive emotional orientation in respondents with different levels of advertising suggestibility

Parameters	Hedonistic	Acquisitive
H	12.307	14.471
df	2	2
Asymp. Sig.	0.002	0.001

Из таблицы 1 видно, что у респондентов с различным уровнем склонности к рекламной суггестивности существуют статистически достоверные различия в проявлении гедонистической эмоциональной направленности ($H_{эмп} = 12,307$, $\rho < 0,05$) и акquisитивной эмоциональной направленности ($H_{эмп} = 14,471$, $\rho < 0,05$).

Гипотеза исследования о существовании взаимосвязи между уровнями склонности к рекламной суггестивности и эмоциональной направленностью личности была также подтверждена с помощью корреляционного анализа Спирмена (табл. 2).

Из таблицы 2 видно, что существует статистически обоснованная взаимосвязь между уровнем склонности к рекламной суггестивности и выраженностью гедонистической эмоциональной направленности ($r = 0,620$, $\rho < 0,05$) и акquisитивной эмоциональной направленности ($r = 0,737$, $\rho < 0,05$).

Данный феномен проявляется в том, что с ростом ценности гедонистической эмоциональной направленности также растет стрем-

ление личности к получению эмоций от удовлетворения потребности в телесном комфорте. В это же время реклама представляет интерес как источник информации о товарах и услугах, способствующих этому. Ценность акquisитивной эмоциональной направленности выражается в стремлении заниматься накоплением чего-либо. В то же время реклама распространяет информацию, из которой потребитель может узнавать о каких-либо новых, не имеющих у него в коллекции, товарах или услугах. В ходе исследования респонденты отмечали: «Рекламу я смотрю выборочно, в основном связанную с различными снеками, сухариками или чипсами, потому что я своего рода коллекционер, хочу перепробовать все вкусы, которые смогу достать» (молодой человек, 19 лет, высокий уровень рекламной суггестивности); «Я люблю ощущение комфорта, поэтому часто покупаю вещи, которые этому способствуют, а в рекламе, которую крутят в передачах типа “магазин на диване” часто рекламируют то всякие массажные кресла, то ортопедические матрасы, то еще что-то.

Табл. 2. Коэффициенты корреляции показателя уровня рекламной суггестивности личности с ее показателями гедонистической эмоциональной направленности и акquisитивной эмоциональной направленности

Переменные	Уровень рекламной суггестивности
Гедонистическая	0,620 ($\rho < 0,05$)
Акquisитивная	0,737 ($\rho < 0,05$)

Table 2. Correlation coefficients of an individual's level of advertising suggestibility with the indicators of hedonistic emotional orientation and acquisitive emotional orientation

Variables	Level of advertising suggestibility
Hedonistic	0.620 ($\rho < 0.05$)
Acquisitive	0.737 ($\rho < 0.05$)

Порой я что-то даже покупаю. Но даже если и не покупаю, мне все равно нравится смотреть такую рекламу» (девушка, 22 года, высокий уровень рекламной суггестивности); «Меня раздражает реклама, в которой начинаются убеждения в духе собрать всю коллекцию или попробовать все запахи какого-нибудь мыла, например. То же мыло одной фирмы, неважно с каким запахом, все равно одинаково функционально, поэтому достаточно выбрать один раз любимый аромат и пользоваться только им» (девушка, 26 лет, низкий уровень рекламной суггестивности); «Не понимаю рекламу, в которой идет подмена целей товара. Например, на Wildberries недавно видел рекламу полотенец, которые обладают особой структурой, из-за которой они особенно приятны к телу. И цена раза в три дороже ожидаемой. Но зачем? Смысл полотенца в том, чтобы насухо вытираться, и если оно справляется с этим, этого достаточно и не нужно никаких особых структур, “приятных к телу”» (молодой человек, 29 лет, низкий уровень рекламной суггестивности).

Выводы

Рекламная суггестивность — это повышенная степень не критичной восприимчивости личностью рекламного внушения, сопровождающаяся изменением ее психоэмоционального состояния. Несмотря на большое количество исследований, посвященных влиянию рекламы на личность, все они нацелены на объяснение изменений, происходящих в ее психоэмоциональном состоянии. Ученые отмечали, что под воздействием рекламной информации у реципиента может трансформироваться система отношений к себе, к другим людям и к миру в целом, что приводит также к изменению поведенческих особенностей, мировоззрения и т. д. При этом была выявлена недостаточность исследований, посвященных изучению свойств личности, которые определяют степень ее рекламной суггестивности.

Было обнаружено, что существует взаимосвязь между уровнем рекламной суггестивности личности и выраженностью ее гедонистической эмоциональной направленности и акquisитивной эмоциональной направленности. С ростом ценности гедонистической эмоциональной направленности также растет стремление личности к получению эмоций от удовлетворения потреб-

ности в телесном комфорте. В это же время реклама представляет интерес как источник информации о товарах и услугах, способствующих этому. Ценность акquisитивной эмоциональной направленности выражается в стремлении заниматься накоплением чего-либо. В то же время реклама распространяет информацию, из которой потребитель может узнавать о каких-либо новых, не имеющихся у него в коллекции, товарах или услугах.

Результаты исследования могут быть применены в ходе сопровождения процесса медиасоциализации личности. Использование результатов в образовательном процессе позволит психологам в рамках его воспитательного и развивающего компонентов формировать у учащихся медиаграмотность как составляющую психологического иммунитета в целом. Полученные результаты могут быть также использованы школьными психологами в ходе индивидуального и группового консультирования учащихся с целью повышения их психологического благополучия и психологической безопасности. Перспектива дальнейших исследований заключается в анализе психологических особенностей взаимосвязи между уровнем рекламной суггестивности личности и другими ее личностными особенностями.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Автор сообщает, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The author reports that the study followed the ethical principles stipulated for research involving humans and animals.

Литература

- Гопко, В. В. (2015) Парадоксы рекламы. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*, № 2 (6), с. 11–14.
- Грицков, Ю. В., Симонова, А. К., Сюткина, Е. Н. (2011) Технологии активизации влияния рекламы на социальное поведение. *Ученые записки Российского государственного социального университета*, № 1 (89), с. 34–40. EDN: [NXVENP](#)
- Додонов, Б. И. (1978) *Эмоция как ценность*. М.: Политиздат, 272 с.
- Жукова, Е. А., Федоненко, К. С. (2017) Реклама как средство коммуникации и ее влияние на потребительское поведение молодежи. *Молодой исследователь Дона*, № 5 (8), с. 195–198. EDN: [ZMQMPT](#)
- Зекерьяев, Р. И. (2024) *Рекламная суггестивность личности в современном медианпространстве*. Симферополь: Изд-во ИП Хотеева А. В., 152 с.
- Казданян, С. Ш., Енгоян, П. А., Акопян, Г. А. (2017) О влиянии рекламы на политическое поведение личности. *Бюллетень науки и практики*, № 1 (14), с. 216–221. <https://doi.org/10.5281/zenodo.244297>
- Катернюк, А. В. (2001) *Рекламные технологии. Коммерческая реклама*. Ростов–на–Дону: Феникс, 320 с.
- Куликова, А. В. (2009) Реклама как социальный феномен. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки*, № 1 (13), с. 25–29. EDN: [KPSYPH](#)
- Сазанов, А. С. (2018) Психология коммуникативной функции рекламы. *Вестник Национального института бизнеса*, № 31, с. 137–141. EDN: [RXYSGM](#)
- Татаринов, К. А., Белых, Е. Р., Филатенко, Е. А. (2020) Психологические аспекты эмоциональной рекламы. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, т. 9, № 3 (32), с. 39–42. <https://www.doi.org/10.26140/anip-2020-0903-0006>
- Украинский, В. Н., Украинская, Е. В. (2016) Влияние телевизионной рекламы на общественные ценности. *Информационная безопасность регионов*, № 1 (22), с. 61–66. EDN: [VSBRON](#)
- Федотова, Л. Н. (2008) *Социология рекламной деятельности*. М.: Оникс, 560 с.
- Хлопунова, О. В., Цаканян, А. А. (2020) Реклама в СМИ: механизмы влияния и эффекты. *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*, т. 1, № 4 (33), с. 127–133. EDN: [PEGTHO](#)
- Akbari, M. (2015) Different impacts of advertising appeals on advertising attitude for high and low involvement products. *Global Business Review*, vol. 16, no. 3, pp. 478–493. <https://doi.org/10.1177/0972150915569936>
- Galician, M.-L. (ed.). (2004) *Handbook of product placement in the mass media. New strategies in marketing theory, practice, trends, and ethics*. Abingdon; New York: Routledge Publ., 302 p.
- Norman, M. V., McFarlane-Alvarez, S. (2023) Beyond colorblindness in advertising education: Multiculturalism and advertising pedagogy since the 2020 racial reckoning. *Journal of Advertising Education*, vol. 27, no. 2, pp. 91–100. <https://doi.org/10.1177/10980482231174885>
- Srivastava, R., Gupta, P. (2022) Research on unhealthy food and beverages advertising targeting children: Systematic literature review and directions for future research. *Australian Journal of Management*, vol. 47, no. 4, pp. 749–772. <https://doi.org/10.1177/03128962211059579>
- Tong, R. (2023) The application of consumer psychology in advertising. *Reflections on Marriage Psychology*, vol. 2, no. 1, pp. 31–56. <https://doi.org/10.5281/zenodo.8368203>
- Xu, P. (2020) Discussion on the application of marketing strategies to consumer psychology research. *Inner Mongolia Science and Technology and Economy*, vol. 19, pp. 64–65.

References

- Akbari, M. (2015) Different impacts of advertising appeals on advertising attitude for high and low involvement products. *Global Business Review*, vol. 16, no. 3, pp. 478–493. <https://doi.org/10.1177/0972150915569936> (In English)
- Dodonov, B. I. (1978) *Emotsiya kak tsennost' [Emotion as a value]*. Moscow: Politizdat Publ., 272 p. (In Russian)
- Fedotova, L. N. (2008) *Sotsiologiya reklamnoj deyatel'nosti [Sociology of advertising activity]*. Moscow: Oniks Publ., 560 p. (In Russian)
- Galician, M.-L. (ed.). (2004) *Handbook of product placement in the mass media. New strategies in marketing theory, practice, trends, and ethics*. Abingdon; New York: Routledge Publ., 302 p. (In English)
- Gopko, V. V. (2015) Paradoksy reklamy [Paradoxes of advertising]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya — Newsletter of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, no. 2 (6), pp. 11–14. (In Russian)
- Gritskov, Yu. V., Simonova, A. K., Syutkina, E. N. (2011) Tekhnologii aktivizatsii vliyaniya reklamy na sotsial'noe povedenie [Technologies for enhancing the influence of advertising on social behavior]. *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta — Scientific Notes of the Russian State Social University*, no. 1 (89), pp. 34–40. EDN: [NXVENP](#) (In Russian)
- Katerynyuk, A. V. (2001) *Reklamnye tekhnologii. Kommercheskaya reklama [Advertising technologies. Commercial advertising]*. Rostov–on–Don: Feniks Publ., 320 p. (In Russian)

- Kazdanyan, P. S., Engoyan, P. A., Akopyan, G. A. (2017) O vliyaniy reklamy na politicheskoe povedenie lichnosti [On the effects of advertising on the political behaviour of the individual]. *Byulleten' nauki i praktiki — Bulletin of Science and Practice*, no. 1 (14), pp. 216–221. <https://doi.org/10.5281/zenodo.244297> (In Russian)
- Khlopunova, O. V., Tsakanyan, A. A. (2020) Reklama v SMI: mekhanizmy vliyaniya i efekty [Advertising in the media: Mechanisms of influence and effects]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva — Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatishchev*, vol. 1, no. 4 (33), pp. 127–133. EDN: [PEGTHO](https://doi.org/10.26907/2542-0422.2020.04.127-133) (In Russian)
- Kulikova, A. V. (2009) Reklama kak sotsial'nyj fenomen [Commercial as social phenomenon]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya Sotsial'nye nauki — Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series Social Sciences*, no. 1 (13), pp. 25–29. EDN: [KPSYPH](https://doi.org/10.26907/2542-0422.2009.01.25-29) (In Russian)
- Norman, M. V., McFarlane-Alvarez, S. (2023) Beyond colorblindness in advertising education: Multiculturalism and advertising pedagogy since the 2020 racial reckoning. *Journal of Advertising Education*, vol. 27, no. 2, pp. 91–100. <https://doi.org/10.1177/10980482231174885> (In English)
- Sazanov, A. P. (2018) Psikhologiya kommunikativnoj funktsii reklamy [Psychology of the communicative function of advertising]. *Vestnik Natsional'nogo instituta biznesa — Bulletin of the National Institute of Business*, no. 31, pp. 137–141. EDN: [RXYSGM](https://doi.org/10.26907/2542-0422.2018.31.137-141) (In Russian)
- Srivastava, R., Gupta, P. (2022) Research on unhealthy food and beverages advertising targeting children: Systematic literature review and directions for future research. *Australian Journal of Management*, vol. 47, no. 4, pp. 749–772. <https://doi.org/10.1177/03128962211059579> (In English)
- Tatarinov, K. A., Belykh, E. R., Filatenko, E. A. (2020) Psikhologicheskie aspekty emotsional'noj reklamy [Psychological aspects of emotional advertising]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya — Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, vol. 9, no. 3 (32), pp. 39–42. <https://www.doi.org/10.26140/anip-2020-0903-0006> (In Russian)
- Tong, R. (2023) The application of consumer psychology in advertising. *Reflections on Marriage Psychology*, vol. 2, no. 1, pp. 31–56. <https://doi.org/10.5281/zenodo.8368203> (In English)
- Ukrainskij, V. N., Ukrainskaya, E. V. (2016) Vliyanie televizionnoj reklamy na obshchestvennye tsennosti [Impact of TV commercials on social values]. *Informatsionnaya bezopasnost' regionov*, no. 1 (22), pp. 61–66. EDN: [VSBRON](https://doi.org/10.26907/2542-0422.2016.01.61-66) (In Russian)
- Xu, P. (2020) Discussion on the application of marketing strategies to consumer psychology research. *Inner Mongolia Science and Technology and Economy*, vol. 19, pp. 64–65. (In English)
- Zekeriaev, R. I. (2024) *Reklamnaya suggestivnost' lichnosti v sovremennom mediaprostranstve [Advertising suggestiveness of personality in the modern media space]*. Simferopol': IP Khoteeva L. V. Publ., 152 p. (In Russian)
- Zhukova, E. A., Fedonenko, K. P. (2017) Reklama kak sredstvo kommunikatsii i ee vliyanie na potrebitel'skoe povedenie molodezhi [Advertising as a form of communication and its influence on young people's behavior]. *Molodoj issledovatel' Dona*, no. 5 (8), pp. 195–198. EDN: [ZMQMPT](https://doi.org/10.26907/2542-0422.2017.05.195-198) (In Russian)

Сведения об авторе

Руслан Ильвисович Зекерьяев, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова
SPIN-код: [4667-8763](https://orcid.org/0000-0001-8366-0183), ORCID: [0000-0001-8366-0183](https://orcid.org/0000-0001-8366-0183), e-mail: ruslan51291@mail.ru

Author

Ruslan I. Zekeriaev, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Department of Psychology, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov
SPIN: [4667-8763](https://orcid.org/0000-0001-8366-0183), ORCID: [0000-0001-8366-0183](https://orcid.org/0000-0001-8366-0183), e-mail: ruslan51291@mail.ru

УДК 159.9

EDN JBWGPW

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-169-180>

Научная статья

Перфекционизм и невротические состояния у врачей-ординаторов психиатрического и неврологического профилей

М. В. Билецкая ¹

¹ Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет,
194100, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Литовская, д. 2

Для цитирования: Билецкая, М. В. (2024) Перфекционизм и невротические состояния у врачей-ординаторов психиатрического и неврологического профилей. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 2, с. 169–180.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-169-180> EDN JBWGPW

Получена 18 октября 2023; прошла рецензирование 13 декабря 2023; принята 22 декабря 2023.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © М. В. Билецкая (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена значительным ростом показателей уровня и распространенности перфекционизма среди молодого населения и его связью с различными показателями психического неблагополучия. Врачи-ординаторы психиатрического и неврологического профилей могут быть подвержены развитию негативных психоэмоциональных состояний под влиянием характерных для студентов трудностей и профессиональных дистресс-факторов и рисков, а также в связи со специфическими трудностями, обусловленными особенностями специальности. Цель исследования заключается в изучении перфекционизма и невротических состояний у врачей-ординаторов психиатрического и неврологического профилей.

Материалы и методы. Выборка состояла из врачей-ординаторов (N = 100) по специальностям «Психиатрия» и «Неврология» в возрасте от 22 до 29 лет (M = 25; SD = 1,3). Для сбора эмпирических данных использованы «Трехфакторный опросник перфекционизма» Н. Г. Гаранян и А. Б. Холмогоровой, «Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний» К. К. Яхина и Д. М. Менделевича. Статистическая обработка данных проводилась с использованием непараметрического критерия Манна — Уитни и корреляционного анализа Спирмена (SPSS-26). Выборка была поделена на группы: с высоким (n = 37), средним (n = 33) и низким (n = 30) уровнем перфекционизма.

Результаты. У врачей-ординаторов с высоким уровнем перфекционизма значимо более выражены невротические состояния (тревога, невротическая депрессия, астения, истерический тип реагирования, обсессивно-фобические и вегетативные нарушения) в сравнении с врачами-ординаторами со средним ($p \leq 0,001$) и низким ($p < 0,001$) уровнем перфекционизма. У врачей-ординаторов с низким уровнем перфекционизма социально предписываемый перфекционизм связан с тревогой, астенией и истерическим типом реагирования, Я-адресованный перфекционизм связан с меньшим уровнем тревоги и истерического типа реагирования. У врачей-ординаторов со средним уровнем перфекционизма перфекционистский когнитивный стиль связан с большей выраженностью невротической депрессии, при этом Я-адресованный перфекционизм — с меньшей. У врачей-ординаторов с высоким уровнем перфекционизма общая выраженность перфекционизма связана с тревогой и обсессивно-фобическими нарушениями, перфекционистский когнитивный стиль и Я-адресованный перфекционизм — с тревогой, Я-адресованный перфекционизм — с истерическим типом реагирования и обсессивно-фобическими нарушениями.

Заключение. Результаты могут быть положены в основу разработки программ психологической профилактики для молодых врачей с учетом выраженности дезадаптивного перфекционизма и риска возникновения негативных психоэмоциональных состояний.

Ключевые слова: перфекционизм, невротические состояния, тревога, депрессия, врачи-ординаторы

Research article

Perfectionism and neurotic conditions in psychiatry and neurology residents

M. V. Biletskaya ¹

¹ Saint Petersburg State Pediatric Medical University, 2 Litovskaya Str., Saint Petersburg 194100, Russia

For citation: Biletskaya, M. V. (2024) Perfectionism and neurotic conditions in psychiatry and neurology residents. *Psychology in Education*, vol. 6, no. 2, pp. 169–180. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-169-180> EDN JBWGPW

Received 18 October 2023; reviewed 13 December 2023; accepted 22 December 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © M. V. Biletskaya (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract

Introduction. Perfectionism is associated with psychological distress and its prevalence and levels are shown to be increasing among young population. Psychiatry and neurology residents are exposed to student-specific challenges, general occupational distress and risks, and specialty-specific challenges. This may make them susceptible to negative psycho-emotional states. The article studies perfectionism and neurotic conditions in psychiatry and neurology residents.

Materials and Methods. The sample included 100 psychiatry and neurology residents aged 22–29 ($M = 25$; $SD = 1.3$). The respondents were divided into three groups with high ($n = 37$), medium ($n = 33$) and low ($n = 30$) levels of perfectionism. Perfectionism and neurotic conditions were measured using Three-Factor Perfectionism Inventory (N. G. Garanian, A. B. Kholmogorova) and Clinical Questionnaire for Detection and Evaluation of Neurotic Conditions (K. K. Yakhin, D. M. Mendelevich). Mann–Whitney U test and Spearman's correlation analysis were used for mathematical and statistical data processing.

Results. Residents with high level of perfectionism have significantly higher levels of neurotic conditions than residents with medium ($p \leq 0.001$) and low ($p < 0.001$) levels of perfectionism. In residents with low level of perfectionism, socially prescribed perfectionism is associated with anxiety, asthenia and the hysterical reaction type, while self-oriented perfectionism is associated with lower levels of anxiety and the hysterical reaction type. In residents with medium level of perfectionism, perfectionistic cognitive style is associated with higher level of neurotic depression, while self-oriented perfectionism is associated with lower level of neurotic depression. In residents with high level of perfectionism, the following significant associations were observed: of general level of perfectionism, with anxiety and obsessive-phobic disorders; of perfectionistic cognitive style and self-oriented perfectionism, with anxiety; of self-oriented perfectionism with the hysterical reaction type and obsessive-phobic disorders.

Conclusions. The research results can be used in developing psychological intervention and prevention programs for psychiatry and neurology residents.

Keywords: perfectionism, neurotic conditions, anxiety, depression, medical residents

Введение

Высокий уровень подготовки медицинских работников — одна из приоритетных задач системы здравоохранения и образования, которая является ресурсом охраны здоровья населения и обеспечивает повышение уровня удовлетворенности качеством оказываемой медицинской помощи. При этом учет психологических характеристик специалистов и поиск возможных путей сохранения их психологического здоровья с целью повышения эффективности подготовки к осуществлению профессиональной деятельности, а также ранней профилактики негативных психоэмоцио-

нальных состояний, представляет актуальную задачу клинико-психологических и психолого-педагогических исследований.

В контексте данной проблемы в последние годы исследуется перфекционизм — стремление к совершенству, сопровождающееся завышенными стандартами, чрезмерно высокими требованиями к себе и самокритикой. Актуальность исследования перфекционизма обусловлена значительным ростом показателей его уровня и распространенности среди молодого населения и его связью с различными показателями психического неблагополучия, что подтверждают данные российских и зарубежных исследований (Холмогорова и др. 2019; Curran, Hill 2019).

Особый интерес при рассмотрении проблемы психологического благополучия медицинских работников представляют врачи-ординаторы, деятельность которых связана с совмещением ролей врача-специалиста и обучающегося и характерными для этих видов деятельности интенсивными психическими и физическими нагрузками, высоким уровнем ответственности и требованиями к себе и результатам своей деятельности, а также с рядом дополнительных дистресс-факторов: необходимостью совмещения учебы, работы в отделении и в вечернее время, неуверенностью в собственной компетентности, подчиненной позицией, адаптацией в коллективе. Ряд исследователей подтверждают наибольшую подверженность молодых специалистов развитию профессионального выгорания (Матюшкина и др. 2020; Суроегина, Холмогорова 2023). Кроме того, некоторые специальности могут быть связаны со специфическими трудностями, обусловленными особенностями пациентов определенного профиля. Так, врачи-ординаторы психиатрического и неврологического профилей, не обладая при этом большим опытом профессиональной деятельности, участвуют в оказании квалифицированной медицинской помощи категории так называемых «трудных пациентов» с болезненными изменениями личности и поведенческими нарушениями. Они могут сталкиваться со сложностями в установлении контакта и связанными с состоянием пациента коммуникативными препятствиями, а также зачастую с неблагоприятным прогнозом.

Изучение среди уязвимых групп молодых специалистов симптомов эмоционального неблагополучия и психической дезадаптации, а также возможной роли в их развитии широко распространенного в этой среде перфекционизма, может способствовать уточнению направлений психологической подготовки молодых специалистов и ранней психологической профилактики. Таким образом, целью данного исследования являлось изучение перфекционизма и невротических состояний у врачей-ординаторов психиатрического и неврологического профилей.

Теоретический обзор современного состояния проблемы

В настоящее время большинство исследователей придерживаются многомерной концепции перфекционизма, рассматривающей его не как единую деструктивную характеристику личности, но как набор параметров, относящихся

к единому феномену. Согласно этому подходу, в структуре перфекционизма выделяют различные параметры, отражающие озабоченность ошибками, а также ожиданиями, критикой и оценкой окружающих, завышенные стандарты и требования к себе и другим, сомнения в действиях (Hewitt et al. 1991; Stoeber 2000). В отечественной психологии представление о многофакторной структуре перфекционизма и соответствующий метод его исследования «Трехфакторный опросник перфекционизма» были разработаны Н. Г. Гаранян и А. Б. Холмогоровой. Опросник оценивает социально предписываемый перфекционизм, Я-адресованный перфекционизм и перфекционистский когнитивный стиль (Гаранян и др. 2018). Таким образом, создается возможность выяснить, все ли параметры перфекционизма являются неадаптивными и с какими негативными последствиями они связаны. Так, многими исследователями была отмечена наибольшая деструктивность социально предписываемого перфекционизма, «...когда на первый план выдвигаются представления о высоких требованиях и ожиданиях со стороны других людей, а также необходимости им соответствовать для сохранения отношений» (Холмогорова и др. 2019, 44). Согласно имеющимся данным, социально предписываемый перфекционизм взаимосвязан с дезадаптацией, риском возникновения депрессивных и тревожных расстройств, а также суицидальным поведением (Гаранян и др. 2018; Холмогорова и др. 2019; 2020; Flett et al. 2022). С другой стороны, отмечается, что «...Я-адресованный перфекционизм, связанный с собственными высокими стандартами человека, может, по мнению ряда исследователей, не носить деструктивного характера и даже, напротив, быть в определенных пределах полезным для адаптации» (Холмогорова и др. 2019, 44). Это наблюдение подкрепляют также результаты исследований, посвященных проблеме перфекционизма в связи с проявлениями психологического благополучия (Гао и др. 2017; Гаранян и др. 2018; Холмогорова и др. 2019; 2020).

Ряд исследований на студенческой и клинической выборках подтверждают связь перфекционизма с расстройствами аффективного спектра, в особенности с депрессией и тревожностью, прокрастинацией, суицидальными рисками и обсессивно-фобическими расстройствами (Brennan-Wydra et al. 2021; Egan et al. 2022; Redden et al. 2023; Sederlund et al. 2020; Smith et al. 2021; Williams, Levinson 2021). При этом большая часть исследований перфекционизма и психического благополучия медицинских работников

в основном указывают на его роль в развитии профессионального стресса и профессионального выгорания (Матюшкина и др. 2020; Холмогорова и др. 2021; Martin et al. 2022).

О высокой распространенности невротических расстройств среди врачей свидетельствуют результаты, полученные Е. А. Бодаговой и Н. В. Говориным: «...у каждого третьего врача имеются отдельные симптомы невротической депрессии; у каждого четвертого — тревожные либо астенические расстройства; у каждого пятого — вегетативные расстройства либо нарушения истерического типа, а у каждого шестого врача были выявлены симптомы обсессивно-фобических нарушений» (Бодагова, Говорин 2013, 22). В масштабном российском исследовании медицинских работников с выраженным эмоциональным истощением у респондентов отмечались переживания, которые можно соотнести с проявлениями перфекционизма: неудовлетворенность собой, концентрация на своих профессиональных неудачах, недовольство своими производственными успехами, вызванная неудовлетворенностью результатами работы нервозность, разочарование в себе как специалисте. Кроме того, исследователями было установлено наличие связи между эмоциональным истощением, неудовлетворенностью собой, тревогой, депрессией, напряжением и личностной невротизацией, астенией, неврастеническими и ипохондрическими расстройствами (Бонкало, Полякова 2020).

Принимая во внимание имеющиеся свидетельства в пользу дезадаптивности перфекционизма и актуальности проблемы психологического благополучия медицинских работников, стоит отметить недостаточную изученность проблемы на выборке врачей-ординаторов, молодых специалистов, которые, как уже было сказано выше, подвергаются действию дополнительных дистресс-факторов и находятся в группе риска развития негативных психологических последствий в рамках профессиональной деятельности.

Организация и методы исследования

В соответствии с поставленной целью были сформулированы следующие задачи исследования: сравнить выраженность невротических состояний и выявить взаимосвязи невротических состояний и параметров перфекционизма в группах врачей-ординаторов с разным уровнем перфекционизма.

Нами были выдвинуты следующие исследовательские гипотезы: у врачей-ординаторов

с высоким уровнем перфекционизма более выражены невротические состояния; невротические состояния взаимосвязаны с такими параметрами перфекционизма, как социально предписываемый перфекционизм и перфекционистский когнитивный стиль.

Сбор эмпирических данных проходил в период весна — лето 2022 г. в Институте последипломного образования ФГБУ «НМИЦ ПН им. В. М. Бехтерева» Минздрава России среди врачей-ординаторов, обучающихся по специальностям «Психиатрия» и «Неврология», на основаниях анонимности и добровольности. После объяснения целей и задач исследования, а также получения информированного согласия, респондентам были предложены диагностические опросники.

В качестве респондентов выступили 100 врачей-ординаторов в возрасте от 22 до 29 лет ($M = 25$; $SD = 1,3$) первого (54 %) и второго (46 %) года обучения, из них 58 женщин, 42 мужчины. Среди респондентов 59 человек проходит подготовку по специальности «Психиатрия», из них 63 % женщин и 37 % мужчин; 41 человек проходит подготовку по специальности «Неврология», из них 51 % женщин и 49 % мужчин.

Для изучения перфекционизма использовался «Трехфакторный опросник перфекционизма» Н. Г. Гаранян, А. Б. Холмогоровой (Гаранян и др. 2018). Опросник включает три шкалы: «Озабоченность оценками со стороны других», «Высокие стандарты» и «Негативное селектирование», которые оценивают такие параметры перфекционизма, как социально предписываемый перфекционизм, Я-адресованный перфекционизм и перфекционистский когнитивный стиль соответственно. Суммарный балл позволяет оценить общую выраженность перфекционизма, средние значения которой составляют, согласно данным валидации, от 29 до 43 баллов (Гаранян и др. 2018).

Применялся также «Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний» К. К. Яхина и Д. М. Менделевича. Опросник включает шесть шкал, оценивающих выраженность соответствующего невротического состояния: «Тревога», «Невротическая депрессия», «Астения», «Истерический тип реагирования», «Обсессивно-фобические нарушения» и «Вегетативные нарушения». Согласно авторам опросника, уровню здоровья соответствует показатель больше +1,28; показатель меньше -1,28 указывает на болезненный характер расстройства; промежуточный результат между -1,28 и +1,28 может свидетельствовать о неустойчивости психической адаптации (Яхин, Менделевич 1978).

Статистическая обработка данных, продемонстрировавших распределение, отличное от нормального по критерию Колмогорова-Смирнова ($p < 0,05$), включала описательные статистики с указанием медианы и интерквартильного размаха (в виде Q1; Q3 — первый и третий квартили), а также непараметрический критерий Манна — Уитни и корреляционный анализ Спирмена (SPSS-26).

Результаты и их обсуждение

Анализ результатов по шкале общей выраженности перфекционизма Трехфакторного опросника перфекционизма позволил разделить выборку на три группы: с низким (П1), средним (П2) и высоким (П3) уровнем перфекционизма. Значимость различий подтверждена статистически по критерию Манна — Уитни (табл. 1).

Для проверки гипотезы 1 о большей выраженности невротических состояний у врачей-ординаторов с высоким уровнем перфекционизма был проведен сравнительный анализ изучаемых параметров между выделенными подгруппами по критерию Манна — Уитни (табл. 2).

Как показано в таблице 2, были обнаружены достоверные отличия по всем шкалам опросника невротических состояний в группе П3 в сравнении с группами П1 и П2. Между группами П1 и П2 были обнаружены значимые отличия только по шкале «Невротическая депрессия».

Представленные результаты подтверждают первую гипотезу о большей выраженности невротических состояний у врачей-ординаторов с высоким уровнем перфекционизма. Медианы показателей невротических состояний в группах респондентов как с низким, так и со средним уровнем перфекционизма, согласно

Табл. 1. Описательная статистика и сравнение групп с разным уровнем перфекционизма, Me (IQR)

Показатель / группа	Низкий уровень перфекционизма (П1) (n = 30)	Средний уровень перфекционизма (П2) (n = 33)	Высокий уровень перфекционизма (П3) (n = 37)
Общая выраженность перфекционизма	20 (18; 24,25)	35 ^a (31,5; 40)	50 ^{b c} (48; 56,5)

Примечание: Me — медиана; IQR — интерквартильный размах; a — различия между П1 и П2 статистически достоверны ($p < 0,001$); b — различия между П1 и П3 статистически достоверны ($p < 0,001$); c — различия между П2 и П3 статистически достоверны ($p < 0,001$).

Table 1. Descriptive statistics and comparison of groups with different levels of perfectionism, Me (IQR)

Indicator / group	Low level of perfectionism (P1) (n = 30)	Medium level of perfectionism (P2) (n = 33)	High level of perfectionism (P3) (n = 37)
General perfectionism level	20 (18; 24.25)	35 ^a (31.5; 40)	50 ^{b c} (48; 56.5)

Note: Me — median; IQR — interquartile range; a — statistically significant difference between P1 and P2 ($p < 0.001$); b — statistically significant difference between P1 and P3 ($p \leq 0.001$); c — statistically significant difference between P2 and P3 ($p < 0.001$).

Табл. 2. Невротические состояния у врачей-ординаторов с разным уровнем перфекционизма, Me (IQR)

Шкалы	П1 (n = 30)	П2 (n = 33)	П3 (n = 37)
Тревога	5,4 (2,34; 6,78)	4,35 (0,64; 4,95)	-3,14 ^{a b} (-6,64; -0,18)
Невротическая депрессия	4,83 (3,23; 6,55)	2,83 ^c (-0,12; 3,84)	-3,14 ^{a b} (-7,36; 0,45)
Астения	6,66 (5,54; 7,99)	5,01 (4,20; 6,47)	-0,82 ^{a b} (-5,05; 3,44)
Истерический тип реагирования	4,43 (1,29; 5,47)	4,13 (3,28; 5,45)	0,38 ^{a b} (-2,09; 3,18)
Обсессивно-фобические нарушения	4,04 (1,38; 5,45)	1,48 (0,27; 3,90)	-1,31 ^{a b} (-2,30; 0,57)
Вегетативные нарушения	8,85 (4,69; 11,26)	6,92 (4,39; 10,38)	1,09 ^{a b} (-5,09; 5,55)

Примечание: Me — медиана; IQR — интерквартильный размах; a — различия между П1 и П3 статистически достоверны ($p < 0,001$); b — различия между П2 и П3 статистически достоверны ($p \leq 0,001$); c — различия между П1 и П2 статистически достоверны ($p < 0,01$).

Table 2. Neurotic conditions in medical residents with different levels of perfectionism, Me (IQR)

Scales	P1 (n = 30)	P2 (n = 33)	P3 (n = 37)
Anxiety	5.4 (2.34; 6.78)	4.35 (0.64; 4.95)	-3.14 ^{ab} (-6.64; -0.18)
Neurotic depression	4.83 (3.23; 6.55)	2.83 ^c (-0.12; 3.84)	-3.14 ^{ab} (-7.36; 0.45)
Asthenia	6.66 (5.54; 7.99)	5.01 (4.20; 6.47)	-0.82 ^{ab} (-5.05; 3.44)
Hysterical reaction type	4.43 (1.29; 5.47)	4.13 (3.28; 5.45)	0.38 ^{ab} (-2.09; 3.18)
Obsessive-phobic disorders	4.04 (1.38; 5.45)	1.48 (0.27; 3.90)	-1.31 ^{ab} (-2.30; 0.57)
Autonomic disorders	8.85 (4.69; 11.26)	6.92 (4.39; 10.38)	1.09 ^{ab} (-5.09; 5.55)

Note: Me — median; IQR — interquartile range; a — statistically significant difference between P1 and P3 ($p < 0.001$); b — statistically significant difference between P2 and P3 ($p \leq 0.001$); c — statistically significant difference between P1 and P2 ($p < 0.01$).

интерпретации опросника, соответствуют уровню здоровья, в том числе по шкале «Невротическая депрессия», различия которой в группах были статистически значимы. При этом в группе врачей-ординаторов с высоким уровнем перфекционизма медианы результатов по всем шкалам опросника свидетельствуют о неустойчивой психической адаптации и болезненном характере выявляемых расстройств. В целом полученные данные соотносятся с результатами других исследований, продемонстрировавших наличие взаимосвязи между высоким уровнем

перфекционизма и симптомами психологического неблагополучия (Brennan-Wydra et al. 2021; Egan et al. 2022; Redden et al. 2023; Sederlund et al. 2020; Smith et al. 2021; Williams, Levinson 2021).

Для проверки гипотезы 2 о наличии взаимосвязей между показателями перфекционизма и невротическими состояниями анализировались корреляционные связи исследуемых характеристик с помощью корреляционного анализа Спирмена. Результаты корреляционного анализа в группе врачей-ординаторов с низким уровнем перфекционизма представлены в таблице 3.

Табл. 3. Взаимосвязь невротических состояний и показателей перфекционизма у врачей-ординаторов с низким уровнем перфекционизма (n = 30)

Шкалы	Общая выраженность перфекционизма	Озабоченность оценками со стороны других	Высокие стандарты	Негативное селективное
Тревога	-0,288	-0,517*	0,492*	-0,431
Невротическая депрессия	-0,318	-0,341	0,166	-0,369
Астения	-0,385	-0,491*	0,269	-0,382
Истерический тип реагирования	-0,306	-0,511*	0,495*	-0,404
Обсессивно-фобические нарушения	-0,075	-0,318	0,352	-0,152
Вегетативные нарушения	-0,028	-0,073	0,190	-0,017

Примечание: * — $p < 0.05$.

Table 3. Associations between neurotic conditions and dimensions of perfectionism in medical residents with low level of perfectionism (n = 30)

Scales	General perfectionism level	Perceived evaluations concerns	High personal standards	Negative selectivity
Anxiety	-0.288	-0.517*	0.492*	-0.431
Neurotic depression	-0.318	-0.341	0.166	-0.369
Asthenia	-0.385	-0.491*	0.269	-0.382
Hysterical reaction type	-0.306	-0.511*	0.495*	-0.404
Obsessive-phobic disorders	-0.075	-0.318	0.352	-0.152
Autonomic disorders	-0.028	-0.073	0.190	-0.017

Note: * — $p < 0.05$.

Как показано в таблице 3, в данной группе шкала «Озабоченность оценками со стороны других» имеет значимые обратные корреляционные связи со шкалами «Тревога», «Астения» и «Истерический тип реагирования». Шкалы «Тревога» и «Истерический тип реагирования» продемонстрировали также значимые прямые корреляционные связи со шкалой «Высокие стандарты».

Другими словами, увеличение обеспокоенности молодых врачей с низким уровнем перфекционизма социальными оценками и предъявляемыми к ним требованиями может сопровождаться большим уровнем тревоги, астении и невротического реагирования по истерическому типу. При этом высокий уровень собственных стандартов и притязаний, напротив, связан у них с меньшим переживанием этих невротических состояний, что согласуется с предположениями других исследователей о наименее деструктивном характере Я-адресованного перфекционизма (Гао и др. 2017; Гаранян и др. 2018; Холмогорова и др. 2019; 2020).

Результаты корреляционного анализа в группе врачей-ординаторов со средним уровнем перфекционизма представлены в таблице 4.

Как показано в таблице 4, в данной группе шкала «Невротическая депрессия» продемонстрировала значимую прямую корреляционную связь со шкалой «Высокие стандарты» и обратную — со шкалой «Негативное селективное».

Обнаруженные взаимосвязи позволяют предположить, что при среднем уровне перфекционизма молодые специалисты, стремящиеся к самосовершенствованию и ориентирующиеся на высокие требования к себе, в меньшей степени испытывают симптомы невротической депрессии, которые, с другой стороны, могут усиливаться при увеличении склонности к негативной оценке результатов своей деятельности и концентрации на своих неудачах.

Результаты корреляционного анализа в группе врачей-ординаторов с высоким уровнем перфекционизма представлены в таблице 5.

Как показано в таблице 5, в данной группе показатель общей выраженности перфекционизма имеет значимые обратные корреляционные связи со шкалами «Тревога» и «Обсессивно-фобические нарушения». Шкала «Высокие стандарты» так же взаимосвязана со шкалами «Тревога» и «Обсессивно-фобические нарушения»

Табл. 4. Взаимосвязь невротических состояний и показателей перфекционизма у врачей-ординаторов со средним уровнем перфекционизма (n = 33)

Шкалы	Общая выраженность перфекционизма	Озабоченность оценками со стороны других	Высокие стандарты	Негативное селективное
Тревога	-0,058	-0,230	0,334	-0,140
Невротическая депрессия	-0,154	-0,134	0,458*	-0,419*
Астения	-0,030	-0,034	0,120	-0,141
Истерический тип реагирования	0,167	0,027	0,207	0,027
Обсессивно-фобические нарушения	-0,209	-0,413	0,150	-0,018
Вегетативные нарушения	0,140	-0,098	0,312	0,051

Примечание: * — $p < 0,05$.

Table 4. Associations between neurotic conditions and dimensions of perfectionism in medical residents with medium level of perfectionism (n = 33)

Scales	General perfectionism level	Perceived evaluations concerns	High personal standards	Negative selectivity
Anxiety	-0.058	-0.230	0.334	-0.140
Neurotic depression	-0.154	-0.134	0.458*	-0.419*
Asthenia	-0.030	-0.034	0.120	-0.141
Hysterical reaction type	0.167	0.027	0.207	0.027
Obsessive-phobic disorders	-0.209	-0.413	0.150	-0.018
Autonomic disorders	0.140	-0.098	0.312	0.051

Note: * — $p < 0.05$.

Табл. 5. Взаимосвязь невротических состояний и показателей перфекционизма у врачей-ординаторов с высоким уровнем перфекционизма (n = 37)

Шкалы	Общая выраженность перфекционизма	Озабоченность оценками со стороны других	Высокие стандарты	Негативное селективное
Тревога	-0,532**	-0,330	-0,395*	-0,419*
Невротическая депрессия	-0,147	-0,294	-0,062	-0,244
Астения	-0,028	-0,095	0,005	-0,050
Истерический тип реагирования	-0,369	-0,162	-0,405*	-0,295
Обсессивно-фобические нарушения	-0,435*	-0,153	-0,416*	-0,322
Вегетативные нарушения	-0,294	-0,318	-0,157	-0,331

Примечание: * — p < 0,05; ** — p < 0,01.

Table 5. Associations between neurotic conditions and dimensions of perfectionism in medical residents with high level of perfectionism (n = 37)

Scales	General perfectionism level	Perceived evaluations concerns	High personal standards	Negative selectivity
Anxiety	-0.532**	-0.330	-0.395*	-0.419*
Neurotic depression	-0.147	-0.294	-0.062	-0.244
Asthenia	-0.028	-0.095	0.005	-0.050
Hysterical reaction type	-0.369	-0.162	-0.405*	-0.295
Obsessive-phobic disorders	-0.435*	-0.153	-0.416*	-0.322
Autonomic disorders	-0.294	-0.318	-0.157	-0.331

Note: * — p < 0.05; ** — p < 0.1.

и со шкалой «Истерический тип реагирования», а шкала «Негативное селективное» — со шкалой «Тревога».

Обнаруженные в данной группе взаимосвязи позволяют говорить о том, что высокий уровень перфекционизма связан с тревогой и обсессивно-фобическими нарушениями. Усиление тревоги у молодых специалистов с выраженными перфекционистскими установками отмечается и при увеличении склонности к такому типу мышления, при котором происходит селективное информации о собственных неудачах. Кроме того, отмечается связь и Я-адресованного перфекционизма с большей выраженностью тревоги, а также истерических и обсессивно-фобических невротических нарушений, что отличается от результатов, полученных в описанных выше группах и других исследованиях (Гао и др. 2017; Гаранян и др. 2018; Холмогорова и др. 2019; 2020). Можно предположить, что, несмотря на то что Я-адресованный перфекционизм рассматривается как наименее деструктивный показатель перфекционизма, при высоком уровне перфекционизма он может описывать склонность молодых врачей к самокритике и предъявлению к себе и результатам своей деятельности завы-

шенных требований и приводить к ослаблению психической адаптации.

Примечательно, что шкала «Озабоченность оценками со стороны других» не продемонстрировала в данной группе значимых корреляционных связей с невротическими состояниями, тогда как описываемый ею социально предписываемый перфекционизм, согласно данным исследований, является наиболее деструктивным показателем перфекционизма (Гаранян и др. 2018; Холмогорова и др. 2019; 2020; Flett et al. 2022).

Выводы

Существуют различия в выраженности невротических состояний у врачей-ординаторов психиатрического и неврологического профилей с разным уровнем перфекционизма. Показано, что для врачей-ординаторов с высоким уровнем перфекционизма характерна большая выраженность невротических состояний, достигающая уровня, свидетельствующего о болезненном характере расстройств.

Исследование подтвердило наличие взаимосвязи между перфекционизмом и невротическими

состояниями у врачей-ординаторов психиатрического и неврологического профилей, а также позволило выявить общие тенденции и различия выявляемых взаимосвязей в зависимости от уровня перфекционизма.

Показано, что высокий уровень перфекционизма связан с тревогой и обсессивно-фобическими нарушениями. Высокий уровень перфекционистского когнитивного стиля связан с усилением тревоги при высоком уровне перфекционизма и невротической депрессии — при среднем уровне. Увеличение уровня Я-адресованного перфекционизма связано со снижением тревоги и истерических невротических нарушений при низком уровне перфекционизма и невротической депрессии — при среднем уровне, тогда как при высоком уровне — с усилением тревоги, истерических и обсессивно-фобических невротических нарушений. Повышение тревоги, астении и истерического типа реагирования при усилении социально предписываемого перфекционизма доказано только при низком уровне перфекционизма.

Полученные результаты позволяют уточнить задачи психологической профилактики негативных психоэмоциональных состояний на ранних этапах профессионального становления. В рамках психологической профилактики невротических состояний у врачей-ординаторов целесообразно проведение оценки общего уровня перфекционизма и психокоррекционной работы по его снижению при выявлении высоких показателей. Обнаруженные в исследовании взаимосвязи позволяют также рекомендовать учет общего уровня перфекционизма при планировании психопрофилактической работы с его различными аспектами: при высоком уровне с целью ослабления тревоги, истерических и обсессивно-фобических невротических проявлений может быть рекомендовано проведение коррекции перфекционистского когнитивного стиля и Я-адресованного перфекционизма; при среднем уровне коррекция перфекционистского когнитивного стиля с усилением тенденции к ориентации на собственные стандарты деятельности (Я-адресованный перфекционизм) могут быть рекомендованы с целью

профилактики проявлений невротической депрессии; при низком уровне перфекционизма усиление тенденции к ориентации на собственные стандарты деятельности (Я-адресованный перфекционизм) при снижении обеспокоенности социальными оценками и требованиями (социально предписываемый перфекционизм) могут быть задачами для профилактики проявлений астении, тревоги и истерических невротических нарушений.

Ограничения представленного исследования связаны с неоднородностью выборки, объединившей врачей-ординаторов разных годов обучения, а также с невключением в исследование врачей-ординаторов других медицинских специальностей и молодых специалистов немедицинских специальностей в качестве групп сравнения. В связи с этим перспективы дальнейших исследований связаны, в первую очередь, с выявлением различий в выраженности и взаимосвязи перфекционизма и невротических состояний у врачей-ординаторов психиатрического и неврологического профилей в зависимости от года обучения, а также в сравнении с другими группами молодых специалистов.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Автор сообщает, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The author reports that the study complied with the ethical principles for research involving humans and animals.

Литература

- Бодагова, Е. А., Говорин, Н. В. (2013) Психическое здоровье врачей разного профиля. *Социальная и клиническая психиатрия*, т. 23, № 1, с. 21–26. EDN: OKNIIZ
- Бонкало, Т. И., Полякова, О. Б. (2020) Эмоциональное истощение как фактор возникновения и развития невротических состояний медицинских работников. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*, т. 28, № S2, с. 1208–1214. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-s2-1208-1214>

- Гао, Л., Киселева, Л. Б., Наследов, А. Д., Шаманов, А. Н. (2017) Позитивные и негативные аспекты перфекционистских установок студентов. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика*, т. 7, № 2, с. 115–127. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2017.201>
- Гаранян, Н. Г., Холмогорова, А. Б., Юдеева, Т. Ю. (2018) Факторная структура и психометрические показатели опросника перфекционизма: разработка трехфакторной версии. *Консультативная психология и психотерапия*, т. 26, № 3, с. 8–32. <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260302>
- Матюшкина, Е. Я., Рой, А. П., Рахманина, А. А., Холмогорова, А. Б. (2020) Профессиональный стресс и профессиональное выгорание у медицинских работников. *Современная зарубежная психология*, т. 9, № 1, с. 39–49. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090104>
- Суроегина, А. Ю., Холмогорова, А. Б. (2023) Профессиональное выгорание медицинских работников до, во время и после пандемии. *Современная зарубежная психология*, т. 12, № 2, с. 64–73. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120206>
- Холмогорова, А. Б., Гаранян, Н. Г., Цацулин, Т. О. (2019) Динамика показателей перфекционизма и симптомов эмоционального неблагополучия в российской студенческой популяции за последние десять лет: когортное исследование. *Культурно-историческая психология*, т. 15, № 3, с. 41–50. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150305>
- Холмогорова, А. Б., Рахманина, А. А., Суроегина, А. Ю. и др. (2021) Психическое здоровье и профессиональное выгорание врачей-ординаторов во время пандемии COVID-19: ситуационные и психологические факторы. *Консультативная психология и психотерапия*, т. 29, № 2, с. 9–47. <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290202>
- Холмогорова, А. Б., Суботич, М. И., Корх, М. П. и др. (2020) Деадаптивные личностные черты и психопатологическая симптоматика у лиц с первой попыткой суицида и хроническим суицидальным поведением. *Консультативная психология и психотерапия*, т. 28, № 1, с. 63–86. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280105>
- Яхин, К. К., Менделевич, Д. М. (1978) Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний. *Казанский медицинский журнал*, т. 59, № 4, с. 51–53. EDN: [XVINKJ](https://doi.org/10.1007/s40596-021-01503-1)
- Brennan-Wydra, E., Chung, H. W., Angoff, N. et al. (2021) Maladaptive perfectionism, impostor phenomenon, and suicidal ideation among medical students. *Academic Psychiatry*, vol. 45, no. 6, pp. 708–715. <https://doi.org/10.1007/s40596-021-01503-1>
- Curran, T., Hill, A. P. (2019) Perfectionism is increasing over time: A meta-analysis of birth cohort differences from 1989 to 2016. *Psychological Bulletin*, vol. 145, no. 4, pp. 410–429. <https://doi.org/10.1037/bul0000138>
- Egan, S. J., Wade, T. D., Fitzallen, G. et al. (2022) A meta-synthesis of qualitative studies of the link between anxiety, depression and perfectionism: Implications for treatment. *Behavioural and Cognitive Psychotherapy*, vol. 50, no. 1, pp. 89–105. <https://doi.org/10.1017/S1352465821000357>
- Flett, G. L., Hewitt, P. L., Nepon, T. et al. (2022) The destructiveness and public health significance of socially prescribed perfectionism: A review, analysis, and conceptual extension. *Clinical Psychology Review*, vol. 93, article 102130. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2022.102130>
- Hewitt, P., Flett, G., Turnbull-Donovan, W., Mikail, S. F. (1991) The multidimensional perfectionism scale: Reliability, validity, and psychometric properties in psychiatric samples. *Psychological Assessment*, vol. 3, no. 3, pp. 464–468. <https://doi.org/10.1037/1040-3590.3.3.464>
- Martin, S. R., Fortier, M. A., Heyming, T. W. et al. (2022) Perfectionism as a predictor of physician burnout. *BMC Health Services Research*, vol. 22, no. 1, article 1425. <https://doi.org/10.1186/s12913-022-08785-7>
- Redden, S. A., Mueller, N. E., Cogle, J. R. (2023) The impact of obsessive-compulsive personality disorder in perfectionism. *International Journal of Psychiatry in Clinical Practice*, vol. 27, no. 1, pp. 18–24. <https://doi.org/10.1080/13651501.2022.2069581>
- Sederlund, A. P., Burns, L. R., Rogers, W. (2020) Multidimensional models of perfectionism and procrastination: Seeking determinants of both. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, no. 14, article 5099. <https://doi.org/10.3390/ijerph17145099>
- Smith, M. M., Sherry, S. B., Ray, C. et al. (2021) Is perfectionism a vulnerability factor for depressive symptoms, a complication of depressive symptoms, or both? A meta-analytic test of 67 longitudinal studies. *Clinical Psychology Review*, vol. 84, article 101982. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2021.101982>
- Stoeber, J. (2000) Frost multidimensional perfectionism scale. In: J. Maltby, C. A. Lewis, A. Hill (eds.). *Commissioned reviews of 250 psychological tests. Vol. 1*. Lampeter: Edwin Mellen Press, pp. 310–314.
- Williams, B. M., Levinson, C. A. (2021) Intolerance of uncertainty and maladaptive perfectionism as maintenance factors for eating disorders and obsessive-compulsive disorder symptoms. *European Eating Disorders Review*, vol. 29, no. 1, pp. 101–111. <https://doi.org/10.1002/erv.2807>

References

- Bodagova, E. A., Govorin, N. V. (2013) Psikhicheskoe zdorov'e vrachej raznogo profilya [Mental health of various medical specialists]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiiatriya — Social and Clinical Psychiatry*, vol. 23, no. 1, pp. 21–26. EDN: [OKNIIZ](https://doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-169-180) (In Russian)

- Boncalo, T. I., Polyakova, O. B. (2020) Emotsional'noe istoshchenie kak faktor vznikoveniya i razvitiya nevroticheskikh sostoyanij meditsinskikh rabotnikov [Emotional exhaust as a factor of the origin and development of neurotic conditions of medical workers]. *Problemy sotsial'noj gigieny, zdравookhraneniya i istorii meditsiny — The Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*, vol. 28, no. S2, pp. 1208–1214. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-s2-1208-1214> (In Russian)
- Brennan-Wydra, E., Chung, H. W., Angoff, N. et al. (2021) Maladaptive perfectionism, impostor phenomenon, and suicidal ideation among medical students. *Academic Psychiatry*, vol. 45, no. 6, pp. 708–715. <https://doi.org/10.1007/s40596-021-01503-1> (In English)
- Curran, T., Hill, A. P. (2019) Perfectionism is increasing over time: A meta-analysis of birth cohort differences from 1989 to 2016. *Psychological Bulletin*, vol. 145, no. 4, pp. 410–429. <https://doi.org/10.1037/bul0000138> (In English)
- Egan, S. J., Wade, T. D., Fitzallen, G. et al. (2022) A meta-synthesis of qualitative studies of the link between anxiety, depression and perfectionism: Implications for treatment. *Behavioural and Cognitive Psychotherapy*, vol. 50, no. 1, pp. 89–105. <https://doi.org/10.1017/S1352465821000357> (In English)
- Flett, G. L., Hewitt, P. L., Nepon, T. et al. (2022) The destructiveness and public health significance of socially prescribed perfectionism: A review, analysis, and conceptual extension. *Clinical Psychology Review*, vol. 93, article 102130. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2022.102130> (In English)
- Gao, L., Kiseleva, L. B., Nasledov, A. D., Shamanov, A. N. (2017) Pozitivnye i negativnye aspekty perfektsionistskikh ustanovok studentov [Positive and negative aspects of students' perfectionist attitudes]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya i pedagogika — Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education*, vol. 7, no. 2, pp. 115–127. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2017.201> (In Russian)
- Garanyan, N. G., Kholmogorova, A. B., Yudeeva, T. Yu. (2018) Faktornaya struktura i psikhometricheskie pokazateli oprosnika perfektsionizma: razrabotka trekhfaktornoj versii [Factor structure and psychometric properties of perfectionism inventory: Developing 3-factor version]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya — Counseling Psychology and Psychotherapy*, vol. 26, no. 3, pp. 8–32. <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260302> (In Russian)
- Hewitt, P., Flett, G., Turnbull-Donovan, W., Mikail, S. F. (1991) The multidimensional perfectionism scale: Reliability, validity, and psychometric properties in psychiatric samples. *Psychological Assessment*, vol. 3, no. 3, pp. 464–468. <https://doi.org/10.1037/1040-3590.3.3.464> (In English)
- Kholmogorova, A. B., Garanyan, N. G., Tsatsulin, T. O. (2019) Dinamika pokazatelej perfektsionizma i simptomov emotsional'nogo neblagopoluchiya v rossijskoj studencheskoj populyatsii za poslednie desyat' let: kogortnoe issledovanie [Dynamics of indicators of perfectionism and symptoms of emotional distress in the Russian student population over the past ten years: Cohort study]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya — Cultural-Historical Psychology*, vol. 15, no. 3, pp. 41–50. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150305> (In Russian)
- Kholmogorova, A. B., Rakhmanina, A. A., Suroegina, A. Yu. et al. (2021) Psikhicheskoe zdorov'e i professional'noe vygoranie vrachej-ordinatorov vo vremya pandemii COVID-19: situatsionnye i psikhologicheskie faktory [Mental health and professional burnout among residents during the COVID-19 pandemic: Situational and psychological factors]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya — Counseling Psychology and Psychotherapy*, vol. 29, no. 2, pp. 9–47. <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290202> (In Russian)
- Kholmogorova, A. B., Subotich, M. L., Korkh, M. P. et al. (2020) Dezadaptivnye lichnostnye cherty i psikhopatologicheskaya simptomatika u lits s pervoj popytkoj suitsida i khronicheskim suitsidal'nym povedeniem [Maladaptive personality traits and psychopathological symptoms in individuals with the first suicidal attempt and with chronic suicidal behavior]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya — Counseling Psychology and Psychotherapy*, vol. 28, no. 1, pp. 63–86. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280105> (In Russian)
- Martin, S. R., Fortier, M. A., Heyming, T. W. et al. (2022) Perfectionism as a predictor of physician burnout. *BMC Health Services Research*, vol. 22, no. 1, article 1425. <https://doi.org/10.1186/s12913-022-08785-7> (In English)
- Matyushkina, E. Ya., Roy, A. P., Rakhmanina, A. A., Kholmogorova, A. B. (2020) Professional'nyj stress i professional'noe vygoranie u meditsinskikh rabotnikov [Occupational stress and burnout among healthcare professionals]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya — Journal of Modern Foreign Psychology*, vol. 9, no. 1, pp. 39–49. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090104> (In Russian)
- Redden, S. A., Mueller, N. E., Cogle, J. R. (2023) The impact of obsessive-compulsive personality disorder in perfectionism. *International Journal of Psychiatry in Clinical Practice*, vol. 27, no. 1, pp. 18–24. <https://doi.org/10.1080/13651501.2022.2069581> (In English)
- Sederlund, A. P., Burns, L. R., Rogers, W. (2020) Multidimensional models of perfectionism and procrastination: Seeking determinants of both. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, no. 14, article 5099. <https://doi.org/10.3390/ijerph17145099> (In English)
- Smith, M. M., Sherry, S. B., Ray, C. et al. (2021) Is perfectionism a vulnerability factor for depressive symptoms, a complication of depressive symptoms, or both? A meta-analytic test of 67 longitudinal studies. *Clinical Psychology Review*, vol. 84, article 101982. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2021.101982> (In English)
- Stoeber, J. (2000) Frost multidimensional perfectionism scale. In: J. Maltby, C. A. Lewis, A. Hill (eds.). *Commissioned reviews of 250 psychological tests. Vol. 1*. Lampeter: Edwin Mellen Press, pp. 310–314. (In English)

- Suroegina, A. Yu., Kholmogorova, A. B. (2023) Professional'noe vygoranie meditsinskikh rabotnikov do, vo vremya i posle pandemii [Professional burnout of medical workers before, during and after the pandemic]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya — Journal of Modern Foreign Psychology*, vol. 12, no. 2, pp. 64–73. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120206> (In Russian)
- Williams, B. M., Levinson, C. A. (2021) Intolerance of uncertainty and maladaptive perfectionism as maintenance factors for eating disorders and obsessive-compulsive disorder symptoms. *European Eating Disorders Review*, vol. 29, no. 1, pp. 101–111. <https://doi.org/10.1002/erv.2807> (In English)
- Yakhin, K. K., Mendelevich, D. M. (1978) Klinicheskij oprosnik dlya vyyavleniya i otsenki nevroticheskikh sostoyanij [Clinical questionnaire for the identification and assessment of neurotic conditions]. *Kazanskij meditsinskij zhurnal — Kazan Medical Journal*, vol. 59, no. 4, pp. 51–53. EDN: XVINKJ (In Russian)

Сведения об авторе

Мария Викторовна Билецкая, аспирант кафедры психосоматики и психотерапии, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет
SPIN-код: 9750-9551, ORCID: 0009-0008-3403-6606, e-mail: marbilets@yandex.ru

Author

Mariya V. Biletskaya, doctoral student, Department of Psychosomatics and Psychotherapy, Saint Petersburg State Pediatric Medical University
SPIN: 9750-9551, ORCID: 0009-0008-3403-6606, e-mail: marbilets@yandex.ru

Check for updates

Психология становления
современного профессионала

УДК 37.015.32

EDN JEGAPG

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-181-190>

Научная статья

Педагогическая деятельность инструкторов-диспетчеров управления воздушным движением в призме новых компетентностных рамок

С. Т. Эстрова ^{✉1}

¹ Национальная Академия Авиации, AZ-1045, Азербайджан, г. Баку, Мардаканский пр., д. 30

Для цитирования: Эстрова, С. Т. (2024) Педагогическая деятельность инструкторов-диспетчеров управления воздушным движением в призме новых компетентностных рамок. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 2, с. 181–190. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-181-190> EDN JEGAPG

Получена 21 марта 2024; прошла рецензирование 7 апреля 2024; принята 7 апреля 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © С. Т. Эстрова (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация

Введение. В связи со снижением статистики аварийности по причине человеческого фактора в авиации рассматриваются системные факторы, среди которых находится обучение. Эффективность обучения управлению воздушным движением (УВД) указывается исследователями как одна из причин, влияющих на производительность диспетчера УВД. Педагогическая деятельность инструкторов-диспетчеров УВД в процессе обучения изучена мало. Между тем, с выходом в свет в 2020 г. поправки 7 документа Дос 9868 «Правила аэронавигационного обслуживания. Подготовка персонала. Издание 3» международной организации гражданской авиации ICAO (Дос 9868... 2020), компетенциям авиационного персонала, в частности, диспетчеров-инструкторов УВД, в авиации уделяется очень много внимания. Несмотря на это, исследований, связанных с компетенциями инструкторов-диспетчеров УВД, в этой области нет.

Целью исследования является описание поведения инструкторов-диспетчеров УВД в процессе обучения стажеров-диспетчеров УВД и сопоставление его с требованиями к компетенциям авиационного документа Дос 9868.

Материалы и методы. На основании документа Дос 9868 ICAO был составлен авторский Опросник компетенций инструктора, представленный в двух версиях: для инструкторов и для стажеров. Исследование проводилось на базе предприятия «Азераэронавигация» в городе Баку и регионах Азербайджана.

Результаты исследования. В поведении большинства инструкторов было выявлено наличие компетенций, требуемых от инструктора руководящими авиационными документами. Однако ряд ответов на вопросы, связанных с оказанием стажеру инструктором дополнительной психологической поддержки, по обеспечению вхождения в профессиональную среду, по развитию взаимопонимания со стажером, применению приёмов активного слушания и др. свидетельствует о пробелах в знаниях в этой области у части инструкторов и о необходимости повышать их уровень психологических знаний и компетенций в этой области.

Заключение. Авторский Опросник компетенций инструкторов позволяет на основании ответов респондентов сделать выводы о наличии у инструкторов компетенций, соответствующих требованиям руководящего авиационного документа ICAO Дос. 9868. Данный опросник может применяться при отборе специалистов на должность инструктора, а также на курсах повышении квалификации инструкторов-диспетчеров УВД. По результатам исследования может быть составлена программа тренинга, направленного на развитие необходимых компетенций у инструкторов. Применение данного тренинга и оценка его эффективности является целью последующих исследований.

Ключевые слова: диспетчер управления воздушным движением, инструктор, компетенция, педагогическая деятельность, обучение стажеров, опросник компетенций

Research article

Teaching work by air traffic control instructors in the prism of the new competency framework

S. T. Estrova ¹

¹ National Aviation Academy, 30 Mardakan Ave., Baku AZ-1045, Azerbaijan

For citation: Estrova, S. T. (2024) Teaching work by air traffic control instructors in the prism of the new competency framework. *Psychology in Education*, vol. 6, no. 2, pp. 181–190. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-181-190> EDN JEGAPG

Received 21 March 2024; reviewed 7 April 2024; accepted 7 April 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © S. T. Estrova (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract

Introduction. The number of aviation accidents caused by human factors is decreasing, which encourages researchers to pay more attention to studying system factors, such as training of air traffic control (ATC) specialists. The effectiveness of ATC training has been cited as one of the factors affecting air traffic controllers' performance. In 2020, ICAO published Amendment 7 to the Procedures for Air Navigation Services — Training (Doc 9868), and that publication prompted a lot of attention to the competencies of aviation personnel — in particular, air traffic controllers and instructors. However, the teaching work of ATC instructors has been little studied, and there is no research related to the competencies of ATC instructors. This study describes the behavior of ATC instructors during the training of ATC trainees and compares it with the competency requirements of Doc 9868.

Materials and Methods. The author used Doc 9868 to prepare the Instructor Competency Questionnaire in two versions: for instructors and for trainees. The study was conducted at Azeraeronavigation Air Traffic Department in Baku and various regions of Azerbaijan.

Results. The study found that most instructors have the competencies required from an instructor by Doc 9868. However, the study also revealed that some instructors have gaps in knowledge related to a number of issues: provision of additional psychological support to the trainee; facilitating the trainee's entry into the professional environment; developing mutual understanding with the trainee; using active listening techniques, etc. The study indicates that there is a need for instructors to increase their level of psychological knowledge and competencies related to the said issues.

Conclusions. The author's Instructor Competency Questionnaire makes it possible to identify whether instructors have competencies required by the governing aviation document Doc 9868. This questionnaire can be used to select specialists for the position of an instructor, as well as in professional development courses for ATC instructors. Based on the results of the study, a training program can be drawn up to develop the necessary competencies among instructors. The application of such a program and evaluation of its effectiveness will be the goal of subsequent research.

Keywords: air traffic controller, instructor, competence, teaching work, trainees, competency questionnaire

Введение

В авиации последних лет в попытке минимизировать проблемы, связанные с человеческим фактором, внимание исследователей всё больше сконцентрировано на поиске более глубоких, системных причин. Система управления воздушным движением (УВД) — один из важнейших элементов всей авиационно-транспортной системы. Вопросы организации эффективного процесса обучения у диспетчеров УВД в последние годы стали находиться в фокусе исследователей всё чаще. Так, К. Ду, Т. Лью и В. Сонг

определяют обучение как один из пяти наиболее важных человеческих факторов, в дальнейшем влияющих на производительность диспетчера УВД (Lyu et al. 2019). Качество обучения непосредственно зависит от мастерства инструкторов. Соответственно, педагогическая деятельность инструктора-диспетчера УВД выступает на передний план. Он тот, кто обучает деятельности, которой обучиться самостоятельно невозможно. Чрезвычайно важно, насколько он профессионален в этом вопросе. Среди исследований, касающихся инструкторской деятельности в авиации, большая часть

направлена на изучение деятельности инструкторов-пилотов. В научных обзорах упоминаются имена Д. В. Гандера, А. Ю. Дмитренко, П. А. Коваленко, В. В. Козлова, К. К. Платонова, В. А. Пономаренко и др. (Бочаров и др. 2020). Деятельность инструктора-диспетчера УВД изучена мало. Между тем авиационная среда бурно развивается, и вопросы профессионализма и компетенции инструкторов стоят сейчас особенно остро. Новый взгляд на компетенции инструкторов — диспетчеров УВД сложился после изменений, введенных с поправкой 7 документа Doc 9868 «Правила аэронавигационного обслуживания. Подготовка персонала. Издание 3» международной организации гражданской авиации ИКАО в 2020 г. (Doc 9868... 2020). В этом документе дано определение и описание компетенций инструктора. Данные компетенции проявляются в определенном поведении инструктора со стажерами в процессе обучения.

Исследование различных аспектов деятельности инструктора-диспетчера УВД можно найти в работах Ж. Лепаж (описание профессиональных качеств инструктора по обучению без отрыва от производства, а также о правильных взаимоотношениях инструктора и стажера) (Lepage 2016; 2017). Исследованию образовательных программ подготовки авиационных специалистов России, Белоруссии, Узбекистана, США, Чехии посвящена статья С. Шукюровой, З. Шамсиева, А. Стеренхарц (Shukurova et al. 2020). Вопрос компетенций инструкторов-диспетчеров УВД рассматривался в работах Д. В. Ольховского, описавшего теоретико-методологические основы и теоретическую модель профессионально-педагогической подготовки инструкторов. Но, с учётом даты проведения данного исследования (Ольховский 2017), в этой модели не учитываются новые компетентностные рамки, введенные в 2020 г. Вопросы компетенций инструкторов рассматриваются в статье И. Сонхаджи и Д. Джатмоко, в которой данный документ сопоставляется с индонезийской учебной программой по обучению управлению воздушным движением (Sonhaji et al. 2021). Также известен обзор научных исследований по процессу обучения диспетчеров УВД, охватывающий как российские, так и западные исследования данной сферы за последнее десятилетие (Estrova 2023).

Начиная с 2016 г., вопросы компетенции инструкторов стали рассматриваться в авиационных документах. В первую очередь, были прописаны требования для пилотов, а в 2020 г. — для диспетчеров УВД.

Вместе с тем в мировой литературе отсутствуют исследования, касающиеся поведения инструкторов в процессе обучения, связанного с их компетенциями, а также инструменты для измерения профессиональных компетенций инструкторов, что определило цель нашего исследования. Целью служит описание поведения инструкторов-диспетчеров УВД в процессе обучения стажеров-инструкторов УВД и сопоставление его с требованиями к компетенциям авиационного документа Doc 9868 (Doc 9868... 2020) для апробации разработанного нами опросного метода, с помощью которого можно изучить особенности педагогической деятельности и компетенции инструкторов-диспетчеров УВД.

В исследовании решалась задача создания и применения методики, позволяющей определить соответствие компетенций инструктора-диспетчера УВД в процессе обучения стажеров требованиям к компетенциям авиационного документа Doc 9868.

Организация и методы исследования

Исследование проводилось на базе предприятия «Азераэронавигация» в городе Баку и регионах Азербайджана. Выборку составили 19 действующих инструкторов-диспетчеров УВД (среди которых 17 — мужчин и 2 женщины) и 11 стажеров (6 — женского пола и 5 — мужского). Количество участников объясняется спецификой деятельности инструкторов, которых обычно не так много в штате предприятия. К примеру, на территории Азербайджана работает двадцать инструкторов на рабочих объектах и пять на симуляторе (тренажере). Относительно небольшое число стажеров на момент исследования объясняется приостановлением всей деятельности по обучению во время пандемии коронавируса SARS-CoV-2, а также усложнением процедуры допуска соискателей на прохождение стажировки для получения лицензии диспетчера УВД после окончания периода пандемии. Участие в исследовании осуществлялось на добровольной основе.

Исследование проводилось в несколько этапов, первым из которых стало изучение научной литературы, авиационных документов, беседы с действующими инструкторами и руководителями полетов службы УВД. Было констатировано отсутствие четкого инструментария, позволяющего судить о компетенциях инструкторов УВД в процессе обучения. Далее, на основании документа Doc 9868 ИКАО был составлен авторский Опросник компетенций

инструктора. Опросник состоит из ряда условных блоков, охватывающих несколько направлений исследования (статистическая информация — пол, возраст, этап стажировки; реакция инструктора в конкретных ситуациях обучения и т. д.). Опросник представлен в двух версиях: для инструкторов и для стажеров. Было включено большое количество открытых вопросов, позволяющих респондентам свободно выразить свое мнение. После применения пилотажной версии опросника и дальнейшей корректировки авторский Опросник компетенций инструкторов был предложен в двух формах — для инструкторов и для стажеров.

Были учтены этические моменты. Опросники заполнялись анонимно, участники были проинформированы о том, что исследование служит академическим целям. Были даны гарантии о сохранении конфиденциальности информации, а также о том, что ответы не повлияют в дальнейшем на их карьеру.

Результаты и их обсуждение

Блок вопросов, связанный с *мотивами* выбора инструкторской деятельности, дал следующие результаты: главным мотивом у подавляющего числа инструкторов является *удовольствие от объяснения тонкостей профессии стажерам*. Вторым и третьим по значимости определяется *желание делиться знаниями и желание развиваться*. Другие мотивы указаны не были.

Описание инструкторами *первого контакта с обучаемым* свидетельствует об отсутствии каких-либо проблем при взаимодействии, о положительном, либо нейтральном первом впечатлении. Среди ответов были отмечены: *«вызвало восхищение желание стажера к получению теоретических знаний и закрепление их практикой на тренажере»*, *«удивила своим интересом к новой позиции»*, *«был активен, подготовлен, мотивирован и готов к продолжению стажировки»*. Лишь один из инструкторов сообщил о неприятном впечатлении от стажера при первом контакте. Также среди трудностей было отмечено следующее: *«Иногда бывает сложно делать замечания и требовать чего-то. Так как обычно это ребята, которых я уже знаю»*. Один из инструкторов старшего поколения отметил: *«При первом контакте необходимо объяснить стажеру суть выбранной профессии (при первой стажировке). Остальное — лирика!»*.

Ответы стажеров на вопрос о первом впечатлении об инструкторе свидетельствуют о позитивном первом впечатлении, искренности,

дружелюбии инструкторов и сложившемся мнении, как о профессионале своего дела.

Мнения о мерах, предпринимаемых инструкторами по *обеспечению вхождения стажера в профессиональную среду*, разделились: 50 % инструкторов направляют усилия на создание комфортной среды, объяснения, инструктирование по функциям и персоналу, к которому можно обращаться, дружеское общение, ненавязчивое объяснение теории, знакомство с рабочим местом, демонстрацию работы, обратную связь со стажером, личный пример и работу над своими качествами. Около трети опрошенных (30 %) видят больше эффекта в адаптации от работы над личностными и профессиональными качествами стажера, ответственностью, вниманием к мелочам, от постепенного наращивания сложности заданий до допуска к самостоятельной работе. И около 20 % сообщили, что принимать какие-то особые меры не нужно, так как, по мнению одного из инструкторов, *«еще будучи студентами и проходя свою учебную практику на предприятии, они уже находятся в профессиональной среде»*.

Все инструкторы согласились, что инструктор должен *создавать позитивный подход к обучению*, и указали, что он может проявляться в создании интереса к работе, привлечении внимания и усилении желания стажера работать. Они отмечали, что нужно рассказывать разные случаи из опыта, указывать на положительные стороны работы: *«Необходимо проявлять уважение к другим людям (как к стажеру, так и к коллегам)»*. Инструктор должен *«быть примером для подражания»*, *«демонстрировать уверенность, пунктуальность»*, *«создать атмосферу, при которой будет удобно и приятно стажироваться»*, *«находить индивидуальный подход к каждому стажеру»*. Также создание позитивного подхода к обучению может проявляться в позитивной манере общения, открытости к любым вопросам стажера, адекватной реакции на ошибки: *«необходимо поддерживать стажера, не вмешиваться в его работу без необходимости, на дебрифинге подсказывать более эффективный подход»*, *«проявлять терпение, поощрять стажера, но при этом применять требовательную технику»*, *«в связи с волнением стажера в первое время, нужно помочь обрести уверенность в себе, подбадривать, похвалить, избегать негатива»*.

Все стажеры положительно оценили *психологический климат* во время стажировки, отмечая уверенность, поддержку и внимание инструктора, спокойный тон его голоса, взаимопонимание и уважение, возможность делать

перерывы после напряженной работы, мотивацию.

В Опроснике также предлагалось к рассмотрению утверждение: «*Инструктору не всегда нужно отвечать на вопросы стажера*». Половина инструкторов выразила несогласие с этим утверждением, объяснив это тем, что «*чем больше задаст вопросов, тем меньше останется неясных моментов*» и «*должность инструктора требует отвечать на все вопросы*». И около четверти респондентов согласились с данным утверждением, объяснив свой выбор желанием подтолкнуть стажера к поиску самостоятельных ответов: «*Иногда нужно дать ему возможность найти ответ*», «*Иногда необходимо ответить вопросом на вопрос*». Один из респондентов отметил, что иногда приходится неоднократно отвечать на один и тот же вопрос. Около 26 % оставили графу этого вопроса пустой. Данный вопрос, заданный в другой форме, показал единогласное мнение инструкторов стараться всегда отвечать на вопросы стажера. Лишь один из респондентов отметил: «*даю стажеру возможность найти ответы в руководящих документах, так как документами нужно уметь пользоваться*».

Стажеры, оценивая *готовность инструктора ответить на вопросы*, единогласно подтвердили, что получали ответы на все вопросы.

На вопрос «*Должен ли инструктор поощрять обучаемого к самоанализу собственных действий?*» все инструкторы дали утвердительный ответ, объясняя это улучшением способностей стажера к анализу в будущем и адекватному восприятию ситуации, развитием способности принимать адекватные решения, осознавать свои сильные и слабые стороны, обретать уверенность, достигать лучшего уровня в будущем, а также для диагностики мышления стажера.

Вопрос о *поощрении инструктором самоанализа стажера в процессе обучения* подтвердили 73 % стажера, указывая на стадию дебрифинга и конкретные ситуации, когда это происходило. Два человека ответили отрицательно и один из стажеров, на момент исследования только приступивший к начальному периоду стажировки, отметил, что пока еще не сталкивался с этим.

Также стажерам был задан вопрос, *способствовали ли вопросы инструктора желанию думать над ними*. Все респонденты подтвердили этот факт, отметив, что такие ситуации возникали в процессе обучения, и есть даже инструкторы, которые любят задавать вопросы, развивающие критическое мышление стажера.

Также они получали домашние задания такого рода.

Вопрос, связанный с *ясностью для стажера ожиданий инструктора*, также вызвал положительный ответ стажеров. В ответах в качестве примеров были перечислены: выдача указаний и инструкций, планирование очередности вылетов и прилетов и обсуждение этого со стажером, требование делать работу качественнее, лучшего уровня фразеологии, озвучивание тем, заданий, мотивации инструктора на большие достижения и успехи стажера. Также упоминалось определение обратной связи от инструктора по его мимике. Стажеры подтвердили соответствие анализа итогов занятия тому, что планировалось в их начале.

Вопросы следующего блока касались различных частей процесса обучения. Стажеры единогласно отрицали случаи *давления со стороны инструктора*, требований выполнения его рекомендаций.

Ощущение *перегруженности информацией* было у 30 % респондентов в самом начале стажировки.

Стажеры положительно оценили *объяснение инструкторами сложных ситуаций* (траффика, действий в чрезвычайных ситуациях), отмечая и теоретическое объяснение, детально, по частям, и отработку на тренажере: «*Любыми способами/методами, пока до меня не дойдет*». Также стажерами было подтверждено, что инструкторы объясняли, как *анализировать ситуации, расставлять приоритеты, выбирать образ действий*. Некоторые отметили спокойную манеру и логичность объяснений, внимательность инструктора при дальнейшем выполнении задания и исправлении ошибок.

В следующем вопросе инструкторам необходимо было выразить свое мнение по поводу утверждения: «*Считаете ли вы, что инструктор должен объяснять стажеру оперативную ситуацию до того, как возьмет на себя управление?*». Согласно документу ICAO Doc 9868, это входит в обязательное поведение инструктора. В первую очередь, из соображений согласованности действий и командной работы, а во-вторых, чтобы не задевать достоинство стажера, внезапно перехватывая у него управление безо всякого объяснения. Необходимо отметить, что большинство инструкторов ответило утвердительно, объясняя это тем, что «*при возможности, надо заранее говорить*», «*Вмешиваться только, когда будет необходимо. Но заранее обсуждать до этого момента ситуацию*». Оставшиеся респонденты считают, что объяснения нужно отложить на потом, ссылаясь

на важность обеспечения безопасности полетов, в первую очередь: *«Всё зависит от ситуации и времени для решения возникшей проблемы».*

Стажеры также подтвердили, что ситуаций, когда инструктор *брал на себя управление движением безо всякого объяснения* им оперативной обстановки, не случалось.

Большинство инструкторов ответили отрицательно на вопрос: *«Согласны ли Вы с утверждением, что стажеру не следует доверять попробовать осуществить свои собственные планы в дорожной ситуации?»*, считая, что стажеру необходимо доверять, поначалу убедившись в безопасности его плана, идти к этому поэтапно и создавать подходящие условия, обязательно контролировать. Стажеры единогласно подтвердили факт обсуждения стажера с инструктором предполагаемых действий в рабочих ситуациях, а также реализацию возможности осуществления своих собственных планов после обсуждения.

Меры, предпринимаемые инструктором *по развитию взаимопонимания со стажером*, часть инструкторов видит в улучшении отношений, остальные больше делают упор на увеличении количества изучаемого материала, более эффективной его подаче, разборе практических ситуаций, использовании наглядных пособий, советов и рекомендаций: *«Стимулировать развитие навыков, знаний и понимания выбранной профессии».* Те, кто больше ориентирован на отношения, указывали в качестве мер следующее: выслушивание стажера, общение с ним не только в рабочее время, и даже на личные темы, создание позитивных отношений, не переступая дозволенные рамки, изучение характера стажера, тактичное реагирование на неудачи, способствование тому, что стажер охотнее мог выражать свое мнение: *«стараться дружить»*, *«быть товарищами»*, *«проявлять терпение»* и *«уметь слушать»*. Отмечали, что могут позитивно повлиять рукопожатием, зрительным контактом, тоном голоса. Лишь один из инструкторов указал, что *«к моменту прохождения стажировки все уже знакомы, подход найден уже, ничего специального делать не нужно».*

Все респонденты поощряли *обратную связь со стажером*, указывая следующие приемлемые для них действия: выделять положительные действия, указывать на области, над которыми нужно работать, помогать заполнить пробелы в знаниях и умениях, помогать стажеру разработать способы восполнения пробелов.

Действия инструкторов по корректной обратной связи было оценено стажерами следую-

щим образом: помогал заполнить пробелы в знаниях и умениях, помогал разработать способы восполнения пробелов, инструктор выделял положительные действия, указывал на области, над которыми нужно работать. Однако, в ряде ответов стажеров было указано, что инструктор избегал обсуждений ошибок и успехов, повышал голос и выходил из себя.

Стажеры единогласно отметили наличие *обратной связи от инструктора*, выделяя такие моменты в обучении, как анализ в конце рабочего дня, интересные беседы, включая советы по личным вопросам, подготовке к графику обучения, рекомендации по улучшению навыков работы стажера и т. д.

На вопрос, связанный с описанием себя в качестве *активного слушателя*, были получены ответы, демонстрирующие готовность инструкторов выслушать стажеров. И, хотя респонденты отмечали важность этого метода для изучения личности стажера и снятия его напряжения, описание ими этого процесса приводит к выводу, что инструкторы не знают тонкостей его применения и сводят его сущность только лишь к выслушиванию стажера, упуская или не зная о необходимости давать эмоциональный отклик при применении активного слушания. При этом каждый пятый респондент оставил этот вопрос без ответа.

На вопрос: *«Случалось ли, что инструктор выслушивал Ваши идеи и предложения неохотно и без интереса, либо перебивал?»* все стажеры ответили отрицательно.

Анализируя психологическое состояние стажера (например, стресс, неуверенность в себе, самоуверенность, перегруженность информацией) половина респондентов руководствуются невербальными признаками в поведении стажера. Выделялись: характерная мимика лица, жесты, интонация, особенности голоса, другие внешние признаки. Оставшиеся респонденты отмечали ошибки в решениях и действиях стажера, как показатель психологического состояния стажера, *«постоянные вопросы о том, правильно ли стажер поступает».* Например, ответ *«Перед сменой спрашиваю, как у него дела? Всё ли в порядке? Готов ли он?»* не свидетельствует о том, что инструктор может получить эту информацию по невербальным признакам стажера. Также был получен ответ: *«Инструктор должен взять управление на себя. Безопасность полетов не должна нарушаться».* В данном случае идет смещение внимания инструктора с состояния стажера на текущую ситуацию.

Стажеры, *оценивая реакцию инструктора на свое психологическое состояние* во время

обучения (стресс, неуверенность в себе или самоуверенность во время обучения), в одной трети случаев отметили помощь инструктора, терпение, его беседу с ними, после которой появилось чувство веры в себя. У половины стажеров подобных состояний не возникало. Остальные респонденты признались, что справились самостоятельно.

В вопросах, связанных с оказанием стажеру дополнительной психологической поддержки, мнение респондентов также отличалось: большинство применяет подбадривание, беседу с целью успокоить, воодушевление, рассказ о схожих случаях, шутку, выделение положительных действий и прибегает к помощи коллег для подбадривания стажера: «*Стараюсь быть для него/нее близким человеком, другом, братом и т. д. Стараюсь вести беседу по душам*». «*При этом, стараясь сохранять спокойствие*». В то же время, часть инструкторов предпочитает не фиксироваться на эмоциональном состоянии стажера, сделать перерыв и разъяснить стажеру, в чём сложность данной ситуации.

Стажеры в большинстве указывали, что ощущали поддержку инструктора, отмечая ее проявление в мотивации, его помощи, подсказках при увеличении потока воздушных судов, уточняющих вопросах о понимании материала, адаптации к рабочему месту и коллективу, повышении интереса к профессии и желании строить карьеру в этом направлении.

Отвечая на вопрос о спокойствии инструктора в напряженной ситуации, большинство стажеров подтвердили, что инструктор был спокоен, два человека ещё не сталкивались с напряженными ситуациями и один ответил отрицательно.

На вопрос о сохранении конфиденциальности информации о некоторых моментах обучения инструкторы также разделились во мнениях: половина респондентов сочла конфиденциальность обязательным условием, способствующим повышению доверия между инструктором и стажером, поскольку многие ошибки со временем исправляются. Придание же их огласке может повредить представлению о стажере, как о специалисте. Оставшиеся респонденты считают, что всё зависит от ситуации: иногда обучение должно идти максимально открыто, особенно если её сохранение может отчасти навредить стажеру, снижая его ответственность за свои действия в процессе обучения.

Стажеры, отвечая на вопрос об ощущении безопасности или незащищенности при общении с инструктором, единогласно отметили ощущение безопасности, дружелюбия инструктора,

спокойствия, комфорта и отсутствие случаев повышения голоса или унижения с его стороны: «*Я могу полностью положиться на инструктора*».

Оценивая оптимальную психологическую дистанцию между инструктором и стажером, инструкторы сошлись во мнении о достаточно близких, товарищеских отношениях, позволяющих создавать высокий уровень доверия, но в то же время, с соблюдением субординации, без панибратства.

Правилам этики при взаимодействии со стажером стараются следовать 83 % опрошенных инструкторов, считая это обязательным для расположения к себе стажера и его мотивации. Проявляется это в уважительном отношении, вежливости, приветливости. Лишь один из респондентов считает это не имеющим такого большого значения: «*Это не очень важно. Главное — комфорт*».

В вопросе о предубежденности и предвзятости инструктора по отношению к своему стажеру был получен единогласный отрицательный ответ. Респонденты считают, что это не профессионально, демотивирует стажера и снижает эффект от обучения. В случаях, когда инструктор имеет негативные отзывы о стажере еще до знакомства с ним, «*сначала сам должен познакомиться со стажером, после сформировать свое мнение*».

Вопрос объективного (честного) оценивания инструктором действий стажера в процессе обучения рассматривается инструкторами однозначно: корректно, искренне, грамотно разбирать все ошибки, недочеты, этим улучшая качество обучения. Все инструкторы подтверждали необходимость быть объективными к своему стажеру в процессе обучения: «*Это напрямую влияет на оценку работы и на решение о самостоятельной работе стажера*».

Стажеры единогласно отрицали случаи проявления необъективности инструктора по отношению к ним.

Описывая свою роль, в качестве инструктора, одним словом, респонденты дали следующие ответы: «наставник» («ментор») — 39 %, остальные разделились в характеристиках («ответственность», «обучение», «мотиватор», «папа (старший брат)», «хороший», «объективный», «руководитель»). Три респондента (17 %) не ответили на данный вопрос.

На вопрос, как должен реагировать инструктор во время и в конце таких учебных занятий, которые не увенчались успехом (напр., цель не была достигнута, были проблемы с пониманием ситуации/материала, результат оказался

неудовлетворительным), были получены разнообразные ответы инструкторов: 53 % из ответивших на данный вопрос респондентов считают, что необходимо в первую очередь найти психологический подход, сосредоточиться на состоянии стажера, спокойно и уравновешенно, мотивировать его, не грубить, сделать переоценку собственной работы и искать более оптимальные пути доведения материала; другая часть респондентов видит решение проблемы в дополнительных часах стажировки, повторении материала. Один из респондентов рассматривает необходимость доклада руководству и переводе обучаемого на более простой по своим функциям объект, подходящий ресурсам стажера.

Из десяти ответов стажеров, полученных на вопрос о *реакции инструктора в конце учебных занятий, которые не увенчались успехом*, в одной трети случаев отметили сосредоточение инструктора на эмоциональном состоянии стажера, спокойной реакции, поддержке: *«Думаю, он расстраивался, также, как и я. Но никогда не ругал. А наоборот говорил, что всё получится. Главное — не опускать руки»*. Ответы остальных респондентов свидетельствуют о сосредоточении инструктора на текущей задаче, повторном объяснении и повторной работе над заданием, либо откладывании работы на другой день.

Необходимо отметить группу вопросов, заданных стажерам о программе обучения в целом. Среди *ожиданий от обучения* стажеры указали повышение уровня подготовки (знаний) и освоение самостоятельной работы, интересного рабочего процесса. При этом они отметили, что их ожидания оправдались в среднем на 8,5 баллов из 10 (85 %). При этом один из респондентов указал, что разочарован интенсивностью потока воздушных судов и ожидал большего числа при одновременном управлении. Так как данное сожаление относится к реальному воздушному движению на объекте, регулировать этот фактор невозможно. Другой респондент ожидал «более низкого уровня подготовки» (процесса обучения). *Особенно ценным в программе обучения* стажеры отметили: изучение технологии работы, взаимное уважение в отношениях, коллектив (рабочую среду), комфорт, новые знания, преодоление страха работы за каналом с помощью инструктора, возможность применения теоретических знаний на практике. В среднем, стажеры *довольны совместной работой с инструктором* на 97 %. *Уровень комфорта* при общении с инструктором оценили на 9,5 баллов по 10-балльной шкале.

Выводы

На основании ответов инструкторов и стажеров на вопросы Опросника можно сделать выводы, что в поведении большинства инструкторов было выявлено наличие компетенций, требуемых от инструктора руководящими авиационными документами: поощрение инструктором анализа стажером собственных действий, установление целей для занятия и четкое объяснение стажеру ожидаемых стандартов работы, отсутствие давления на стажера со стороны инструктора, объяснение инструкторами сложных ситуаций, а также объяснение стажеру дорожной ситуации до принятия на себя управления, создание возможности для того, чтобы стажер осуществил свои собственные планы в дорожной ситуации, выслушивание стажера до конца, не перебивая, объективное (честное) оценивание инструктором действий стажера, непредвзятость по отношению к нему.

Однако ряд ответов на вопросы, связанные с оказанием стажеру инструктором дополнительной психологической поддержки по обеспечению вхождения в профессиональную среду, по развитию взаимопонимания со стажером, применению приемов активного слушания и др., свидетельствует о пробелах в знаниях в этой области у части инструкторов и о необходимости повышать их уровень психологических знаний в этой сфере, чтобы это не приводило к негативному влиянию на эффективность процесса обучения. Также необходимо отметить, что некоторые инструкторы не владеют навыками определения психологического состояния стажера по невербальным признакам и навыками оказания стажеру дополнительной психологической поддержки. Недостаточность подобных навыков наблюдается у части инструкторов, например, по их реакции в конце учебных занятий, которые не увенчались успехом.

Таким образом, можно утверждать, что цель исследования была достигнута. На основании полученных результатов можно утверждать, что авторский Опросник компетенций инструкторов позволяет на основании ответов респондентов сделать выводы о наличии у инструкторов компетенций, соответствующих руководящему авиационному документу ICAO Doc 9868. Данный опросник может применяться при отборе специалистов на должность инструктора, а также на курсах повышения квалификации инструкторов-диспетчеров УВД. По результатам исследования может быть составлена программа тренинга на развитие необходимых компетенций у инструкторов. Применение данного тренинга

и оценка его эффективности становится целью последующих исследований, требует тщательной подготовки и работ по согласованию и внедрению его в программу повышения квалификации инструкторов-диспетчеров УВД.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Автор сообщает, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The author declares that the study complies with all ethical principles applicable to human and animal research.

Литература

- Бочаров, И. В., Имыгинов, Р. Б., Хазиев, Т. Т. (2020) Роль преподавательского и инструкторского состава в формировании и развитии профессионально важных качеств у курсантов авиационных вузов. *Мир педагогики и психологии*, № 5 (46), с. 106–118.
- Ольховский, Д. В. (2017) Теоретико-методологические основы и модель профессионально-педагогической подготовки инструкторов в системе дополнительного военного образования. *Современные проблемы науки и образования*, № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=26310> (дата обращения 28.02.2024).
- Doc 9868. *Procedures for Air Navigation Services — Training*. (2020) 3rd ed. Montréal: International Civil Aviation Organization Publ. [Online]. Available at: <https://www.icao.int/APAC/RASG/SafetyTools/19%20%20Procedures%20for%20Air%20Navigation%20Services%20Training-PANS-TRG%20Doc%209868.pdf> (accessed 28.02.2024).
- Estrova, S. T. (2023) The air traffic control training process: A review of research. *Journal of Awareness*, vol. 8, no. 4, pp. 475–485. <https://doi.org/10.26809/joa.2111>
- Lepage, J. (2016) Training for On-the-Job-Training-Instructors (OJTI). In: *55th Annual conference 14–18 March 2016. WP No. 311*. Las Vegas: PLC Publ. [Online]. Available at: <https://ifatca.wiki/kb/wp-2016-311/> (accessed 28.02.2024).
- Lepage, J. (2017) Relationship Between the ATC Trainee and the Instructor. In: *56th Annual conference 15–19 May 2017. WP No. 155*. Toronto: PLC Publ. [Online]. Available at: <https://ifatca.wiki/kb/wp-2017-155/> (accessed 28.02.2024).
- Lyu, T., Song, W., Du, K. (2019) Human factors analysis of air traffic safety based on HFACS-BN model. *Applied Sciences*, vol. 9, no. 23, article 5049. <https://doi.org/10.3390/app9235049>
- Shukurova, S., Shamsiev, Z. Z., Sterenharz, A. (2020) Analysis of training programs for the training of air traffic controllers for determining the field of digitization. *Technical Science and Innovation*, vol. 2020, no. 1, article 1. <https://doi.org/10.51346/tstu-01.20.1-77-0045>
- Sonhaji, I., Jatmoko, D., Wijaksono, A. (2021) Studi adopsi standar kompetensi internasional air traffic controller on the job training instructors kedalam kurikulum pelatihan air traffic controller on the job training instructors. *Langit Biru: Jurnal Ilmiah Aviasi*, vol. 14, no. 3, article 14-2. <https://doi.org/10.54147/langitbiru.v14i03.479>

References

- Bocharov, I. V., Imyginov, R. B., Khaziev, T. T. (2020) Rol' prepodavatel'skogo i instruktorskogo sostava v formirovanii i razvitiu professional'no vazhnykh kachestv u kursantov aviacionnykh vuzov [The role of teaching and instructional staff in the formation and development of professionally important qualities of cadets of aviation universities]. *Mir pedagogiki i psikhologii*, no. 5 (46), pp. 106–118. (In Russian)
- Doc 9868. *Procedures for Air Navigation Services — Training*. (2020) 3rd ed. Montréal: International Civil Aviation Organization Publ. [Online]. Available at: <https://www.icao.int/APAC/RASG/SafetyTools/19%20%20Procedures%20for%20Air%20Navigation%20Services%20Training-PANS-TRG%20Doc%209868.pdf> (accessed 28.02.2024). (In English)
- Estrova, S. T. (2023) The air traffic control training process: A review of research. *Journal of Awareness*, vol. 8, no. 4, pp. 475–485. <https://doi.org/10.26809/joa.2111> (In English)

- Lepage, J. (2016) Training for On-the-Job-Training-Instructors (OJTI). In: 55th Annual conference 14–18 March 2016. WP No. 311. Las Vegas: PLC Publ. [Online]. Available at: <https://ifatca.wiki/kb/wp-2016-311/> (accessed 28.02.2024). (In English)
- Lepage, J. (2017) Relationship Between the ATC Trainee and the Instructor. In: 56th Annual conference 15–19 May 2017. WP No. 155. Toronto: PLC Publ. [Online]. Available at: <https://ifatca.wiki/kb/wp-2017-155/> (accessed 28.02.2024). (In English)
- Lyu, T., Song, W., Du, K. (2019) Human factors analysis of air traffic safety based on HFACS-BN model. *Applied Sciences*, vol. 9, no. 23, article 5049. <https://doi.org/10.3390/app9235049> (In English)
- Olkhovskiy, D. V. (2017) Teoretiko-metodologicheskie osnovy i model' professional'no-pedagogicheskoy podgotovki instruktorov v sisteme dopolnitel'nogo voennogo obrazovaniya [Theoretical and methodological foundations and the model of professional-pedagogical training of trainers in the system of additional military education]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya — Modern Problems of Science and Education*, no. 2. [Online]. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=26310> (accessed 28.02.2024). (In Russian)
- Shukurova, S., Shamsiev, Z. Z., Sterenharz, A. (2020) Analysis of training programs for the training of air traffic controllers for determining the field of digitization. *Technical Science and Innovation*, vol. 2020, no. 1, article 1. <https://doi.org/10.51346/tstu-01.20.1-77-0045> (In English)
- Sonhaji, I., Jatmoko, D., Wijaksono, A. (2021) Studi adopsi standar kompetensi internasional air traffic controller on the job training instructors kedalam kurikulum pelatihan air traffic controller on the job training instructors. *Langit Biru: Jurnal Ilmiah Aviasi*, vol. 14, no. 3, article 14-2. <https://doi.org/10.54147/langitbiru.v14i03.479> (In Indonesian)

Сведения об авторе

Сабина Тофик кызы Эстрова, старший преподаватель кафедры «Аэронавигация», Национальная Академия Авиации Азербайджана
SPIN-код: 6869-2780, ORCID: 0000-0002-3428-4000, e-mail: sabinaestrova@gmail.com

Author

Sabina Tofik Estrova, Senior Lecturer, Airnavigation Department, National Aviation Academy Azerbaijan
SPIN: 6869-2780, ORCID: 0000-0002-3428-4000, e-mail: sabinaestrova@gmail.com

УДК 159.9.075

EDN MEGOTU

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-191-198>

Научная статья

Взаимосвязь психологической резильентности и компонентов парциальной готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию студентов педагогических специальностей

А. С. Ярошевич ¹

¹ Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины,
246028, Республика Беларусь, г. Гомель, ул. Советская, д. 104

Для цитирования: Ярошевич, А. С. (2024) Взаимосвязь психологической резильентности и компонентов парциальной готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию студентов педагогических специальностей. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 2, с. 191–198. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-191-198> EDN MEGOTU

Получена 18 декабря 2023; прошла рецензирование 14 января 2024; принята 4 февраля 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. С. Ярошевич (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация

Введение. Подготовка будущих педагогов включает в себя не только формирование учебных компетенций и навыков преподавания, но и развитие так называемых «soft skills», включающих в себя, помимо прочего, стрессоустойчивость и навыки быстрой адаптации и гибкости в сложных ситуациях. Это актуализирует изучение психологической резильентности, исследования которой пока недостаточно представлены в русскоязычном сегменте. В то же время ряд авторов указывает на то, что данный феномен является одной из детерминант готовности к профессиональной деятельности и будущему профессиональному саморазвитию, что особенно важно для педагогов, от которых в современных условиях требуется повышенная гибкость и адаптивность.

Материалы и методы. На базе Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины было проведено исследование взаимосвязи психологической резильентности и парциальной готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию у студентов педагогических специальностей. Участие в исследовании приняли студенты филологического факультета и факультета физической культуры (n = 90). Была использована русскоязычная версия краткой шкалы резильентности Brief Resilience Scale в адаптации В. И. Марковой (Маркова и др. 2022) и опросник «Диагностика уровня парциальной готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию» (Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М.) (Фетискин и др. 2002, 294–297).

Результаты исследования. В рамках проведенного исследования была выявлена слабая прямая связь между уровнем психологической резильентности и мотивационным и нравственно-волевым компонентами готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию, а также между уровнем психологической резильентности и способностью к самоуправлению в педагогической деятельности.

Заключение. Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности разработки коррекционно-развивающих программ, направленных на повышение уровня психологической резильентности, что будет способствовать также повышению способности к самоуправлению и развитию нравственно-волевых качеств будущих педагогов. Кроме того, полученные результаты расширяют теоретические знания о психологической резильентности и особенностях ее взаимосвязи с профессиональной готовностью будущих специалистов, что может быть использовано для дальнейшего углубления исследований.

Ключевые слова: резильентность, профессиональная готовность, студенты, педагогическая деятельность, готовность к саморазвитию

Research article

Correlation of psychological resilience and dimensions of partial readiness for professional self-development in education students

H. S. Yaroshevich ¹

¹ Francisk Skorina Gomel State University, 104 Sovetskaya Str., Gomel 246028, Republic of Belarus

For citation: Yaroshevich, H. S. (2024) Correlation of psychological resilience and dimensions of partial readiness for professional self-development in education students. *Psychology in Education*, vol. 6, no. 2, pp. 191–198. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-191-198> EDN MEGOTU

Received 18 December 2023; reviewed 14 January 2024; accepted 4 February 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © H. S. Yaroshevich (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract

Introduction. Future teachers need to acquire not only academic competencies and teaching skills, but also soft skills, such as stress resistance, rapid adaptation and flexibility in difficult situations. It has been argued that psychological resilience is a determinant of readiness for professional activity and future professional self-development, which is especially important for teachers, as teachers are required to have increased flexibility and adaptability in modern conditions. This makes psychological resilience an important research topic, which, however, is insufficiently addressed by Russian-language research.

Materials and Methods. The study focused on the relationship between psychological resilience and partial readiness for professional self-development in education students. The respondents were education students (n = 90) of the Faculty of Philology and the Faculty of Physical Culture of Francisk Skorina Gomel State University. The methods included the Russian-language version of the Brief Resilience Scale adapted by V. I. Markova (Markova et al. 2022) and the Partial Readiness for Professional and Pedagogical Self-Development Questionnaire by N. P. Fetiskin, V. V. Kozlov and G. M. Manuilov (Fetiskin et al. 2002).

Results. The study revealed a weak direct relationship between the level of psychological resilience and the moral and volitional dimension of the readiness for professional self-development in education students, as well as between the level of psychological resilience and the ability for self-government in teaching work.

Conclusions. The results can be used to create correctional and developmental programs aimed at increasing the level of psychological resilience — such programs will also improve the ability for self-government and contribute to the development of moral and volitional qualities of future teachers. The results expand theoretical knowledge about psychological resilience and its relationship with professional readiness, which can be used as a groundwork for further and deeper research.

Keywords: resilience, professional readiness, students, teaching work, readiness for self-development

Введение

Студенчество — один из самых ярких периодов в жизни. Однако именно период обучения в университете предъявляет одни из самых высоких требований к умению личности адаптироваться: большое количество дисциплин и педагогов, взаимодействие с сокурсниками из разных городов и даже стран, высокий уровень учебной нагрузки, а для многих — еще и подработки. И это не считая стрессогенных явлений, которые окружают любого современного человека: природных и техногенных катастроф, военных действий и террористических атак, постоянного потока негативной информации.

В связи с этим актуальность приобретает изучение способностей студентов противостоять стрессу, используя различные ресурсы, в частности, психологической резильентности. Это особенно актуально для студентов педагогических специальностей, которые в дальнейшем будут не только обучать своих воспитанников учебным предметам, но и подавать пример стойкости, навыков решения проблем и выхода из сложных ситуаций.

В исследовании О. А. Селивановой с соавторами указывается, что за термином «resilience» «в зарубежной литературе закреплено понимание способности человека к преодолению трудностей в неблагоприятных жизненных обстоятельствах,

способности поддерживать психологическое равновесие во время потенциально опасных ситуаций. В отечественных изысканиях нет однозначного понимания феномена резильентности: одни ученые отождествляют его с понятием «жизнеспособность» и рассматривают как врожденное качество личности, другие рассматривают в контексте адаптации / дезадаптации, и как компетенцию или умение, и как способность достойно встречать и преодолевать неблагоприятные обстоятельства и вызовы» (Селиванова и др. 2020).

Как подчеркивает Н. Аби-Хашем, резильентность — это навык, которому человек учится и постепенно накапливает, как запас энергии, чтобы он был легко доступен в случае сложного кризиса, длительной потребности или сильного бедствия (Аби-Хашем 2020). В статье Е. А. Бароненко с соавторами также акцентируется внимание на значимости для педагогов педагогической резильентности как универсального навыка, способности выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития, применять психолого-педагогические технологии в профессиональной деятельности (Бароненко и др. 2021). В других исследованиях отмечается, что на современном этапе от педагогов требуется повышенная гибкость, адаптивность и резильентность (Муравьева, Олейникова 2020). Подчеркивается неадекватность программ подготовки учителей, направленных «исключительно на развитие педагогических навыков учителей и обеспечение успеваемости учащихся, которые не готовят учителей к реальной работе, ее напряженности и проблемам, не обучают способам преодоления различных трудностей и сохранения сил». Это приводит к тому, что «профессиональный педагог, технически разбирающийся в своем предмете, не в состоянии эффективно справляться с эмоциональными стрессорами своей профессии, что зачастую приводит к эмоциональному истощению и выгоранию» (Барова 2022, 337–338).

Теоретический обзор современного состояния проблемы

В исследовании В. П. Коршняк выделяется несколько подходов к «интерпретации термина «готовность»:

- функциональный, представляющий готовность как временное свойство, предстартовую мобилизацию психических ресурсов для полноценного осуществления деятельности;
- личностный, определяющий готовность как проявление индивидуально-личност-

ных качеств в зависимости от характера будущей деятельности;

- личностно-деятельностный, рассматривающий готовность как целостное свойство личности, комплекс мотивов, установок, качеств, навыков индивидуума, позволяющий эффективно реализовать профессиональные функции» (Коршняк 2017, 101).

В такой интерпретации готовность можно в некоторой мере соотнести с резильентностью, как ее понимает Н. В. Быстрова с соавторами, выделяя уровни резильентной (устойчивой) личности:

- «функциональный, на котором индивид в силу своей природной биологической сущности выживает в неблагоприятных обстоятельствах, адаптируясь к окружающей его действительности;
- мотивационно-личностный, характеризующийся социальной детерминацией человеческих отношений, гармонией и взаимодействием человека и окружающей среды;
- операциональный, на котором у человека появляются жизненные планы, идеи, проекты, которые он пытается реализовать» (Быстрова и др. 2020, 50).

Педагогическая деятельность предполагает преодоление большого количества стрессовых ситуаций, связанных с коммуникацией с учащимися и их законными представителями, высоким уровнем ответственности, большим количеством документов и постоянным изменением нюансов законодательства в сфере образования. Согласно О. А. Березкиной, оценка уровня сформированности способности будущих специалистов противостоять стрессу возможна на основе следующих критериев и их показателей:

- «когнитивный: представления о резильентности в природе человека (по активности личности в восприятии и познании реальной действительности);
- содержательный: поиск решений для выхода из сложных жизненных ситуаций, оптимизм, уровень независимости, стремление к самоактуализации;
- характерологический: креативность, сила воли, коммуникативность, доминантность, дружелюбие, адекватная самооценка;
- мотивационно-ценностный: мотив достижения успеха в личной и профессиональной жизни, система ценностей, определяющая поведение личности в будущем» (Березкина 2006, 8–9).

В исследовании В. А. Фрицюк готовность будущего педагога к непрерывному профессиональному саморазвитию, определяется как «способность студента осуществлять целенаправленную рефлексивную деятельность, связанную с: проектированием и реализацией качественных изменений своей личности ...; преодолением барьеров; контролем текущих изменений и соотношением результатов с тенденциями развития педагогической культуры в целом» (Фрицюк 2016, 21).

В статье Е. Б. Быстрой с соавторами выделяется также отдельно категория педагогической резильентности — «знания, умения и личностные качества педагога, позволяющие противостоять кризисам, связанным с профессиональной деятельностью и выходить из них, критически осмысливая создавшуюся ситуацию и конструктивно проектируя пути ее преодоления» (Быстрая и др. 2021, 48).

При этом категория психологической резильентности является пока недостаточно изученной, что актуализирует проведение исследования.

Организация и методы исследования

Цель исследования: выявить и проанализировать взаимосвязь психологической резильентности и готовности студентов — будущих педагогов к профессионально-педагогическому саморазвитию.

Базой для проведения исследования выступил Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины. Испытуемыми стали студенты 1–3 курса специалитета филологического факультета и факультета физической культуры ($n = 90,74$ % опрошенных — девушки, средний возраст 18,5 лет). Для сбора эмпирических данных применялись следующие *методики*:

- русскоязычная версия краткой шкалы резильентности Brief Resilience Scale в адаптации В. И. Марковой (Маркова и др. 2022);
- опросник «Диагностика уровня парциальной готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию» (Фетискин и др. 2002).

Объект исследования: психологическая резильентность студентов специальностей педагогического профиля.

Предмет исследования: взаимосвязь психологической резильентности и парциальной готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию.

В рамках исследования была выдвинута *гипотеза* о наличии статистически значимой взаи-

мосвязи между уровнями психологической резильентности и парциальной готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию.

Результаты и их обсуждение

По результатам исследования, полученным в ходе применения краткой шкалы резильентности, было выявлено, что средний показатель психологической резильентности опрошенных составил $19,72 \pm 5,25$ балла, что незначительно отличается от данных, полученных В. И. Марковой в исследовании 2022 г. ($\bar{x} = 18,11$) (Маркова и др. 2022). При этом для 20 % респондентов характерен низкий уровень психологической резильентности. Это говорит о том, что они медленно восстанавливают душевные и физические силы, им тяжело поддерживать психологическое равновесие в потенциально опасных и сложных жизненных ситуациях, они плохо адаптируются к изменяющимся и непредвиденным обстоятельствам. 65 % опрошенных по результатам данной методики демонстрируют средний уровень психологической резильентности. И только у 15 % респондентов выявлен высокий уровень психологической резильентности, что говорит о том, что они способны к быстрому восстановлению душевных и физических сил, поддержанию психологического баланса в потенциально опасных и сложных жизненных ситуациях, позитивной адаптации к изменяющимся и непредвиденным обстоятельствам.

По результатам применения опросника «Диагностика уровня парциальной готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию» (Фетискин и др. 2002) низкий уровень мотивационного компонента к саморазвитию был выявлен только у 2 % опрошенных. У 19 % респондентов был выявлен средний уровень мотивационного компонента к саморазвитию. 79 % испытуемых характеризуются высоким уровнем мотивации к профессионально-педагогическому саморазвитию.

Низкий уровень когнитивного компонента готовности к саморазвитию был выявлен только у 1 % опрошенных. У 18 % респондентов был выявлен средний уровень когнитивного компонента готовности к саморазвитию. 81 % испытуемых характеризуются высоким уровнем когнитивного компонента готовности к саморазвитию, то есть имеют достаточно полное представление о том, какого рода знания и умения будут необходимы для осуществления будущей педагогической деятельности.

У 12 % респондентов был выявлен средний уровень нравственного компонента готовности к саморазвитию. 88 % испытуемых считают, что у них достаточно высоко развиты трудолюбие, самокритичность и целеустремленность. Низкий уровень нравственного компонента готовности к саморазвитию не был выявлен.

Низкий уровень гностического компонента готовности к саморазвитию был выявлен только у 1 % опрошенных. У 14 % респондентов был выявлен средний уровень гностического компонента готовности к саморазвитию. 85 % испытуемых высоко оценивают свои память, внимание, наблюдательность и гибкость мышления.

Низкий уровень организационного компонента готовности к саморазвитию был выявлен у 3 % опрошенных. У 26 % респондентов был выявлен средний уровень организационного компонента готовности к саморазвитию. 71 % испытуемых характеризуются высоким уровнем организационного компонента готовности к саморазвитию, то есть умеют планировать свое время, работать с документами и оргтехникой, ориентироваться в классификации источников информации.

Низкий уровень способности к самоуправлению как компонент готовности к саморазвитию был выявлен у 1 % опрошенных. У 9 % респондентов был выявлен средний уровень способности к самоуправлению. 90 % испытуемых оценивают свои способности к самоуправлению на высоком уровне.

Низкий уровень коммуникативного компонента готовности к саморазвитию был выявлен у 2 % опрошенных. У 10 % респондентов был выявлен средний уровень коммуникативного компонента готовности к саморазвитию. 88 % испытуемых высоко оценивают свои способности аккумулировать и использовать опыт самообразования, сотрудничать и оказывать взаимопомощь, отстаивать свою точку зрения и убеждать других в процессе дискуссий, избегать конфликтов в процессе совместной деятельности.

Таким образом, большая часть респондентов набрали высокие баллы по всем шкалам опросника.

Для проверки гипотезы о наличии взаимосвязи был использован непараметрический критерий ранговой корреляции Ч. Спирмена. Показатели меры корреляционной связи наглядно представлены в таблице.

Табл. Показатели меры корреляционной связи между психологической резильентностью и компонентами парциальной готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию

Компоненты профессионально-педагогического саморазвития	Показатель корреляции	Критические значения для n = 90	Тип взаимосвязи
Мотивационный	0,213*	$r_{s_{кр}} = 0,21$ для $p = 0,05$ $r_{s_{кр}} = 0,27$ для $p = 0,01$	Слабая прямая
Когнитивный	0,205		–
Нравственно-волевой	0,255*		Слабая прямая
Гностический	0,144		–
Организационный	0,169		–
Способность к самоуправлению	0,264*		Слабая прямая
Коммуникативный	0,164		–

Примечание: * — уровень значимости 0,05.

Table. Indicators of the measure of correlation between psychological resilience and dimensions of partial readiness for professional self-development in education students

Dimensions of professional self-development	Correlation indicator	Critical values for n = 90	Type of relationship
Motivational	0.213*	$r_{s_{cr}} = 0.21$ for $p = 0.05$ $r_{s_{cr}} = 0.27$ for $p = 0.01$	Weak direct relationship
Cognitive	0.205		–
Moral and volitional	0.255*		Weak direct relationship
Gnostic	0.144		–
Organizational	0.169		–
Ability to self-govern	0.264*		Weak direct relationship
Communicative	0.164		–

Note: * — significance level 0.05.

По результатам статистической проверки с использованием коэффициента ранговой корреляции Ч. Спирмена были выявлены следующие взаимосвязи:

- слабая прямая связь между уровнем психологической резильентности и мотивационным компонентом готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию. Это означает, что чем выше уровень психологической резильентности, тем лучше студенты осознают свой долг и ответственность, а также личную и общественную значимость непрерывного образования в педагогической деятельности, испытывают потребность в самообразовании и любознательность. И наоборот, чем ниже уровень резильентности, тем ниже эти показатели;
- слабая прямая связь между уровнем психологической резильентности и нравственно-волевым компонентом готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию. Это означает, что чем выше уровень психологической резильентности, тем выше уровень целеустремленности, трудолюбия, смелости и самостоятельности, и наоборот, чем ниже уровень резильентности, тем ниже эти показатели;
- слабая прямая связь между уровнем психологической резильентности и способностью к самоуправлению в педагогической деятельности. Это означает, что чем выше уровень психологической резильентности, тем лучше развиты навыки сотрудничества и оказания взаимопомощи, умения отстаивать свою точку зрения и убеждать других в процессе дискуссий, избегать конфликтов в процессе совместной деятельности; и наоборот, чем ниже уровень резильентности, тем хуже развиты эти умения.

Таким образом, можно говорить о том, что психологическая резильентность взаимосвязана с мотивационным и нравственно-волевым компонентами готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию, а также с уровнем способности к самоуправлению в педагогической деятельности. Так как психологическая резильентность предполагает способность к сохранению психологического равновесия в сложные периоды жизни, а также к позитивной адаптации и росту возможностей личности после кризисных ситуаций, можно предположить, что в рамках педагогической деятельности как сферы, в которой специалисты постоянно сталкиваются с новыми вызовами, именно психологическая резильентность помогает сохранять высокий уровень

мотивации и воли к саморазвитию и достижению новых профессиональных высот.

В связи с тем, что категория психологической резильентности пока недостаточно представлена в психолого-педагогических исследованиях, не представляется возможным соотнести полученные результаты с другими исследованиями. Данные, полученные в ходе исследования, могут быть использованы для дальнейшего изучения психологической резильентности.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности разработки коррекционно-развивающих программ, направленных на повышение уровня психологической резильентности, что будет способствовать также повышению способности к самоуправлению и развитию нравственно-волевых качеств будущих педагогов.

Выводы

Психологическая резильентность является важным условием для комфортного существования личности в современных стрессогенных условиях. Профессиональная деятельность педагога насыщена профессиональными стрессами, связанными с общением с обучающимися и их законными представителями, огромным количеством отчетных документов и постоянными изменениями законодательства в сфере образования. Следовательно, готовность к профессиональной педагогической деятельности предполагает наличие высокого уровня психологической резильентности. Готовность к профессионально-педагогическому саморазвитию также является залогом высокого уровня профессиональной готовности.

В рамках проведенного исследования была выявлена слабая прямая связь между уровнем психологической резильентности и нравственно-волевым и мотивационным компонентами готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию, а также между уровнем психологической резильентности и способностью к самоуправлению в педагогической деятельности. Это означает, что чем выше уровень психологической резильентности, тем лучше развиты навыки сотрудничества и оказания взаимопомощи, умения отстаивать свою точку зрения и убеждать других в процессе дискуссий, избегать конфликтов в процессе совместной деятельности; выше уровень ответственности, любознательности, стремления к самопознанию, целеустремленности, трудолюбия, смелости и самостоятельности, и наоборот, чем ниже уровень резильентности, тем ниже эти показатели.

Результаты исследования могут быть использованы в рамках оказания психолого-педагогической поддержки студентам с целью развития психологической резильентности, что будет способствовать повышению уровня готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию, а, следовательно, — повышению качества педагогических кадров для учреждений образования всех уровней.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Автор сообщает, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, пред-

усмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The author reports that the ethical principles provided for research involving humans and animals were observed during the study.

Благодарности

Автор выражает благодарность кандидату психологических наук, доценту кафедры социальной и педагогической психологии ГГУ им. Ф. Скорины Н. Г. Новак за помощь в методологическом обосновании исследования.

Acknowledgements

The author expresses gratitude to N. G. Novak, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Department of Social and Pedagogical Psychology, Francisk Skorina Gomel State University for assistance in the methodological substantiation of the study.

Литература

- Барова, А. Г. (2022) Проблема резильентности в образовательном процессе. *На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания*, № 3, с. 337–342. EDN: [FLCSJN](#)
- Бароненко, Е. А., Быстрой, Е. Б., Райсвик, Ю. А. и др. (2021) Формирование педагогической резильентности будущих учителей в современных условиях. *Перспективы науки и образования*, №3 (51), с. 140–154. <https://doi.org/10.32744/pse.2021.3.10>
- Березкина, О. А. (2006) *Актуализация и развитие жизнестойких качеств личности будущих специалистов. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата педагогических наук*. Комсомольск-на-Амуре, Комсомольский-на-Амуре государственный педагогический университет, 24 с.
- Быстрой, Е. Б., Бароненко, Е. А., Райсвих, Ю. А. (2021) Формирование интерактивной компетенции будущих педагогов как основа педагогической резильентности. *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*, № 1, с. 46–64. <https://doi.org/10.25588/CSPU.2021.161.1.003>
- Быстрова, Н. В., Мамонтова, Т. С., Панфилова, О. В. (2020) Механизмы и факторы развития резильентности подростков. В кн.: Н. В. Емельянов (ред.). *Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. Материалы II Международной научно-практической конференции 10 августа 2020 г. Саратов*. М.: КДУ; Добросвет, с. 47–57. EDN: [VGEQK](#)
- Коршняк, В. П. (2017) Формирование готовности студентов-переводчиков к профессиональной деятельности. *Гуманитарный вестник (Горловка)*, № 3-2, с. 99–106. EDN: [SKKHLL](#)
- Маркова, В. И., Александрова, Л. А., Золотарева, А. А. (2022) Русскоязычная версия краткой шкалы резильентности: психометрический анализ на примере выборок студентов, многодетных родителей и родителей детей с инвалидностью. *Национальный психологический журнал*, №1 (45), с. 65–75. EDN: [MKQKVV](#)
- Муравьева, А. А., Олейникова, О. Н. (2020) Компетенции преподавателей вузов: современные вызовы и смена парадигмы. *Педагогика и психология образования*, № 3, с. 100–115. EDN: [VIUNQH](#)
- Селиванова, О. А., Быстрова, Н. В., Дереча, И. И. и др. (2020) Изучение феномена резильентности: проблемы и перспективы. *Мир науки. Педагогика и психология*, т. 8, № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/04PSMN320.pdf> (дата обращения 25.11.2023).
- Фетискин, Н. П., Козлов, В. В., Мануйлов, Г. М. (2002) *Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп*. М.: Институт Психотерапии, 362 с.
- Фриццок, В. А. (2016) Сущность и структура готовности к профессиональному саморазвитию будущих педагогов. *East European Scientific Journal*, № 12-2, с. 20–24. EDN: [XQNTWV](#)

Abi-Hashem, N. (2020) Resiliency and culture: An interdisciplinary approach. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, т. 17, № 4, с. 586–603. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-586-603>

References

- Abi-Hashem, N. (2020) Resiliency and culture: An interdisciplinary approach. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika — RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, vol. 17, no. 4, pp. 586–603. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-586-603> (In English)
- Baronenko, E. A., Bystrai, E. B., Raisvikh, Yu. A. et al. (2021) Formirovanie pedagogicheskoy rezil'entnosti budushchikh uchitelej v sovremennykh usloviyakh [Formation of future teachers' pedagogical resilience in modern conditions]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya — Perspectives of Science and Education*, no. 3 (51), pp. 140–154. <https://doi.org/10.32744/pse.2021.3.10> (In Russian)
- Barova, A. G. (2022) Problema rezil'entnosti v obrazovatel'nom protsesse [The problem of resiliency in the educational process]. *Na peresechenii yazykov i kul'tur. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniya*, no. 3, pp. 337–342. EDN: [FLCSJN](https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-586-603) (In Russian)
- Berezkina, O. A. (2006) *Aktualizatsiya i razvitie zhiznestojkikh kachestv lichnosti budushchikh spetsialistov [Actualization and development of resilient personality traits of future specialists]. Extended abstract of PhD dissertation (Pedagogical)*. Komsomolsk-on-Amur, Komsomolsk-on-Amur State Pedagogical University, 24 p. (In Russian)
- Bystrai, E. B., Baronenko, E. A., Reisvich, Yu. A. (2021) Formirovanie interaktivnoy kompetentsii budushchikh pedagogov kak osnova pedagogicheskoy rezil'entnosti [Formation of future teacher interactive competence as a basis of pedagogical resilience]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta — The Herald of South-Ural state Humanities-Pedagogical University*, no. 1, pp. 46–64. <https://doi.org/10.25588/CSPU.2021.161.1.003> (In Russian)
- Bystrova, N. V., Mamontova, T. S., Panfilova, O. V. (2020) Mekhanizmy i faktory razvitiya rezil'entnosti podrostkov [Mechanisms and factors of development the teenagers' resilience]. In: N. V. Emel'yanov (ed.). *Novye impul'sy razvitiya: voprosy nauchnykh issledovaniy. Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii 10 avgusta 2020 g. Saratov [New impulses of development: issues of scientific research. Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference August 10, 2020 Saratov]*. Moscow: KDU Publ.; Dobrosvet Publ., pp. 47–57. EDN: [VGEQK](https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-586-603) (In Russian)
- Fetiskin, N. P., Kozlov, V. V., Manujlov, G. M. (2002) *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i mal'nykh grupp [Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups]*. Moscow: Institut Psikhoterapii Publ., 362 p. (In Russian)
- Fritsyuk, V. A. (2016) Sushchnost' i struktura gotovnosti k professional'nomu samorazvitiyu budushchikh pedagogov [Essence and structure readiness for professional selfdevelopment of future teachers]. *East European Scientific Journal*, no. 12-2, pp. 20–24. EDN: [XQNTWV](https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-586-603) (In Russian)
- Korshnyak, V. P. (2017) Formirovanie gotovnosti studentov-perevodchikov k professional'noj deyatel'nosti [Formation of students-translators' readiness for professional activity]. *Gumanitarnyy vestnik (Gorlovka)*, no. 3-2, pp. 99–106. EDN: [SKKHLL](https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-586-603) (In Russian)
- Markova, V. I., Aleksandrova, L. A., Zolotareva, A. A. (2022) Russkoyazychnaya versiya kratkoj shkaly rezil'entnosti: psikhometricheskij analiz na primere vyborok studentov, mnogodetnykh roditelej i roditelej detej s invalidnost'yu [The Russian version of the Brief Resilience Scale: The psychometric analysis on the example of samples of students, parents with many children and parents of disabled children]. *Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal — National Psychological Journal*, no. 1 (45), pp. 65–75. EDN: [MKQKVW](https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-586-603) (In Russian)
- Muravyova, A. A., Oleynikova, O. N. (2020) Kompetentsii prepodavatelej vuzov: sovremennye vyzovy i smena paradigmy [Competencies of university teachers: Contemporary challenges and change of paradigm]. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya — Pedagogy and Psychology of Education*, no. 3, pp. 100–115. EDN: [VIUNQH](https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-586-603) (In Russian)
- Selivanova, O. A., Bystrova, N. V., Derecha, I. I. et al. (2020) Izuchenie fenomena rezil'entnosti: problemy i perspektivy [Studying the phenomenon of resilience: problems and prospects]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya — World of Science. Pedagogy and Psychology*, vol. 8, no. 3. [Online]. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/04PSMN320.pdf> (accessed 25.11.2023). (In Russian)

Сведения об авторе

Анна Сергеевна Ярошевич, старший преподаватель кафедры социальной и педагогической психологии, Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины
SPIN-код: 2957-4955, ORCID: 0000-0001-8975-4762, e-mail: hannayaroshevich@gmail.com

Author

Hanna S. Yaroshevich, Senior Lecturer, Department of Social and Pedagogical Psychology, Francisk Skorina Gomel State University
SPIN: 2957-4955, ORCID: 0000-0001-8975-4762, e-mail: hannayaroshevich@gmail.com

УДК 316.62

EDN MYPQAB

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-199-209>

Research article

The role of source characteristics and style in the perception of public service announcement (PSA) messages: Experimental study of anti-vaping social advertising for student population

Yu. S. Benidovskaya¹, K. Yu. Eritsyana²✉

¹ HSE University Saint Petersburg, 16 Soyuzna Pechatnikov Str., Saint Petersburg 190121, Russia

² Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Benidovskaya, Yu. S., Eritsyana, K. Yu. (2024) The role of source characteristics and style in the perception of public service announcement (PSA) messages: Experimental study of anti-vaping social advertising for student population. *Psychology in Education*, vol. 6, no. 2, pp. 199–209. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-199-209> EDN MYPQAB

Received 16 March 2024; reviewed 1 April 2024; accepted 1 April 2024.

Funding: This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Copyright: © Yu. S. Benidovskaya, K. Yu. Eritsyana (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract

Introduction. Currently, smoking electronic cigarettes (vaping) is considered one of the most widespread and prominent health concerns among young people, with e-cigarette use among young adults surging annually. So, the development of effective public service advertisements (PSAs) is essential to both inform young adults about the actual consequences of vaping and prevent them from engaging in this behaviour. However, there is still a lack of research on how different aspects of anti-vaping PSAs can influence attitudes and intentions, especially regarding the interaction between these factors. To address this issue, this study examines the effectiveness of PSAs among young adults in Russia by focusing on the impact of various message sources (expert vs. peer) and styles (narrative vs. non-narrative) as well as their interactions based on the match-up hypothesis.

Materials and Methods. The study employed a 2x2 factorial between-subjects experimental design to compare the impact of different message sources and styles on behaviour and attitudes, utilising a four-group posttest randomised design and involving vaping bachelor university students (N = 112).

Results. Expert message sources were more effective in developing a positive attitude towards PSA than peer sources. Exposure to narratively styled messages was associated with a more negative attitude towards vaping compared to non-narrative ones. Nevertheless, no significant differences were observed in the effect of message sources or message styles on the vaping intention. No significant interaction effect between the message sources and styles was found in terms of their influence on the attitude towards PSA, attitude towards vaping and vaping intention.

Conclusion. The findings contribute to the development of more effective anti-vaping advertisements, with implications for public health campaigns. Limitations and directions for future research are discussed.

Keywords: public service announcement, vaping, persuasive communication, author, narrative, university students

Роль источника информации и стиля информационного сообщения в восприятии сообщений о здоровье: экспериментальное исследование антивейпинговой социальной рекламы среди студенческой молодежи

Ю. С. Бенидовская¹, К. Ю. Ерицян^{✉2}

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский филиал, 190121, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16

²Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования: Бенидовская, Ю. С., Ерицян, К. Ю. (2024) Роль источника информации и стиля информационного сообщения в восприятии сообщений о здоровье: экспериментальное исследование антивейпинговой социальной рекламы среди студенческой молодежи. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 2, с. 199–209. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-199-209> EDN MYPQAB

Получена 16 марта 2024; прошла рецензирование 1 апреля 2024; принята 1 апреля 2024.

Финансирование: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Права: © Ю. С. Бенидовская, К. Ю. Ерицян (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация

Введение. На сегодняшний день, курение электронных сигарет (вейпинг) можно считать одной из наиболее распространенных и важных проблем, связанных со здоровьем молодежи, учитывая резкий рост потребления электронных сигарет, наблюдаемый ежегодно. Поэтому разработка эффективной социальной рекламы крайне необходима для того, чтобы регулярно информировать аудиторию о реальных последствиях вейпинга и предотвращать это поведение. Тем не менее, не так много исследований изучили влияние разных аспектов социальной рекламы на отношение к вейпингу и намерение курить электронные сигареты, особенно рассматривая их совместное воздействие. В этом исследовании мы рассматриваем факторы восприятия антивейпинговых информационных сообщений, ориентированных на молодежную аудиторию. В частности, оценивается роль автора сообщений (эксперта или сверстника со схожим опытом) и стиля повествования (нарративного и ненарративного), а также их эффект взаимодействия.

Материалы и методы. В исследовании использовался факторный экспериментальный 2x2 анализ для сравнения влияния различных источников сообщений и стилей на установки и поведение участников, представленных курящими электронные сигареты студентами бакалавриата (N = 112).

Результаты. Исследование показало, что использование эксперта в качестве автора информационного сообщения было более эффективной стратегией в контексте отношения к социальной рекламе, так как такие сообщения воспринимались более позитивно. Прочтение сообщения, выполненного в нарративном стиле, было связано с выражением респондентами более негативного отношения к вейпингу по сравнению с ненарративной подачей информации. Однако ни манипуляция авторством, ни стилем информации не была связана с более выраженным намерением сократить использование вейпинга. Вопреки выдвинутой гипотезе, не наблюдается взаимодействия между типом автора и типом повествования, так как разные комбинации этих характеристик сообщения не имеют статистически значимого влияния на зависимые переменные.

Заключение. Полученные результаты могут быть использованы для разработки более эффективной антивейпинговой социальной рекламы. Обсуждаются ограничения и направления будущих исследований.

Ключевые слова: Социальная реклама, вейпинг, убеждающая коммуникация, автор, нарратив, студенческая молодежь

Introduction

In recent years, the popularity of electronic cigarettes (e-cigarettes), commonly known as vapes, has grown enormously worldwide, especially among young people and adolescents (Dai, Leventhal 2019).

Like in other countries, in Russia vaping market is rapidly growing. By the end of 2023, the share of vape users who are nicotine addicts increased almost threefold compared to 2019 (RBK 2023). Every third e-cigarette user in the country is a young person aged between 18 and 29, and compared

to other countries, Russian youth are more likely to use electronic devices to smoke (Tret' potrebitelej elektronnykh sigaret... 2017).

While vaping is often touted as a safer alternative to traditional tobacco smoking (Pisinger, Døssing 2014), many studies have proven that e-cigarette consumption causes numerous health problems in young adults, such as erectile dysfunction in young males (Raheem et al. 2022), development of the 'vaping product use-associated lung injury' (EVALI) (Love, Gierer 2022), severe lung damage and even death (Outbreak of lung injury associated... 2021). Often youth consider vapes not to be very harmful or worsen their well-being; however, there are a lot of facts showing how life-threatening smoking e-cigarettes is.

The clear issue of problematic consequences of vaping is almost ignored by health campaigns, especially in Russia. Therefore, it is vital to design scientifically grounded and persuasive media wellness campaigns aimed at reducing the prevalence of vape smoking, one of which could be public service announcements or public service advertisements (PSA), which have proven effective in promoting health behaviours (Grier, Bryant 2005).

In general, PSAs are informative messages created in order to change people's attitude towards an issue of social significance and their behaviour related to it. A modern PSA has a lot in common with traditional advertising and uses various media channels to persuade the target audience to adopt a healthy behaviour (Nan 2008). However, the effectiveness of PSAs in influencing behaviour and attitudes is a matter of scientific debate. Some studies suggest that PSAs have persuasive power in promoting health behaviours (e. g. blood donation, smoking cessation and drug avoidance) (Stephenson 2003), while other research indicates that while PSAs can change attitudes and increase awareness, their impact on behaviour may be limited (Hill 2004).

Enhancing the effectiveness of health messages poses a complicated yet crucial task. There are various message design choices which could vary in their persuasiveness depending on various features. One of them is the choice of message sources demonstrating a message's 'speaker', where the source expertise and source similarity are highlighted as the ones of their most important dimensions in terms of high credibility rates and persuasiveness (Perloff 2007). Building on previous research, this study aims to examine PSAs presented by an expert source and a peer source. The expert source refers to a reliable information source with necessary skills and knowledge (Ahn et al. 2019), while source similarity (peer) refers to a 'layperson' with

common characteristics that allow the receiver to relate to them. However, despite numerous studies, there is no definitive conclusion on the comparison of these sources' effects on beliefs and behavioural intentions. Some studies provide evidence that compared to a similarity source, sources with high expertise may entail more positive attitudes to a message (Reinhard, Sporer 2010) and higher health-related behavioural intentions (Jones et al. 2003). Additionally, they prove that people usually proceed with recommendations of experts as they find them having higher proficiency and skills in a certain subject, especially in the sphere of well-being (Gilly et al. 1998), while expertise in the form of scientific status and formal characteristics can be a marker of competence (Ivanov 2021). In turn, other studies showed the primacy of similarity sources in that sphere: they found that receivers consider peers and other laypersons more credible and trustworthy, and therefore these sources, more than others, encourage receivers to behave in accordance with the observed health message and share that information (Hu, Shyam Sundar 2010), which is explained by their shared features with the target audience. This is also described as 'source homophily'. To add, peer sources were found to be more influential among college students than authority sources (Ahn et al. 2019).

Moreover, much consideration in terms of health-message effectiveness has been given to the style of messages, and in particular to the narrative and non-narrative styles, characterising the 'language' of presenting information (Zebregs et al. 2015). Message style, also called the evidence format, has been the focus of numerous studies, which have made a comparison of narrative and non-narrative styles. Narrative style was defined as a form of storytelling, which includes personal experience and recommendations from a first- or third-person perspective (Hinyard, Kreuter 2007), whereas non-narrative messages present information in factual format, providing evidence and explanation. In other terms, narratively styled messages are those that tell a story, offering some plot with details and characters, whereas non-narratively styled ones are more informational and data-driven. As previous research has proven the style of a message to be an effective education and persuasion tool in advertising campaigns, these message characteristics have been adopted for the current study. Nevertheless, it is debatable which of the styles is considered to be the most effective. Accordingly, there is evidence that narratively structured messages influence cognitive and emotional aspects, leading to better memorisation of the observed information (Schank, Berman 2003), enhanced mental visualisation

of events and powerful positive emotional reactions to characters and stories (Nabi, Green 2015). It is argued that narratives are less likely to be resisted in persuasion (Igartua, Vega Casanova 2016) due to their inclusion of actual experiences that are cognitively challenging to dispute. Yet, other findings state that non-narratives have great persuasive power (Allen, Preiss 1997), higher effectiveness in affecting knowledge and perceptions, as well as the rise of intentions, and are more persuasive in terms of attitude change (Zebregs et al. 2015) compared to narratives.

Addressing the mixed results of the previous studies on message sources and styles, the relative successful impact of their dimensions on the target audience and lack of findings related to vaping, we will assess the effectiveness of messenger sources and message styles in the PSA as significant persuasive components within the context of a prominent health concern — vaping among university students:

Research Question 1: Which source characteristic — expertise or similarity — will (a) cause more favourable evaluation of the anti-vaping PSA; (b) be more persuasive in changing attitudes toward vaping; (c) be more effective in changing vaping intentions?

Research Question 2: Which message style — narrative or non-narrative — will (a) cause more favourable evaluation of the anti-vaping PSA; (b) be more persuasive in changing attitudes toward vaping; (c) be more effective in changing vaping intentions?

Furthermore, despite the numerous studies investigating message sources and message styles, there is a severe shortage of research examining the interaction between the types of sources and types of styles in terms of persuasiveness of a PSA. It is evident that the influence of information is stronger when the target audience perceives a match between the messenger and message content, which is explained by the match-up hypothesis (Kamins 1990). Applying this framework, the anti-vaping PSA is expected to be the most effective when there is a successful match between the message source and style. Though the existing research cannot help us to hypothesise the interaction effect of the message features, we have directed hypotheses regarding this. As it was indicated (Bekalu et al. 2018), the perceived importance of a message is higher when individuals associate themselves with the storyteller in narratively styled messages due to perceived similarity and ‘wishful identification’; it is suggested that narratives will have a better fit and persuasive effect with a peer message source, while a message source showing expertise may be more effective when combined with a non-narrative style:

Hypothesis 1: PSA featuring a peer messenger in narrative style will be more effective than a PSA featuring a peer messenger in non-narrative style.

Hypothesis 2: PSA featuring an expert messenger in non-narrative style will be more effective than a PSA featuring an expert messenger in narrative style.

Methodology

Study design

A 2x2 factorial between-subjects experimental design was used to compare the impact of different message sources (peer vs. expert) and styles (narrative vs. non-narrative) on behaviour and attitudes. The online experiment followed a four-group posttest randomised design to assess changes in the dependent variable within the groups (the procedure of posttest manipulation check is provided in the Appendices section). The dependent variables were the attitude toward the anti-vaping PSA, attitude toward vaping and vaping intention.

Four anti-vaping PSA transcripts were created for the study with different combinations of message sources and styles. Text advertising was chosen over video or voice to prevent bias, and gender-neutral names were used for the message sources to avoid any influence based on the spokesperson’s sex, personal characteristics or age.

Previous studies (Han, Fink 2012) have highlighted confounding features in messages that could affect information perception, such as message length and the number of facts or evidence captured. To address this, the stimuli were carefully designed to have identical message length and include the same arguments across all four PSAs, addressing ten short- and long-term consequences of vaping (Fig. 1).

Sample

The study involved bachelor university students aged 18–24 from Saint Petersburg and Moscow recruited via academic programme chats. The inclusion criteria were the self-reported experience of vaping during the last 6 months. Initially the minimum sample size was set to 108 participants for obtaining a medium effect size ($f^2 = 0.15$), providing 96 % power to detect difference at the 0.05 significance level, adjusted for degrees of freedom to include three covariates. Participants who completed the survey in under 2 minutes were excluded prior to the analysis, and the sample conditions were met. The final sample ($N = 112$) was predominantly female (76.8 %) with an average age of 20 years.

Fig. 1. Study stimuli

Procedure

After providing an online informed consent, the study participants completed a short questionnaire about themselves (sex, age, socio-economic background, vaping experience). After that they were randomly assigned to read one of the four anti-vaping PSA materials with manipulated variables and then answered several questions about them. Those questions measured the attitude toward the anti-vaping PSA, changes in attitudes toward vaping and vaping intentions after being exposed to the PSA and perceived PSA quality (wording of all the items and their scoring are presented

in the Appendices section). The study has been preregistered at AsPredicted (#134037).

Data analysis

Data was analyzed in R using Generalised Linear Models (GLMs) to address research questions and hypotheses. Assumptions for Linear Regression were tested and met before conducting the analysis. The relationships between three dependent variables (attitude toward the anti-vaping PSA, attitude toward vaping and vaping intention) and four independent manipulated features (peer source, expert source, narrative style, non-narrative style) were estimated with p-values using a 0.05 threshold and adjusted

R2 values for model evaluation. T-tests assessed the statistical significance of differences in the dependent variables across different dimensions.

Each linear model included several features as covariates: vaping frequency, perceived PSA quality and age. Perceived PSA quality was included to avoid the confounding effects of public service advertisements, while vaping frequency aimed to account for its potential influence on attitudes and decision-making regarding vaping intentions. Lastly, age was included to address potential differences in ratings for dependent variables between younger and older individuals. All variables, except age, were measured by multiple Likert scale questions, which were averaged after demonstrating acceptable reliability through Cronbach's alpha.

Results

To answer the first research question, it was found that there is a statistically significant effect of the message source only for the attitude towards PSA (Table 1). Compared with the peer (student) one, the expert source (medical doctor) proved to lead to a more positive attitude towards PSA, adjusting for the level of vaping frequency, perceived

PSA quality and age. However, there were no significant differences between two message sources in users' attitudes toward vaping and vaping intention after reading the PSA.

Investigation of the second research question revealed that there is a significant difference between the means of attitudes towards vaping across two types of message styles, and the presentation of narratively styled messages was associated with more negative attitudes towards vaping than non-narratives, controlling for the level of readers' vaping frequency, perceived PSA quality and age (Table 1). Nevertheless, no significant differences in message styles were observed for the attitude towards PSA and for the vaping intention, and thus, none will be reported.

In terms of the research hypotheses, no significant relationship of interaction between the response features and dependent variables was found as all the interaction effect's p-values appeared to be out of the stated threshold (Table 1), which does not allow rejecting the null hypothesis, meaning that obtained estimates in the model took place purely by chance. Hence, we could not proceed with the analysis of the hypotheses further and will conclude that they are not possible to be verified with our study data.

Table 1. Linear regression coefficients

Variables	Dependent variables		
	Attitude towards PSA	Attitude towards vaping	Vaping intention
<i>Independent variables</i>			
Message source (peer)	-0.440** (0.196)	0.143 (0.120)	0.019 (0.293)
Message style (non-narrative)	-0.156 (0.188)	0.266** (0.115)	-0.145 (0.280)
<i>Covariates</i>			
Vape addiction	-0.022 (0.083)	0.047 (0.051)	0.763*** (0.124)
Perceived PSA quality	0.786*** (0.080)	-0.093* (0.049)	-0.405*** (0.119)
Age	0.209** (0.097)	-0.087 (0.059)	0.075 (0.144)
<i>Interaction</i>			
Message source (peer) * Message style (non-narrative)	0.308 (0.096)	-0.096 (0.229)	-0.613 (0.558)
Observations	112	112	112
R ²	0.491	0.096	0.307
Adjusted R ²	0.467	0.053	0.274
Residual Std. Error (df = 106)	0.980	0.599	1.463
F Statistic (df = 5; 106)	20.453***	2.244*	9.388***

Note: *p < 0.05, **p < 0.01, ***p < 0.001.

We have also gathered secondary findings, including the results for the associations between covariates such as the level of vaping frequency, perceived PSA quality and age on attitudes and intentions (Table 1). Firstly, self-reported PSA quality is associated with a more positive attitude towards PSA and a more negative attitude towards vaping and vaping intention. Secondly, vaping frequency was found to be positively associated with vaping intention, showing that the more often a person uses vapes, the more vaping intention he/she has. And, lastly, age appeared to be positively related to the attitude towards PSA: older students perceive PSA better than younger ones.

Discussion

Both advertising and public health fields have explored the impact of message sources and styles on audiences, yet there remains a scarcity of studies on their comparative effectiveness for PSAs and the persuasive power of their interaction, particularly in the context of vaping. Therefore, our research aimed to contribute to existing findings by analyzing the direct and united effectiveness of message style (narrative and non-narrative) and sources (peer and expert) on the attitudes and intentions of university students exposed to anti-vaping PSAs.

The study found that a better attitude towards PSA is much more likely if the message contains an expert source rather than the peer one. These findings correspond with the previous findings demonstrating that sources presented with sources' expertise may entail more positive attitudes to a message than the ones represented by a layperson (Reinhard, Sporer 2010). Explaining the result, we can rely on a different study, showing that people usually find experts as having higher proficiency and skills in a certain subject, especially in the sphere of well-being, rather than peers (Gilly et al. 1998). Therefore, Research Question 1 can be answered only in terms of the attitude towards PSA (a), providing strong support to the idea that expert message sources cause more favourable evaluation of the anti-vaping PSA among university students than the peer ones, suggesting that expertise can make a PSA more trustworthy and valuable.

It was also observed that the presentation of narratively styled messages was associated with more negative attitudes towards vaping than non-narratives. This result is consistent with previous research stating that as narratively structured messages influence cognitive and emotional aspects of the audience (Schank, Berman 2003), they are more persuasive in changing attitudes about some health-related issue than non-narratives (Zebregs et al. 2015). Nevertheless, no significant differences

in message styles were found for the attitude towards PSA and for the vaping intention, thus making conclusions possible only for Research Question 2(b). Therefore, it can be inferred that narrative styles of a message for PSA induce more change in the attitudes towards vaping, making perception of vaping more negative, which could be due to the more relevant experience and values of this type of source to university students.

With respect to the fit between message sources and message styles observed under the framework of the match-up hypothesis, it was found that any of the identified matches (peer messenger & narrative style; expert messenger & non-narrative style) have no significant difference in their effectiveness in terms of attitude towards PSA, attitude towards vaping and vaping intention. As no previous scientific studies have already examined these relationships, they are required to be tested further in the context of anti-vaping messages and other health-related issues.

Though providing valuable insights into anti-vaping PSAs, our study is not free from limitations. The results may not be generalisable beyond the specific student population in Russia or for all Russian students due to the convenience sampling method and the limited representation of students from different universities and regions. Additionally, reliance on self-reported measures may introduce social desirability bias. Future research should consider diverse populations, employ different sampling strategies and study designs, as well as utilising longitudinal designs to capture the duration of the PSA effect and presence or absence of more prolonged outcomes. Furthermore, cultural differences and exposure to other vaping-related information should be accounted for in future studies to enhance the effectiveness of public service ads promoting health messages.

Conclusions

Within our study, we have developed an experimental procedure to answer the stated research questions and hypotheses. Let us observe them closer:

1. Which source characteristic — expertise or similarity — will (a) cause more favourable evaluation of the anti-vaping PSA; (b) be more persuasive in changing attitudes toward vaping; (c) be more effective in changing vaping intentions?

The evidence for this research question states that expert sources in the PSAs led to a more favourable PSA evaluation and higher trustworthiness towards it among university students compared to peer sources. However, the source characteristics only affected the attitude towards the PSA, not attitudes towards vaping or vaping intentions.

2. Which message style — narrative or non-narrative — will (a) cause more favourable evaluation of the anti-vaping PSA; (b) be more persuasive in changing attitudes toward vaping; (c) be more effective in changing vaping intentions?

While investigating the second research question, we proved that narrative message styles in PSAs are more persuasive in changing attitudes towards vaping, resulting in more negative attitudes than non-narratives, potentially due to their influence on cognitive and emotional aspects. However, the style characteristics did not

affect the attitude towards the PSA or vaping intentions.

3. Hypothesis 1: PSA featuring a peer messenger in narrative style will be more effective than a PSA featuring a peer messenger in non-narrative style. Hypothesis 2: PSA featuring an expert messenger in non-narrative style will be more effective than a PSA featuring an expert messenger in narrative style.

No significant differences were found in the effectiveness of matched message sources and styles in terms of attitudes towards PSA, vaping and vaping intentions. Further research is needed in this area.

Appendices

1. Posttest manipulation check

To analyse the consistency between the features of the proposed PSA messages in the survey and the perceived message source and message style, after answering variables-related questions, participants were asked to directly evaluate it. The questions were: ‘Who was the author of the social advertisement you read?’ (response options: ‘student’/ ‘professor’/ ‘medical doctor’/ ‘salesperson’) and ‘What did the author of the social advertisement you read talk about?’ (response options: ‘About personal experience and the experience of friends or patients’/ ‘About the results of scientific research’). This way, we could see how attentive and conscientious participants were when reading the materials of the survey.

Among the students presented with the peer message source, 58 respondents (96.6 %) identified it correctly. Only 2 respondents answered that the storyteller was a professor, and 0 of them answered ‘medical doctor’. In turn, among the respondents presented with the expert source of message, 27 people answered that the narrator was a doctor and 24 identified a professor. As both of these source categories are suitable for expertise definition, we will consider that 51 respondents (98 %) correctly identified the expert message source. And only 1 person here answered ‘student’.

Among the people who saw PSA with narrative style, 42 (76.4 %) correctly answered that they observed a message about personal experience and experience of friends or patients. Another part of the respondents (13 people, 23.6 %) gave answers identifying non-narrative style. Besides, among the participants exposed to the PSA with non-narrative style, 53 respondents (93 %) answered that the person in that PSA was telling them about the results of scientific studies, thus giving the correct answer. And only 4 of them (7 %) identified the message style incorrectly.

Therefore, as both the message sources and message styles were correctly reported in most of the cases (more than in $\frac{3}{4}$), we will consider the posttest manipulation check successful.

2. Wording of all the items and their scoring

Variables	Questions for measurement
1. Attitude toward the anti-vaping PSA (dependent).	<p>Measured using the four questions that were similar to the ones used in studies analysing PSAs (Ahn et al. 2019), but adjusted to match the context of our research. They represented 7-point Likert scales with -3 meaning ‘not at all’ and 3 meaning ‘extreme amount’:</p> <p>1) Evaluate the emotions that the message of the social advertisement you read evoked in you (Very negative/ Very positive) [Оцените, какие эмоции у вас вызвало сообщение прочитанной Вами социальной рекламы (Очень негативные/ Очень положительные)].</p> <p>2) Rate how interesting the message of the social advertisement that you read was (Not at all interesting/ Very interesting)? [Оцените, насколько интересным было сообщение прочитанной Вами социальной рекламы (Совсем не интересным/ Очень интересным)].</p> <p>3) Rate how valuable the message of the social advertisement that you read was (Not at all valuable/ Very valuable)? [Оцените, насколько полезным было сообщение прочитанной Вами социальной рекламы (Совсем не полезным/ Очень полезным)].</p> <p>4) Rate how understandable the message of the social advertisement that you read was (Completely not understandable/ Very understandable)? [Оцените, насколько понятным было сообщение прочитанной Вами социальной рекламы (Совсем не понятным/ Очень понятным)].</p> <p>5) Rate how much you were influenced by the message of the social advertisement that you read (Not at all influenced/ Very influenced)? [Оцените, как сильно на Вас повлияло сообщение прочитанной Вами социальной рекламы (Совсем не повлияла/ Очень повлияла)].</p>

Variables	Questions for measurement
2. Attitude toward vaping (dependent).	Measured via 4 questions with 7-item Likert scales: 1) After reading the anti-vaping PSA, I think that vaping is (Very harmful/ Not harmful at all) [Прочитав социальную рекламу против вейпинга, я думаю, что вейпить — это (Очень вредно/ Совсем не вредно)]. 2) After reading the anti-vaping PSA, I think that vaping is (Very unpleasant/ Very pleasant) [Прочитав социальную рекламу против вейпинга, я думаю, что вейпить — это (Совсем неприятно/ Очень приятно)]. 3) After reading the anti-vaping PSA, I think that vaping is (Very bad/ Very good) [Прочитав социальную рекламу против вейпинга, я думаю, что вейпить — это (Очень плохо/ Очень хорошо)]. 4) After reading the anti-vaping PSA, I think that vaping is (Absolutely not prestigious/ Very prestigious) [Прочитав социальную рекламу против вейпинга, я думаю, что вейпить — это (Совершенно не престижно/ Очень престижно)].
3. Vaping intention (dependent).	Estimated with the following four questions, assessed by 7-point Likert scale (–3 = ‘not at all’, 3 = ‘extreme amount’): 1) After reading the anti-vaping PSA, I think that I intend to vape in the forthcoming month [После прочтения текста социальной рекламы против вейпинга, я думаю, что буду курить вейп в ближайшем месяце]. 2) After reading the anti-vaping PSA, I will try not to vape in the forthcoming month [После прочтения текста социальной рекламы против вейпинга, я постараюсь не вейпить в ближайшем месяце]. 3) After reading the anti-vaping PSA, I plan to vape in the forthcoming month [После прочтения текста социальной рекламы против вейпинга, я планирую вейпить в ближайшем месяце]. 4) After reading the anti-vaping PSA, I plan to vape less frequently than before in the coming month [После прочтения текста социальной рекламы против вейпинга, я планирую курить электронные сигареты в ближайшем месяце реже, чем раньше].
4. Vaping frequency (covariate).	Measured by the two questions: 1) Rate how often you have smoked electronic cigarettes (vapes) over the past six months (1–3 times in six months, 4–6 times in six months, 2–4 times a month, 2–3 times a week, 4 or more times a week) [Оцените, как часто вы курили электронные сигареты (вейпы) за последние полгода: (Не курил(а); 1-3 раза за полгода; Каждый месяц или реже (4–6 раз за полгода); 2–4 раза в месяц; 2–3 раза в неделю 4 или более раз в неделю)]. 2) Please rate your dependence on smoking electronic cigarettes (vapes) on a scale from 1 to 5 (Very low/ Very high) [Оцените свою зависимость от курения электронных сигарет (вейпов) по шкале от 1 до 5 (Очень низкая/ Очень высокая)].
5. Perceived PSA quality (covariate).	Measured by a question with a 7-point scale ranging from ‘very bad’ (–2) to ‘very good’ (2): 1) After reading the anti-vaping PSA, how would you rate its quality? [Прочитав эту социальную рекламу против вейпинга, как Вы оценили бы ее качество?].
6. Age (covariate).	Self-reported measure: 1) How old are you? [Сколько вам полных лет?].

All of the variables included multiple questions represented as scales, which were later averaged to construct each dependent variable during the coding procedure, as Cronbach’s alpha for each set was in the range between 0.7 and 0.88, which is considered acceptable to prove reliability of the data.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Авторы сообщают, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей или животных.

Ethics Approval

The authors declare that the study complies with all ethical principles applicable to human and animal research.

Вклад авторов

Юлия Бенидовская: Концептуализация, Методология, Формальный анализ, Проведение исследования, Администрирование данных, Создание черновика рукописи, Создание рукописи и ее редактирование, Администрирование проекта.

Ксения Ерицян: Концептуализация, Методология, Ресурсы, Руководство исследованием, Администрирование проекта.

Author Contributions

Yulia Benidovskaya: conceptualisation, methodology, formal analysis, investigation, data curation,

writing — original draft, writing — review & editing, project administration.

Ksenia Eritsyayn: conceptualisation, methodology, resources, supervision, project administration.

Заявление о доступности данных

Данные доступны по запросу, адресованному первому автору.

Data Availability Statement

The data are available upon request submitted to the first author.

References

- Ahn, H.-Y., Paek, H.-J., Tinkham, S. (2019) The role of source characteristics and message appeals in public service advertising (PSA) messages: An application of fishbein's expectancy-value model and the match-up hypothesis for anti-binge-drinking campaigns targeting college students. *Journal of Current Issues & Research in Advertising*, vol. 40, no. 2, pp. 147–170. <https://doi.org/10.1080/10641734.2018.1503112> (In English)
- Allen, M., Preiss, R. W. (1997) Comparing the persuasiveness of narrative and statistical evidence using meta-analysis. *Communication Research Reports*, vol. 14, no. 2, pp. 125–131. <https://doi.org/10.1080/08824099709388654> (In English)
- Bekalu, M. A., Bigman, C. A., McCloud, R. F. et al. (2018) The relative persuasiveness of narrative versus non-narrative health messages in public health emergency communication: Evidence from a field experiment. *Preventive Medicine*, vol. 111, pp. 284–290. <https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2017.11.014> (In English)
- Outbreak of lung injury associated with the use of e-cigarette, or vaping, products (2021) *Centers for Disease Control and Prevention (CDC)*. [Online]. Available at: https://www.cdc.gov/tobacco/basic_information/e-cigarettes/severe-lung-disease.html (accessed 13.03.2023). (In English)
- Dai, H., Leventhal, A. M. (2019) Prevalence of e-cigarette use among adults in the United States, 2014–2018. *Jama*, vol. 322, no. 18, pp. 1824–1827. <https://doi.org/10.1001/jama.2019.15331> (In English)
- Gilly, M. C., Graham, J. L., Wolfenbarger, M. F., Yale, L. J. (1998) A dyadic study of interpersonal information search. *Journal of the Academy of Marketing Science*, vol. 26, no. 2, pp. 83–100. <https://doi.org/10.1177/0092070398262001> (In English)
- Grier, S., Bryant, C. A. (2005) Social marketing in public health. *Annual Review of Public Health*, vol. 26, pp. 319–339. <https://doi.org/10.1146/annurev.publhealth.26.021304.144610> (In English)
- Han, B., Fink, E. L. (2012) How do statistical and narrative evidence affect persuasion?: The role of evidentiary features. *Argumentation and Advocacy*, vol. 49, no. 1, pp. 39–58. <https://doi.org/10.1080/00028533.2012.11821779> (In English)
- Hill, L. (2004) Alcohol health promotion via mass media: The evidence on (in) effectiveness. In: *Eurocare "Bridging the Gap" Conference 16–19 June 2004*. Warsaw: New Zealand Drug Foundation Publ.; Global Alcohol Policy Alliance Publ. [Online]. Available at: <https://studyres.com/doc/16361235/alcohol-health-promotion-via-mass-media> (accessed 15.03.2024). (In English)
- Hinyard, L. J., Kreuter, M. W. (2007) Using narrative communication as a tool for health behavior change: A conceptual, theoretical, and empirical overview. *Health Education & Behavior*, vol. 34, no. 5, pp. 777–792. <https://doi.org/10.1177/1090198106291963> (In English)
- Hu, Y., Shyam Sundar, S. (2010) Effects of online health sources on credibility and behavioral intentions. *Communication Research*, vol. 37, no. 1, pp. 105–132. <https://doi.org/10.1177/0093650209351512> (In English)
- Igartua, J. J., Vega Casanova, J. (2016) Identification with characters, elaboration, and counterarguing in entertainment-education interventions through audiovisual fiction. *Journal of Health Communication*, vol. 21, no. 3, pp. 293–300. <https://doi.org/10.1080/10810730.2015.1064494> (In English)
- Ivanov, A. S. (2021) Nauchnyj status i prakticheskij opyt prepodavatela kak faktory sotsial'no-psikhologicheskoy interpretatsii ego lichnosti studentami-psikhologami [Academic status and practical experience of university teachers as factors of socio-psychological interpretation of their personality by students]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii— Psychology in Education*, vol. 3, no. 1, pp. 41–51. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-1-41-51> (In Russian)

- Jones, L. W., Sinclair, R. C., Courneya, K. S. (2003) The effects of source credibility and message framing on exercise intentions, behaviors, and attitudes: An integration of the elaboration likelihood model and prospect theory 1. *Journal of Applied Social Psychology*, vol. 33, no. 1, pp. 179–196. <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.2003.tb02078.x> (In English)
- Kamins, M. A. (1990) An investigation into the “match-up” hypothesis in celebrity advertising: When beauty may be only skin deep. *Journal of Advertising*, vol. 19, no. 1, pp. 4–13. <https://doi.org/10.1080/00913367.1990.10673175> (In English)
- Kuril'shchikov vejnov v Rossii stalo v tri raza bol'she [There are three times more vaping smokers in Russia]. (2023) *RBK*. [Online]. Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6513cfa69a794715e1bd11cd?from=copy> (accessed 05.03.2024). (In Russian)
- Love, M., Gierer, S. (2022) Electronic cigarettes and vaping in allergic and asthmatic disease. *Immunology and Allergy Clinics of North America*, vol. 42, no. 4, pp. 787–800. <https://doi.org/10.1016/j.iac.2022.06.002> (In English)
- Nabi, R. L., Green, M. C. (2015) The role of a narrative's emotional flow in promoting persuasive outcomes. *Media Psychology*, vol. 18, no. 2, pp. 137–162. <https://doi.org/10.1080/15213269.2014.912585> (In English)
- Nan, X. (2008) The influence of liking for a public service announcement on issue attitude. *Communication Research*, vol. 35, no. 4, pp. 503–528. <https://doi.org/10.1177/0093650208316053> (In English)
- Perloff, R. M. (2007) *The dynamics of persuasion. Communication and attitudes in the 21st century*. 2nd ed. New York: Routledge Publ., 424 p. <https://doi.org/10.4324/9781410606884> (In English)
- Pisinger, C., Døssing, M. (2014) A systematic review of health effects of electronic cigarettes. *Preventive Medicine*, vol. 69, pp. 248–260. <https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2014.10.009> (In English)
- Raheem, O., Shah, T., Morenas, R., El-Shahawy, O. (2022) Association of poly-tobacco use with erectile dysfunction: Findings from the Population Assessment of Tobacco and Health (PATH) study. *The Journal of Sexual Medicine*, vol. 19, no. 1 (suppl.), p. S74. <https://doi.org/10.1016/j.jsxm.2022.01.405> (In English)
- Reinhard, M., Sporer, S. L. (2010) Content versus source cue information as a basis for credibility judgments. *Social Psychology*, vol. 41, no. 2, pp. 93–104. <https://doi.org/10.1027/1864-9335/a000014> (In English)
- Shank, R. C., Berman, T. R. (2003) The pervasive role of stories in knowledge and action. In: M. C. Green, J. J. Strange, T. C. Brock (eds.). *Narrative Impact. Social and Cognitive Foundations*. New York: Psychology Press, pp. 287–314. <https://doi.org/10.4324/9781410606648> (In English)
- Stephenson, M. T. (2003) Examining adolescents' responses to antimarijuana PSAs. *Human Communication Research*, vol. 29, no. 3, pp. 343–369. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2958.2003.tb00843.x> (In English)
- Tret' potrebitelej elektronnykh sigaret v Rossii prishlas' na molodezh' [One third of e-cigarette consumers in Russia are young people]. (2017) *RBK*. [Online]. Available at: <https://www.rbc.ru/business/08/02/2017/589b10469a79477d222745dc> (accessed 10.02.2023). (In Russian)
- Zebregs, S., van den Putte, B., Neijens, P., de Graaf, A. (2015) The differential impact of statistical and narrative evidence on beliefs, attitude, and intention: A meta-analysis. *Health Communication*, vol. 30, no. 3, pp. 282–289. <https://doi.org/10.1080/10410236.2013.842528> (In English)

Authors

Yulia S. Benidovskaya, Intern researcher, Centre for Interdisciplinary Basic Research, HSE University-Saint Petersburg
ORCID: [0009-0006-3031-2381](https://orcid.org/0009-0006-3031-2381), e-mail: yulia.benidovskaya@yandex.ru

Ksenia Yu. Eritsyanyan, Candidate of Sciences (Psychology), Researcher, Laboratory of Cognitive Research in Education, Herzen State Pedagogical University of Russia
SPIN: [6034-3155](https://orcid.org/6034-3155), Scopus AuthorID: [55629995300](https://orcid.org/55629995300), ResearcherID: [K-7144-2013](https://orcid.org/K-7144-2013), ORCID: [0000-0002-4400-0593](https://orcid.org/0000-0002-4400-0593),
e-mail: ksenia.eritsyan@gmail.com

Сведения об авторах

Юлия Сергеевна Бенидовская, стажер-исследователь, Центр междисциплинарных фундаментальных исследований, НИУ ВШЭ Санкт-Петербург
ORCID: [0009-0006-3031-2381](https://orcid.org/0009-0006-3031-2381), e-mail: yulia.benidovskaya@yandex.ru

Ксения Юрьевна Ерицян, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории когнитивных исследований в образовании, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
SPIN-код: [6034-3155](https://orcid.org/6034-3155), Scopus AuthorID: [55629995300](https://orcid.org/55629995300), ResearcherID: [K-7144-2013](https://orcid.org/K-7144-2013), ORCID: [0000-0002-4400-0593](https://orcid.org/0000-0002-4400-0593),
e-mail: ksenia.eritsyan@gmail.com

Check for updates

Клинические, образовательные
и социальные аспекты психологии здоровья

УДК 612.821

EDN WJDROG

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-210-222>

Научная статья

Динамика тревожности комбатантов в процессе курса гипобарической гипоксической тренировки

Е. А. Дудина ¹, А. А. Благинин ¹

¹ Ленинградский государственный университета им. А. С. Пушкина,
196605, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10

Для цитирования: Дудина, Е. А., Благинин, А. А. (2024) Динамика тревожности комбатантов в процессе курса гипобарической гипоксической тренировки. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 2, с. 210–222.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-210-222> EDN WJDROG

Получена 24 октября 2023; прошла рецензирование 23 ноября 2023; принята 28 января 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Е. А. Дудина, А. А. Благинин (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии [CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация

Введение. Участники боевых действий в наибольшей степени подвержены нервно-психическим расстройствам, в том числе и посттравматическому стрессовому расстройству. Одной из составляющих посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) выступает тревожность. В настоящее время важной медико-социальной задачей является сохранение психического здоровья комбатантов, а также поддержание их профессиональной и боевой готовности. Для этих целей используется медико-психологическая реабилитация. В качестве одного из наиболее эффективных немедикаментозных методов поддержания работоспособности выступает гипобарическая гипоксическая тренировка (ГГТ).

Цель работы — исследование динамики ситуативной и личностной тревожности комбатантов в процессе медико-психологической реабилитации с использованием метода ГГТ.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 17 комбатантов. Применялась методика «Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности» (автор — Ч. Д. Спилбергер; адаптация — Ю. А. Ханин). Курс ГГТ проводился десять дней ежедневно и включал ступенчатые «подъемы» в барокамере пониженного давления с высоты 1500 м до 3500 м. Уровень ситуативной тревожности оценивался до, во время и после ГГТ, а также через 10 дней после завершения курса.

Результаты исследования. В группе обследуемых преобладали средний уровень ситуативной (47 %) и личностной тревожности (53 %). Однако достаточно выраженным был и высокий уровень тревожности: ситуативная 35 %, личностная 41 %. В ходе прохождения курса ГГТ наблюдалась положительная динамика, направленная на снижение уровня как ситуативной, так и личностной тревожности. Данная тенденция сохранялась и через 10 дней после завершения 10-дневного курса ГГТ.

Заключение. Ситуативная тревожность статистически значимо снижается, начиная с 5 сеанса ГГТ на 15 %, а после десятого сеанса на 30 %, через 10 дней после завершения курса данный показатель снижается на 35 %. Фоновые показатели личностной тревожности после прохождения 10-дневного курса ГГТ статистически значимо снижаются на 6 %, а через 10 дней после завершения курса на 11 %.

Ключевые слова: комбатанты, личностная тревожность, ситуативная тревожность, гипобарическая гипоксическая тренировка, медико-психологическая реабилитация, посттравматическое стрессовое расстройство

Research article

Dynamics of anxiety of combatants during the course of hypobaric hypoxic training

E. A. Dudina ¹, A. A. Blaginin¹

¹ Pushkin Leningrad State University, 10 Peterburgskoe Hwy., Pushkin 196605, Saint Petersburg, Russia

For citation: Dudina, E. A., Blaginin, A. A. (2024) Dynamics of anxiety of combatants during the course of hypobaric hypoxic training. *Psychology in Education*, vol. 6, no. 2, pp. 210–222. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-210-222> EDN WJDROG

Received 24 October 2023; reviewed 23 November 2023; accepted 28 January 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © E. A. Dudina, A. A. Blaginin (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract

Introduction. Combatants are most susceptible to neuropsychiatric disorders, including post-traumatic stress disorder (PTSD). Anxiety is one of the components of PTSD. Preserving the mental health of combatants and maintaining their professional and combat readiness is an important medical and social task which is now fulfilled through medical and psychological rehabilitation. Hypobaric hypoxic training (HHT) is one of the most effective non-drug methods of maintaining performance capability. The present article focuses on the dynamics of situational and personal anxiety of combatants in the process of medical and psychological rehabilitation using the HHT method.

Materials and Methods. The respondents included 17 combatants. The State-Trait Anxiety Inventory (Ch. D. Spielberger) was used. The course of HHT was conducted for ten consecutive days and included stepwise 'ascents' in a pressure chamber of reduced pressure from a height of 1500 to 3500 m. The level of situational anxiety was assessed before, during and after HHT and ten days after the completion of the course.

Results. The average level of situational (47 %) and trait anxiety (53 %) prevailed in the respondents. The high level of anxiety was also quite pronounced: 35 % for situational anxiety and 41 % for trait anxiety. During the course of HHT, a positive dynamics was observed — i. e., the levels of both situational and trait anxiety were reducing. This trend also continued ten days after the completion of the ten-day course of HHT.

Conclusions. The HHT training resulted in a statistically significant reduction of situational anxiety starting from the 5th session of HHT by 15 %, and after the 10th session, by 30 %. Situational anxiety decreased by 35 % by the tenth day after the completion of the course. Background indicators of trait anxiety upon completion of the ten-day course of HHT statistically significantly decreased by 6 %, and by the tenth day after completing the course, by 11 %.

Keywords: combatants, trait anxiety, situational anxiety, hypobaric hypoxic training, medical and psychological rehabilitation, post-traumatic stress disorder

Введение

По данным литературы, проявления нервно-психического расстройства характерны для каждого пятого участника боевых действий без каких-либо физических повреждений и каждого третьего среди раненных (Спектор 1998).

Среди ведущих психологических проблем у 57 % комбатантов выделяют страх, у 50 % — демонстративное поведение, у 58,5 % — агрессивность, у 75,5 % — подозрительность (Спектор 1998). В качестве поведенческих особенностей комбатантов рассматривают конфликтность в семье, эмоциональную напряженность и обособленность, повышенную раздражительность,

беспричинные приступы страха и тревоги, а также склонность к пессимизму, недоверие, потерю смысла жизни, неуверенность в своих силах и т. д.

В результате исследования, проведенного в период с 2006 по 2009 г. среди 305 комбатантов — участников боевых действий, было выявлено, что для 54,4 % характерны расстройства адаптации, для 11,4 % кратковременная депрессивная реакция, для 10,1 % пролонгированная депрессивная реакция, для 11,4 % смешанная тревожная и депрессивная реакция, для 6,8 % расстройство адаптации с нарушением других эмоций, для 11,1 % расстройство адаптации с преобладанием нарушений поведения, для

3,4 % смешанное расстройство эмоций и поведения, для 45,6 % ПТСР (11,9 % — клинические проявления, соответствующие тревожному типу, 10,9 % эксплозивному типу, 12,6 % соматоформному типу, 10,3 % конверсионному типу). Среди проявлений ПТСР выделяются: немотивированная тревога, нарушение сна, частые смены настроения, вялость, повышенная чувствительность к бытовым раздражителям, подозрительность, страх открытых пространств, негативизм (Ичитовкина и др. 2015).

В ходе исследования, проведенного в период с 2019 по 2021 г., было выявлено, что наиболее подвержены возникновению симптомов ПТСР комбатанты, которые до начала боевых действий обладали высоким уровнем агрессии, а также те из них, которые во время боевых действий получили травмы или попали в плен (Zerach et al. 2023).

Согласно данным исследования, проведенного в 2022 г., из 49 комбатантов (63 % впервые учувствуют в военном конфликте; 37 % имеют боевой опыт) у 30,6 % наблюдаются симптомы ПТСР. При этом для респондентов, впервые участвующих в боевых действиях, характерен более высокий уровень нервно-психического напряжения, чем для респондентов, имеющих боевой опыт (Лубенская, Ряполова 2023).

В результате обобщения данных о распространенности посттравматического стрессового расстройства у комбатантов, проведенного в 2023 г., было выявлено, что распространенность ПТСР у данной категории составляет 27,8 % (Shahmiri Barzoki et al. 2021). Было также установлено, что тревожность комбатантов коррелирует с когнитивными и физическими проблемами, возникающими после возвращения из зоны боевых действий, возникновение стресса коррелирует с когнитивными и социальными проблемами после возвращения из зоны боевых действий, ПТСР и депрессия возникают у комбатантов с высокой тревожностью и низкой социальной поддержкой (Pavlastic et al. 2023).

В настоящее время не теряет актуальности проблема взаимосвязи ПТСР и тревожности. Посттравматическое стрессовое расстройство определяется как психическое расстройство, которое развивается в результате мощного психотравмирующего воздействия угрожающего или катастрофического характера и сопровождается экстремальным стрессом (Васильева и др. 2022). Согласно Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем одиннадцатого пересмотра (МКБ-11) ПТСР описывается в главе 6 МКБ-11 «Психические и поведенческие рас-

стройства и нарушения нейропсихического развития» и относится к группе 6B4 — расстройства, специфически связанные со стрессом (Международная классификация болезней... 2022).

Стоит отметить, что тревожность рассматривается как одна из важных составляющих ПТСР (Аведисова 2009; Бундало 2009; Каплан, Сэдок 1994). В исследовании Н. А. Бундало описаны взаимосвязь ситуативной (реактивной) и личностной тревожности при ПТСР. Так, данным автором было доказано, что уровень личностной тревожности увеличивается по мере развития ПТСР, а уровень ситуативной тревожности практически не меняется (Бундало 2009).

В широком смысле тревожность определяется как «индивидуальная психологическая особенность, содержащаяся в высокой предрасположенности ощущать беспокойство во всевозможных жизненных ситуациях, в том числе и таких, которые к этому никак не предрасполагают» (Петровский, Ярошевский 2011, 407).

В исследованиях Ч. Спилбергера личностная тревожность определяется как устойчивая характеристика, которая отражает предрасположенность субъекта к тревоге и предполагает тенденцию восприятия многих ситуаций как угрожающих.

Под ситуативной (реактивной) тревожностью в концепции Спилбергера понимается «напряжение, беспокойство, нервозность, возникает как эмоциональная реакция на стрессовую ситуацию и может быть различна по интенсивности и времени» (Карелин 2013, 112).

Сохранение психического здоровья комбатантов выступает как одна из наиболее важных медико-социальных задач. Также данная задача состоит в продлении профессионального долголетия, обеспечении безопасности профессиональной деятельности лиц, связанных с опасными профессиями, и прогнозировании уровня профессиональной работы и боеспособности комбатантов (Благинин, Анненков 2020).

В соответствии с приказом Министра обороны РФ от 27.01.2017 г. № 60 «О медико-психологической реабилитации военнослужащих» комбатантам проводится медико-психологическая реабилитация (МПР). Под МПР понимается «комплекс медицинских, психологических и общих оздоровительных мероприятий по восстановлению работоспособности военнослужащих» (Приказ Министра обороны Российской Федерации... 2017). Психологическая реабилитация проводится в комплексе с медицинской и социальной реабилитацией

и направлена, в первую очередь, на восстановление психического здоровья военнослужащих, позволяющего эффективно решать боевые и служебные задачи. Медицинский психолог в отделении МПР осуществляет психологическое исследование военнослужащего с целью уточнения состояния пациента, а также оценивает его мотивацию на предстоящую реабилитацию (Долгих и др. 2023). В исследовании, проведенном в 2020 г., было доказано, что применение цифровых технологий в рамках реабилитации комбатантов дает положительный эффект (Jones et al. 2020)

В качестве одного из эффективных немедикаментозных методов повышения работоспособности специалистов экстремальных профессий, а также восстановления их функционального состояния при воздействии на них неблагоприятных факторов внешней среды, выступает гипобарическая гипоксическая тренировка (Благинин, Торчило 2009; Благинин и др. 2019).

Метод гипобарической гипоксической тренировки (ГТТ) широко используется при реабилитации больных с неврозами, депрессивными и фобическими формами неврастения, пограничными функциональными состояниями, ментальными отклонениями (Благинин, Анненков 2020).

В медицинской реабилитации ГТТ используется для восстановления пациентов с такими диагнозами, как психостения (Горанчук и др. 2003), пограничные функциональные состояния (Белевитин и др. 2010), артериальная гипертензия (Джанкулдукова и др. 2010), рак молочной железы (Братик 2013), ментальные отклонения (Басович 2011), бронхиальная астма и хронический бронхит (Николаева и др. 2014), бронхиальная астма после перенесенной пневмонии COVID-19 (Оленская и др. 2022), тревожные и депрессивные расстройства, путем повышения клеточной резистентности, а также психологической устойчивости за счет использования контролируемых реакций на гипоксию (Burtscher et al. 2022).

Также существуют исследования влияния умеренных степеней гипоксии на насыщение крови кислородом во время проведения сердечно-легочной реанимации (Suto et al. 2020), когнитивные способности человека (Liu et al. 2021).

Однако, несмотря на эффективность применения данного метода в медицинской реабилитации, ГТТ никогда не применялась для оптимизации психологических состояний комбатантов.

Цель работы — исследование динамики ситуативной и личностной тревожности комбатантов в процессе медико-психологической реабилитации с использованием метода гипобарической гипоксической тренировки.

Материалы и методы

Исследование проводилось на кафедре авиационной и космической медицины Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова с использованием барокамеры пониженного давления БКПД-5-1. С добровольного согласия было обследовано 17 комбатантов мужского пола, проходящих реабилитацию, средний возраст $39,2 \pm 9,2$ лет. Все респонденты прошли предварительный медицинский осмотр и получили заключения отоларинголога, невролога и терапевта об отсутствии противопоказаний для участия в курсе ГТТ.

Курс ГТТ состоял из десяти ежедневных ступенчатых «подъемов» в состоянии покоя в барокамере пониженного давления с высоты 1500 м до 3500 м. Скорость «подъема» составляла 5–7 м/с, скорость «спуска» — 3–5 м/с, продолжительность экспозиции 30 минут. В течение всего времени пребывания на высоте осуществлялся контроль за функциональным состоянием при помощи установленной в барокамере системы объективного медицинского контроля. До подъема на 1, 15, 30 минуте и после подъема проводилась регистрация частоты сердечных сокращений, артериального давления, сатурации (Бережнов, Слепенков 1995; Голофевский и др. 2005).

Исследование проводилось при помощи методики «Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности» (автор — Ч. Д. Спилбергер; адаптация — Ю. Л. Ханин). Уровень ситуативной тревожности оценивался до проведения 10-дневного курса ГТТ, во время 1 сеанса ГТТ (высота 1500 м), до и во время 5 сеанса ГТТ (высота 3500 м), во время 10 сеанса (высота 3500 м) и после него, а также через 10 дней после завершения курса тренировки.

Для математико-статистической обработки данных использовался пакет прикладных программ «STATISTICA 12.0» и процессор электронных таблиц Microsoft®Excel-2010. Нормальность распределения данных в группах до и после курса ГТТ, а также равенство генеральных дисперсий дает возможность использовать в качестве метода математического анализа t-критерий Стьюдента для зависимых выборок. Также для сравнения данных выборок использовался T-критерий Вилкоксона для связанных выборок.

Результаты и их обсуждение

В ходе обработки данных по методике «Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности» были получены следующие результаты (рис. 1, 2).

Перед началом курса ГТТ в группе преобладал средний уровень ситуативной тревожности (47 %). Также перед началом курса тренировки был выражен высокий уровень ситуативной тревожности (35 %). Для респондентов, продемонстрировавших высокий уровень ситуативной тревожности, характерно проявление напряжения, нервозности, озабоченности, которые проявляются в конкретных ситуациях

в определенное время. Однако уже к 5 сеансу ГТТ уровень ситуативной тревожности снизился, и преобладающим стал низкий уровень ситуативной тревожности (59 %). Данная динамика прослеживалась до окончания курса ГТТ: во время 10 сеанса (высота 3500 м) — 71 %, после 10 сеанса — 59 %. Через 10 дней после завершения курса ГТТ преобладающим оставался низкий уровень ситуативной тревожности (76 %). Для низкого уровня ситуативной тревожности характерно спокойствие, оптимизм и уверенность в себе в конкретных ситуациях в конкретное время.

До проведения курса ГТТ в группе преобладал средний (53 %) и высокий уровень

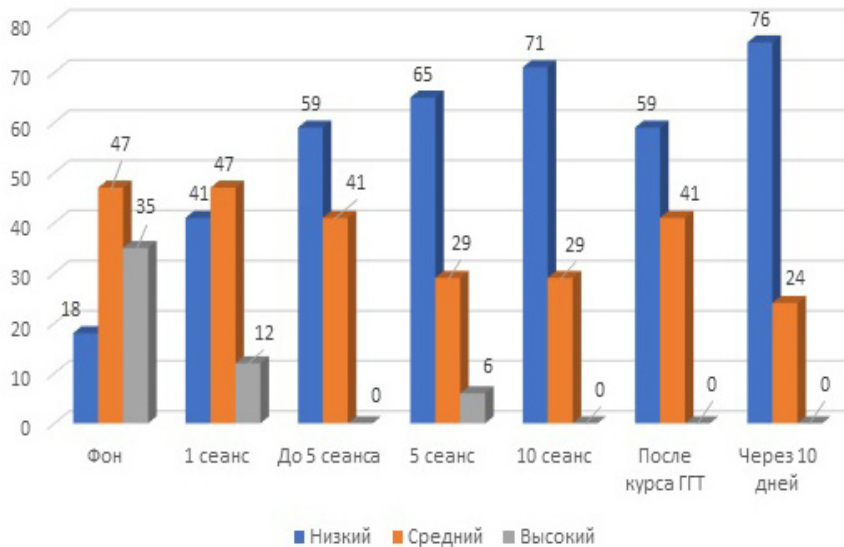

Рис. 1. Распределение уровней ситуативной тревожности в группе комбатантов в процессе курса ГТТ (%)

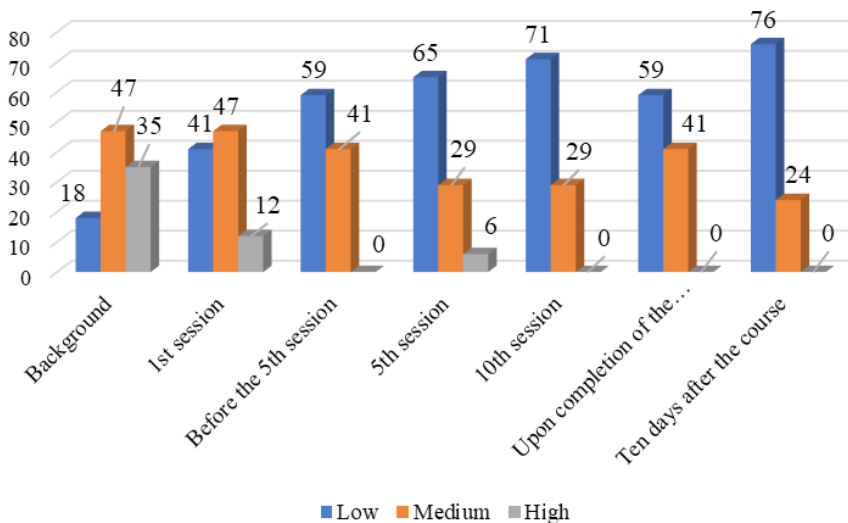

Fig. 1. Distribution of situational anxiety levels in combatants during the course of HHT (%)

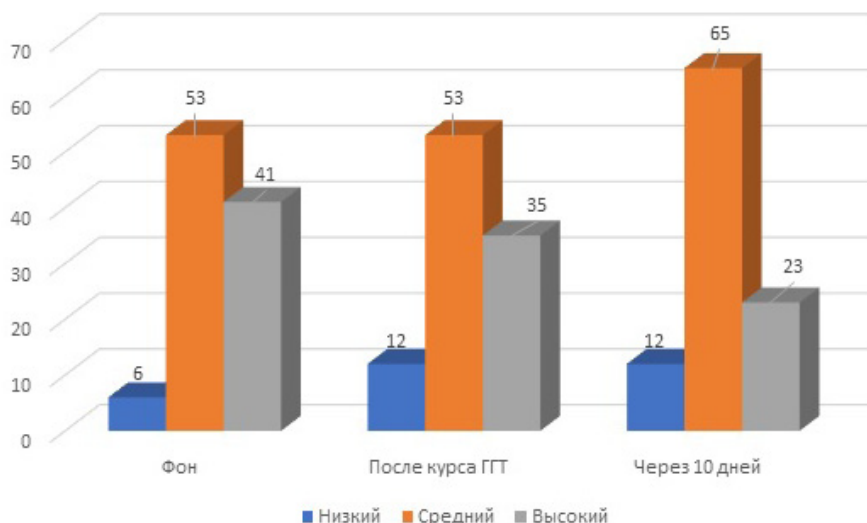

Рис. 2. Распределение уровней личностной тревожности в группе комбатантов в процессе курса ГГТ (%)

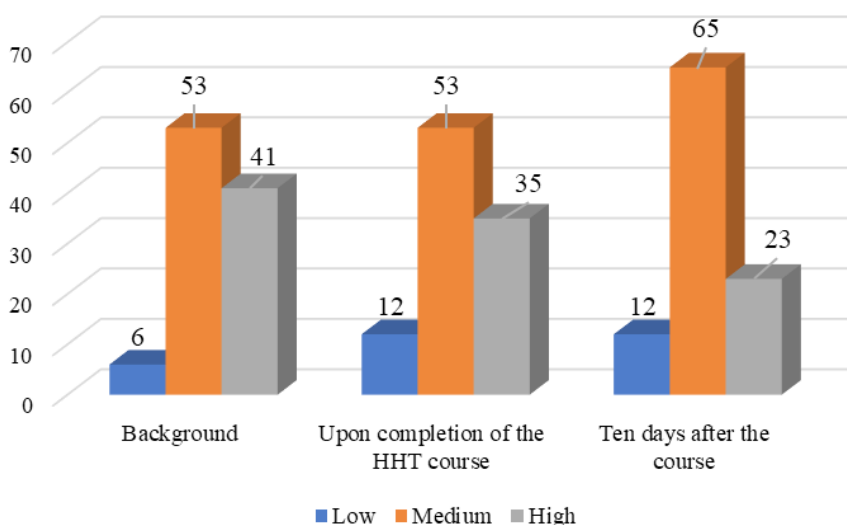

Fig. 2. Distribution of levels of trait anxiety in combatants during the course of HNT (%)

личностной тревожности (41 %). После завершения 10-дневного курса ГГТ уровень личностной тревожности снизился: высокий — 35 %, средний — 53 %, низкий — 12 %. Через 10 дней после завершения курса гипобарической гипоксической тренировки наблюдалась тенденция к снижению уровня личностной тревожности: высокий — 23 %, средний — 65 %, низкий — 12 %. Для респондентов со средним уровнем личностной тревожности характерно чувство комфорта, эмоционального равновесия, сохранение работоспособности в тех ситуациях, к которым они смогли адаптироваться и знают, как себя в них вести. Однако, если ситуация осложняется и появляются трудности данные люди проявляют беспокойство, ощущают напряжение и эмоциональный дискомфорт.

В результате статистической обработки данных с помощью t-критерия Стьюдента было выявлено, что ситуативная тревожность статистически значимо снижается, начиная с 5 сеанса ГГТ. Данная тенденция наблюдается на протяжении всего курса ГГТ, а также через 10 дней после завершения 10-дневного курса тренировки (рис. 3).

Таким образом, если в начале курса ГГТ каждого третьего респондента данной выборки отличало острое напряжение, беспокойство, высокая утомляемость, высокий уровень общей возбудимости, то к концу курса ГГТ они стали более спокойными, уверенными в себе в конкретных жизненных ситуациях.

В результате статистической обработки данных при помощи T-критерия Вилкоксона было

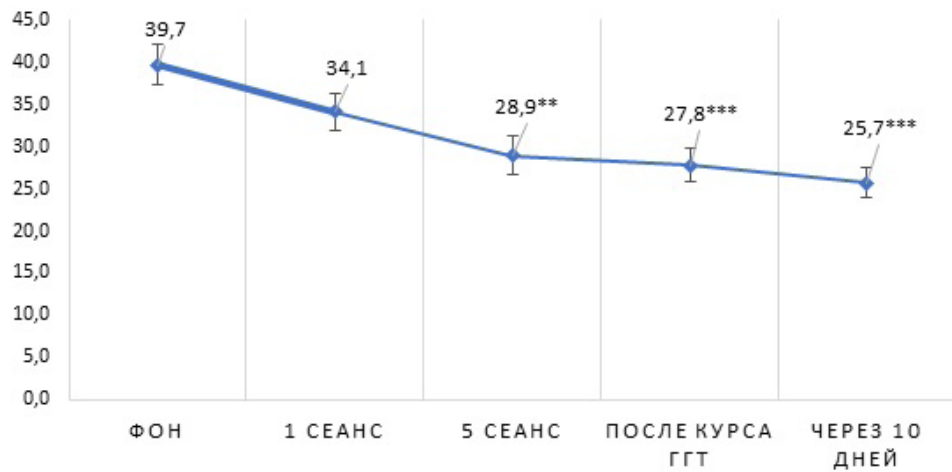

Рис. 3. Динамика ситуативной тревожности в процессе курса ГГТ

Примечание:

** — статистически значимые различия $t_{5 \text{ сеанс}} = 3,3$ ($p \leq 0,01$).

*** — статистически значимые различия $t_{\text{после курса ГГТ}} = 4,0$ ($p \leq 0,001$); $t_{\text{через 10 дней}} = 4,8$ ($p \leq 0,001$).

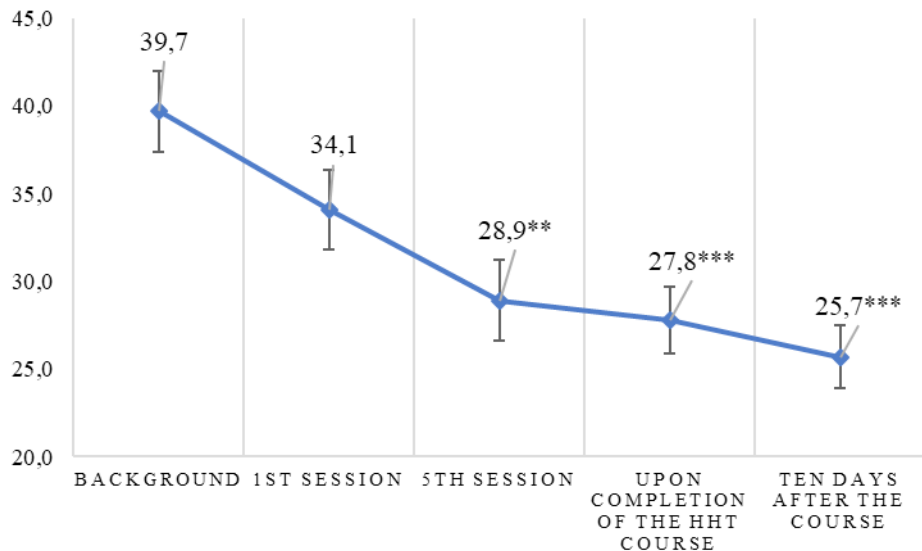

Fig. 3. Dynamics of situational anxiety during the course of HHT

Note:

** — statistically significant differences $t_{5th \text{ session}} = 3.3$ ($p \leq 0.01$);

*** — statistically significant differences $t_{\text{upon completion of the HHT course}} = 4.0$ ($p \leq 0.001$); $t_{\text{ten days after the course}} = 4.8$ ($p \leq 0.001$).

выявлено, что фоновые показатели личностной тревожности статистически значимо снижаются после проведения 10-дневного курса ГГТ. Положительная динамика наблюдается и через 10 дней после завершения курса ГГТ (рис. 4).

Как видно из результатов исследования, до начала ГГТ комбатантов отличал достаточно низкий уровень уверенности в себе и своих силах, повышенная чувствительность и впечатлительность. Они воспринимали большинство жизненных ситуаций как угрожающие. После завершения курса тренировки комбатанты стали более решительными, самостоятельными, менее чувствительными и не воспринимающими

ми большинство жизненных ситуаций как угрожающих им, их самооценке и престижу.

Согласно данным, представленным в научной литературе, однократный «подъем» в барокамере, являющийся гипоксической пробой, приводит к повышению уровня как ситуативной, так и личностной тревожности (Бушов и др. 1993; Завьялова, Посохова 1980).

Однако необходимо отметить, что клинически значимые эффекты гипоксической тренировки начинают формироваться с 10–20 сеанса и сохраняются на протяжении 1–3 месяцев (Глазачев 2013). Согласно исследованиям, в которых участвовали пациенты с психостенией

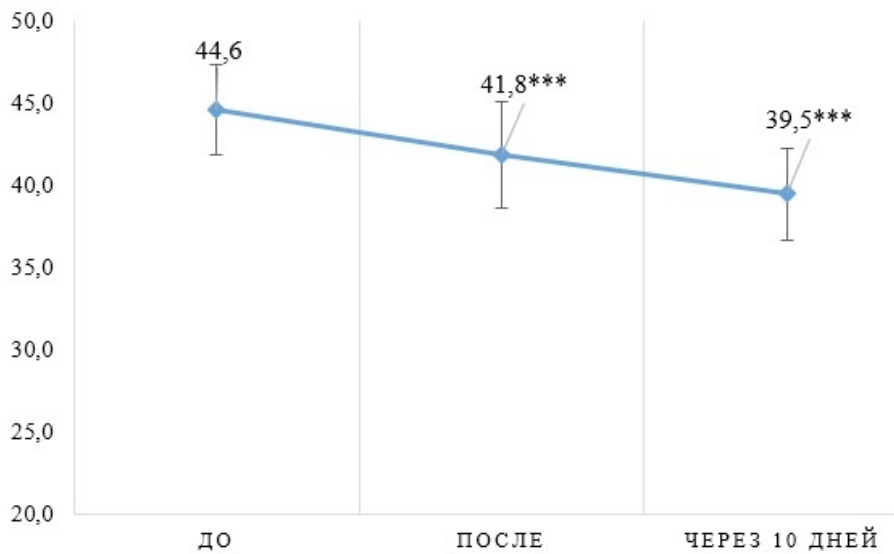

Рис. 4. Динамика личностной тревожности в процессе курса ГГТ

Примечание: *** — статистически значимые различия $T_{\text{после курса ГГТ}} = 38,5 (p \leq 0,001)$; $T_{\text{через 10 дней}} = 7,5 (p \leq 0,001)$.

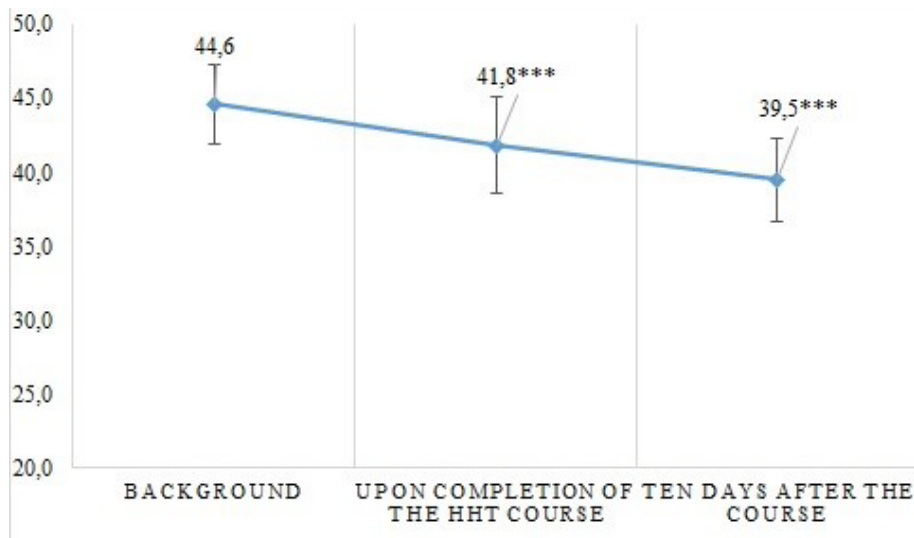

Fig. 4. Dynamics of trait anxiety during the course of HHT

Note: *** — statistically significant differences $t_{\text{upon completion of the HHT course}} = 38.5 (p \leq 0.001)$; $t_{\text{ten days after the course}} = 7.5 (p \leq 0.001)$.

(Горанчук и др. 2003), с пограничными функциональными состояниями (Белеветин и др. 2010), с эпизодической головной болью напряжения, хронической головной болью, мигренью (Шарякова 2012), после проведения 10—15 сеансов гипобарической гипоксической тренировки наблюдается снижение как реактивной, так и личностной тревожности, что соответствует данным, полученным в результате проведенного исследования.

Выводы

В ходе применения гипобарической гипоксической тренировки в процессе медико-пси-

хологической реабилитации комбатантов наблюдается снижение уровней ситуативной и личностной тревожности. Данная динамика прослеживается и через 10 дней после завершения курса.

Ситуативная тревожность статистически значимо снижается, начиная с 5 сеанса ГГТ на 10,8 баллов (фоновые показатели: $39,7 \pm 2,3$; 5 сеанс: $28,9 \pm 2,3$), а после десятого сеанса на 11,9 баллов (фоновые показатели: $39,7 \pm 2,3$; после курса ГГТ: $27,8 \pm 1,9$), через 10 дней после завершения курса данный показатель снижается на 14 баллов (фоновые показатели: $39,7 \pm 2,3$; через 10 дней: $25,7 \pm 1,8$).

Фоновые показатели личностной тревожности после прохождения 10-дневного курса ГГТ статистически значимо снижаются на 2,8 балла (фоновые показатели: $44,6 \pm 2,7$; после курса ГГТ: $41,8 \pm 3,2$), а через 10 дней после завершения курса на 5,1 балла (фоновые показатели: $39,7 \pm 2,3$; 5 сеанс: $39,5 \pm 2,8$).

Таким образом, применение ГГТ позволяет оптимизировать психологические состояния комбатантов, в том числе и с проявлениями ПТСР, что, в свою очередь, приводит к оптимизации работы психолога в рамках их медико-психологической реабилитации.

Полученные результаты исследования могут использоваться в работе психологов при коррекции психологических состояний у комбатантов немедикаментозными методами.

В дальнейшем планируется проведение курса интервальная гипоксическая гипероксическая тренировка и сравнение результатов с ризалитами, полученными в данном исследовании.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Авторы сообщают, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The authors report that the study followed the ethical principles stipulated in for research involving humans and animals.

Вклад авторов

А. А. Благинин — руководство работой над статьей, идея исследования, оформление и редакционная правка текста публикации.

Е. А. Дудина — формирование текста статьи, описание эмпирических данных, оформление списка литературы, перевод.

Author Contributions

A. A. Blaginina — management of the work on the article, research idea, writing and editing the text of the manuscript.

E. A. Dudina — text formatting, description of empirical data, preparing the reference list, translation.

Благодарности

Авторы статьи выражают благодарность Т. А. Лапшиной, врачу-терапевту лаборатории авиационной медицины кафедры авиационной и космической медицины, С. В. Будникову, преподавателю кафедры авиационной и космической медицины, подполковнику медицинской службы за помощь в проведении гипобарической гипоксической тренировки и сборе материалов для эмпирического исследования.

Acknowledgements

The authors express gratitude to T. A. Lapshina, General Practitioner, of the Laboratory of Aviation Medicine of the Department of Aviation and Space Medicine, and S. V. Budnikov, Teacher of the Department of Aviation and Space Medicine, Lieutenant Colonel of the Medical Service for their assistance in conducting hypobaric hypoxic training and collecting materials for empirical research.

Список литературы

- Аведисова, А. С. (2009) Психофармакотерапия больных с посттравматическим стрессовым расстройством. *Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова*, т. 109, № 12, с. 46–49. EDN: [LBEVOX](#)
- Басович, С. Н. (2011) Гипоксия в генезе и терапии ментальных отклонений: обзор. *Вестник Международной академии наук. Русская секция*, № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.heraldrsias.ru/online/2011/1/197/> (дата обращения 05.07.2023).
- Белевитин, А. Б., Цыган, В. Н., Торчило, В. В., Благинина, Е. А. (2010) Применение гипоксической тренировки для коррекции пограничных функциональных состояний организма. *Вестник Российской военно-медицинской академии*, № 1 (29), с. 92–95. EDN: [MRMNRD](#)
- Бережнов, Е. С., Слепенков, П. Л. (ред.). (1995) *Методики исследований в целях врачебно-летной экспертизы: пособие для членов ВЛК*. М.: Издательский дом академии им. Н. Е. Жуковского, 455 с.

- Благинин, А. А., Анненков, О. А. (2020) Проблемные вопросы и пути совершенствования системы медицинского обеспечения полетов государственной авиации. *Известия Российской военно-медицинской академии*, т. 39, № S4, с. 117–121. EDN: [C1QTHP](#)
- Благинин, А. А., Калтыгин, М. В., Котов, О. В. и др. (2019) Влияние индивидуальных психологических особенностей на функциональное состояние авиационных специалистов в условиях гипобарической гипоксии. *Медицинский академический журнал*, т. 19, № 4, с. 55–66. <https://doi.org/10.17816/MAJ19129>
- Благинин, А. А., Торчило, В. В. (2009) *Способы оптимизации функционального состояния и работоспособности человека в экстремальных и субэкстремальных условиях*. СПб.: [б. и.], 35 с.
- Братик, А. В. (2013) Реабилитация с использованием гипоксии при раке молочной железы (обзор). *Вестник восстановительной медицины*, № 1, с. 68–71. EDN: [PYCBEN](#)
- Бундало, Н. Л. (2009) *Хроническое посттравматическое стрессовое расстройство*. Красноярск: Изд-во КрасГМУ, 352 с.
- Бушов, Ю. В., Махнач, А. В., Протасов, К. Т. (1993) Анализ индивидуальных различий психологической реакции человека на комбинированное гипоксическое воздействие. *Физиология человека*, т. 19, № 4, с. 97–103. EDN: [SABSJX](#)
- Васильева, А. В., Караваева, Т. А., Незнанов, Н. Г. (ред.). (2022) *Психотерапия*. М.: ГЭОТАР-Медиа, 864 с. <https://doi.org/10.33029/9704-6485-4-VKN-2022-1-864>
- Глазачев, О. С. (2013) Оптимизация применения интервальных гипоксических тренировок в клинической практике. *Медицинская техника*, № 3 (279), с. 21–24.
- Голофеевский, В. Ю., Розентул, А. Ш., Войтенко, А. М., Удалов, Д. Ю. (2005) *Заболевания внутренних органов у летного состава: особенности диагностики и клиники, врачебная экспертиза, основы реабилитации*. СПб.: ВМедА, 484 с.
- Горанчук, В. В., Сапова, Н. И., Иванов, А. О. (2003) *Гипокситерапия*. СПб.: Элби-СПб, 536 с.
- Джанкулдукова, А. Д., Пак, Г. Д., Милютин, В. И. и др. (2010) Влияние гипобарических интервальных гипоксических тренировок на содержание оксида азота в крови военных летчиков с артериальной гипертензией. *Вестник восстановительной медицины*, т. 9, № 3, с. 10–14. EDN: [OJPQLJ](#)
- Долгих, С. В., Кирсанова, А. А., Ковлен, Д. В., Соболев, А. В. (2023) Организация медицинской и медико-психологической реабилитации в санаторно-курортных организациях Минобороны России. *Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры*, т. 100, № 4, с. 5–13. <https://doi.org/10.17116/kurort20231000415>
- Завьялова, Е. К., Посохова, С. Т. (1980) Факторы, обеспечивающие успешность адаптации человека в условиях гипоксии. В кн.: А. А. Айдаралиев (ред.). *Оценка и прогнозирование функциональных состояний в физиологии*. Фрунзе: Илим, с. 97–98.
- Ичитовкина, Е. Г., Злоказова, М. В., Соловьев, А. Г., Эпштейн, А. М. (2015) Комплексная терапия психогенных расстройств комбатантов. *Вестник современной клинической медицины*, т. 8, № 6, с. 17–24. EDN: [VBGEWP](#)
- Каплан, Г. И., Сэддок, Б. Дж. (1994) *Клиническая психиатрия: в 2 т. Т. 1*. М.: Медицина, 672 с.
- Карелин, А. А. (2013) *Психологические тесты: в 2 т. Т. 1*. М.: Владос, 312 с.
- Лубенская, О. А., Ряполова, Т. Л. (2023) Оценка уровня нервно-психического напряжения у комбатантов специальной военной операции. *Журнал психиатрии и медицинской психологии*, № 2 (62), с. 27–33. EDN: [ZWRDDM](#)
- Международная классификация болезней 11-го пересмотра (МКБ-11) (2022) *МКБ-11*. [Электронный ресурс]. URL: <https://mkb11.online/?ysclid=lpjmgixjfd896710946> (дата обращения 05.07.2023).
- Николаева, А. Г., Оленская, Т. Л., Соболева, Л. В. и др. (2014) Гипобарическая адаптация в реабилитации пациентов с бронхиальной астмой и хроническим бронхитом. *Вестник ВГМУ*, т. 13, № 1, с. 63–69.
- Оленская, Т. Л., Азаренок, М. К., Кокойченко, А. А., Николаева, А. Г. (2022) Изучение эффективности компонентов медицинской реабилитации у лиц старшего возраста с бронхиальной астмой после перенесенной пневмонии COVID-19. *Рецепт*, т. 25, № 2, с. 200–208. <https://doi.org/10.34883/PL.2022.25.2.004>
- Петровский, А. В., Ярошевский, М. Г. (ред.). (2011) *Краткий психологический словарь*. М.: Академия, 432 с. *Приказ Министра обороны Российской Федерации от 27 января 2017 г. № 60 «О медико-психологической реабилитации военнослужащих»*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71523460/?ysclid=lpjntcvo50181460845> (дата обращения 05.07.2023).
- Спектор, С. И. (1998) Посттравматический стрессовый синдром у участников боевых действий в Чечне. В кн.: *Материалы межгосударственного научно-практического семинара 18–19 декабря 1998 г.* Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, с. 46–47.
- Шарякова, Ю. В. (2012) Влияние гипобарической гипокситерапии на клинические проявления первичных цефалгий и состояние психовегетативной сферы у пациентов молодого возраста. *Вестник ВГМУ*, т. 11, № 1, с. 116–122.
- Burtscher, J., Niedermeier, M., Hüfner, K. et al. (2022) The interplay of hypoxic and mental stress: Implications for anxiety and depressive disorders. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, vol. 138, article 104718. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2022.104718>

- Jones, C., Miguel-Cruz, A., Smith-MacDonald, L. et al. (2020) Virtual trauma-focused therapy for military members, veterans, and public safety personnel with posttraumatic stress Injury: systematic scoping review. *JMIR Mhealth Uhealth*, vol. 8, no. 9, article e22079. <https://doi.org/10.2196/22079>
- Liu, Y., Huang, L., Song, C. et al. (2021) Effect of hypoxia on human cognitive ability and indoor oxygen environment demand for sojourners at high altitude. *Building and Environment*, vol. 194, article 107678. <https://doi.org/10.1016/j.buildenv.2021.107678>
- Pavlicic, J. M., Witcraft, S. M., Allan, N. P., Gros, D. F. (2023) Anxiety sensitivity and social support in veterans with emotional disorders. *Journal of Clinical Psychology*, vol. 79, no. 10, pp. 2337–2350. <https://doi.org/10.1002/jclp.23554>
- Shahmiri Barzoki, H., Ebrahimi, M., Khoshdel, A. et al. (2021) Studying the prevalence of PTSD in veterans, combatants and freed soldiers of Iran-Iraq War: A systematic and meta-analysis review. *Psychology, Health and Medicine*, vol. 28, no. 3, pp. 812–818. <https://doi.org/10.1080/13548506.2021.1981408>
- Suto, T., Saito, S., Tobe, M. et al. (2020) Reduction of arterial oxygen saturation among rescuers during cardiopulmonary resuscitation in a hypobaric hypoxic environment. *Wilderness & Environmental medicine*, vol. 31, no. 1, pp. 97–100. <https://doi.org/10.1016/j.wem.2019.10.008>
- Zerach, G., Ben-Yehuda, A., Levi-Belz, Y. (2023) Pre-deployment aggressiveness, combat exposure and moral injury as contributors to posttraumatic stress symptoms among combatants: A two-year prospective study. *Journal of Psychiatric Research*, vol. 161, pp. 158–164. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2023.03.015>

References

- Avedisova, A. S. (2009) Psikhofarmakoterapiya bol'nykh s posttravmaticheskim stressovym rasstrojstvom [Psychopharmacotherapy of patients with post-traumatic stress disorder]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova — S. S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, vol. 109, no. 12, pp. 46–49. EDN: LBEVOX (In Russian)
- Basovich, S. N. (2011) Gipoksiya v geneze i terapii mental'nykh otklonenij: obzor [Hypoxia in the genesis and therapy of mental disorders: a review]. *Vestnik Mezhdunarodnoj akademii nauk. Russkaya sektsiya — Herald of the International Academy of Science. Russian Section*, no. 1. [Online]. Available at: <http://www.heraldrsias.ru/online/2011/1/197/> (accessed 05.07.2023). (In Russian)
- Belevitin, A. B., Tsygan, V. N., Torchilo, V. V., Blaginina, E. A. (2010) Primenenie gipoksicheskoy trenirovki dlya korektsii pogranichnykh funktsional'nykh sostoyanij organizma [Using the hypoxic training for correcting the border functional states of the human organism]. *Vestnik Rossijskoj voenno-meditsinskoj akademii — Bulletin of the Russian Military Medical Academy*, no. 1 (29), pp. 92–95. EDN: MRMNRD (In Russian)
- Berezhnov, E. S., Slepnev, P. L. (ed.). (1995) *Metodiki issledovanij v tselyax vrachebno-letnoj ekspertizy: posobie dlya chlenov VLK [Research methods for the purpose of medical flight examination: A manual for members of the VLK]*. Moscow: Publishing House of the Academy named after N. E. Zhukovsky, 455 p. (In Russian)
- Blaginina, A. A., Annenkov, O. A. (2020) Problemnye voprosy i puti sovershenstvovaniya sistemy meditsinskogo obespecheniya poletov gosudarstvennoj aviatsii [Problem issues and ways to improve the medical support of state aviation flights]. *Izvestiya Rossijskoj voenno-meditsinskoj akademii — Russian Military Medical Academy Reports*, vol. 39, no. S4, pp. 117–121. EDN: CIQTHP (In Russian)
- Blaginina, A. A., Kaltygin, M. V., Kotov, O. V. et al. (2019) Vliyanie individual'nykh psikhologicheskikh osobennostej na funktsional'noe sostoyanie aviatsionnykh spetsialistov v usloviyakh gipobaricheskoy gipoksii [Influence of individual psychological features on the functional state of aviation specialists in conditions of hypobaric hypoxia]. *Meditsinskij akademicheskij zhurnal — Medical Academic Journal*, vol. 19, no. 4, pp. 55–66. <https://doi.org/10.17816/MAJ19129> (In Russian)
- Blaginina, A. A., Torchilo, V. V. (2009) *Sposoby optimizatsii funktsional'nogo sostoyaniya i rabotosposobnosti cheloveka v ekstremal'nykh i subekstremal'nykh usloviyakh [Ways to optimize the functional state and human performance in extreme and sub-extreme conditions]*. Saint Petersburg: [s. n.], 35 p. (In Russian)
- Bratik, A. V. (2013) Reabilitatsiya s ispol'zovaniem gipoksii pri rake molochnoj zhelezy (obzor) [Rehabilitation using hypoxia in breast cancer (review)]. *Vestnik vosstanovitel'noj meditsiny — Bulletin of Restorative Medicine*, no. 1, pp. 68–71. EDN: PYCBEN (In Russian)
- Bundalo, N. L. (2009) *Khronicheskoe posttravmaticheskoe stressovoe rasstrojstvo [Chronic post-traumatic stress disorder]*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Medical University Publ., 352 p. (In Russian)
- Burtscher, J., Niedermeier, M., Hüfner, K. et al. (2022) The interplay of hypoxic and mental stress: Implications for anxiety and depressive disorders. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, vol. 138, article 104718. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2022.104718> (In English)
- Bushov, Yu. V., Makhnach, A. V., Protasov, K. T. (1993) Analiz individual'nykh razlichij psikhologicheskoy reaktsii cheloveka na kombinirovannoe gipoksicheskoe vozdejstvie [Analysis of individual differences in human psychological response to combined hypoxic effects]. *Fiziologiya cheloveka*, vol. 19, no. 4, pp. 97–103. EDN: SABSIX (In Russian)

- Dzhankuldukova, A. D., Pak, G. D., Milyutin, V. I. et al. (2010) Vliyanie gipobaricheskikh interval'nykh gipoksicheskikh trenirovok na sodержanie oksida azota v krovi voennykh letchikov s arterial'noj gipertenziej [The effect of hypobaric interval hypoxic training on the content of nitric oxide in the blood of military pilots with arterial hypertension]. *Vestnik vosstanovitel'noj meditsiny — Bulletin of Rehabilitation Medicine*, vol. 9, no. 3, pp. 10–14. EDN: OJPQLJ (In Russian)
- Dolgikh, S. V., Kirsanova, A. A., Kovlen, D. V., Sobolev, A. V. (2023) Organizatsiya meditsinskoj i mediko-psikhologicheskoy reabilitatsii v sanatorno-kurortnykh organizatsiyakh Minoborony Rossii [Realization of medical and medical psychological rehabilitation in sanatorium-resort organizations of Ministry of Defence of the Russian Federation]. *Voprosy kurortologii, fizioterapii i lechebnoj fizicheskoy kul'tury — Problems of Balneology, Physiotherapy and Exercise Therapy*, vol. 100, no. 4, pp. 5–13. <https://doi.org/10.17116/kurort20231000415> (In Russian)
- Glazachev, O. S. (2013) Optimizatsiya primeneniya interval'nykh gipoksicheskikh trenirovok v klinicheskoy praktike [Optimization of the use of interval hypoxic training in clinical practice]. *Meditsinskaya tekhnika*, no. 3 (279), pp. 21–24. (In Russian)
- Golofeevsky, V. Yu., Rosentul, A. Sh., Voitenko, A. M., Udalov, D. Yu. (2005) *Zabolevaniya vnutrennikh organov u letnogo sostava: osobennosti diagnostiki i kliniki, vrachebnaya ekspertiza, osnovy reabilitatsii [Diseases of internal organs in flight personnel: Features of diagnosis and clinic, medical expertise, fundamentals of rehabilitation]*. Saint Petersburg: Military Medical Academy Publ., 484 p. (In Russian)
- Goranchuk, V. V., Sapova, N. I., Ivanov, A. O. (2003) *Gipoksiterapiya [Hypoxotherapy]*. Saint Petersburg: Elbi-SPb Publ., 536 p. (In Russian)
- Ichitovkina, E. G., Zlokazova, M. V., Solovyov, A. G., Epstein, A. M. (2015) Kompleksnaya terapiya psikhogennykh rasstrojstva kombatanov [Complex therapy of psychogenic disorders of combatants]. *Vestnik sovremennoj klinicheskoy meditsiny — The Bulletin of Contemporary Clinical Medicine*, vol. 8, no. 6, pp. 17–24. EDN: VBGWEP (In Russian)
- Jones, C., Miguel-Cruz, A., Smith-MacDonald, L. et al. (2020) Virtual trauma-focused therapy for military members, veterans, and public safety personnel with posttraumatic stress Injury: systematic scoping review. *JMIR Mhealth Uhealth*, vol. 8, no. 9, article e22079. <https://doi.org/10.2196/22079> (In English)
- Kaplan, G. I., Sadok, B. J. (1994) *Klinicheskaya psikiatriya: v 2 t. T. 1 [Clinical psychiatry: In 2 vols. Vol. 1]*. Moscow: Medicine Publ., 672 p. (In Russian)
- Karelin, A. A. (2013) *Psikhologicheskie testy: v 2 t. T. 1 [Psychological tests: In 2 vols. Vol. 1]*. Moscow: Vlados Publ., 312 p. (In Russian)
- Liu, Y., Huang, L., Song, C. et al. (2021) Effect of hypoxia on human cognitive ability and indoor oxygen environment demand for sojourners at high altitude. *Building and Environment*, vol. 194, article 107678. <https://doi.org/10.1016/j.buildenv.2021.107678> (In English)
- Lubenskaya, O. A., Ryapolova, T. L. (2023) Otsenka urovnya nervno-psikhicheskogo napryazheniya u kombatanov spetsial'noj voennoj operatsii [Assessment of the level of neuropsychiatric stress in combatants of a special military operation]. *Zhurnal psikiatrii i meditsinskoj psikhologii — Journal of Psychiatry and Medical Psychology*, no. 2 (62), pp. 27–33. EDN: ZWRDDM (In Russian)
- Mezhdunarodnaya klassifikatsiya boleznej 11-go peresmotra (MKB-11) [International Classification of Diseases of the 11th revision (ICD-11)] (2022) *MKB-11*. [Online]. Available at: <https://mkb11.online/?ysclid=ljpmgixjfd896710946> (accessed 05.07.2023). (In Russian)
- Nikolaeva, A. G., Olenskaya, T. L., Soboleva, L. V. et al. (2014) Gipobaricheskaya adaptatsiya v reabilitatsii patsientov s bronkhial'noj astmoj i khronicheskim bronkhitom [Hypobaric adaptation in the rehabilitation of patients with bronchial asthma and chronic bronchitis]. *Vestnik VGMU — Vitebsk Medical Journal*, vol. 13, no. 1, pp. 63–69. (In Russian)
- Olenskaya, T. L., Azarenok, M. K., Kakoichenko, A. A., Nikolaeva, A. G. (2022) Izuchenie effektivnosti komponentov meditsinskoj reabilitatsii u lits starshego vozrasta s bronkhial'noj astmoj posle perenesennoj pnevmonii COVID-19 [The effectiveness of medical rehabilitation in older people with bronchial asthma after pneumonia COVID-19]. *Retsept — Recipe*, vol. 25, no. 2, pp. 200–208. <https://doi.org/10.34883/PI.2022.25.2.004> (In Russian)
- Pavlicic, J. M., Witcraft, S. M., Allan, N. P., Gros, D. F. (2023) Anxiety sensitivity and social support in veterans with emotional disorders. *Journal of Clinical Psychology*, vol. 79, no. 10, pp. 2337–2350. <https://doi.org/10.1002/jclp.23554> (In English)
- Petrovskij, A. V., Yaroshevskij, M. G. (eds.). (2011) *Kratkij psikhologicheskij slovar' [Brief Psychological Dictionary]*. Moscow: Academy Publ., 432 p. (In Russian)
- Prikaz Ministra oborony Rossijskoj Federatsii ot 27 yanvarya 2017 g. № 60 “O mediko-psikhologicheskoy reabilitatsii voennosluzhashchikh” [Order of the Minister of Defense of the Russian Federation dated January 27, 2017 No. 60 “On medical and psychological rehabilitation of military personnel”]. [Online]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71523460/?ysclid=ljpnctvo50181460845> (accessed 05.07.2023). (In Russian)
- Spector, S. I. (1998) Posttravmaticheskij stressovyj sindrom u uchastnikov boevykh dejstvij v Chechne [Post-traumatic stress syndrome in participants of military operations in Chechnya]. In: *Materialy mezghosudarstvennogo nauchno-prakticheskogo seminaru 18–19 dekabrya 1998 goda v g. Vitebske [Proceedings of the interstate scientific*

- and practical seminar on December 18–19, 1998 in Vitebsk].* Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov Publ., pp. 46–47. (In Russian)
- Sharyakova, Yu. V. (2012) Vliyanie gipobaricheskoy gipoksiterapii na klinicheskie proyavleniya pervichnykh tsefalgiy i sostoyanie psikhovegetativnoj sfery u patsientov mladogo vozrasta [The effect of hypobaric hypoxotherapy on the clinical manifestations of primary cephalgia and the state of the psychovegetative sphere in young patients]. *Vestnik VGMU — Vitebsk Medical Journal*, vol. 11, no. 1, pp. 116–122. (In Russian)
- Shahmiri Barzoki, H., Ebrahimi, M., Khoshdel, A. et al. (2021) Studying the prevalence of PTSD in veterans, combatants and freed soldiers of Iran-Iraq War: A systematic and meta-analysis review. *Psychology, Health and Medicine*, vol. 28, no. 3, pp. 812–818. <https://doi.org/10.1080/13548506.2021.1981408> (In English)
- Suto, T., Saito, S., Tobe, M. et al. (2020) Reduction of arterial oxygen saturation among rescuers during cardiopulmonary resuscitation in a hypobaric hypoxic environment. *Wilderness & Environmental medicine*, vol. 31, no. 1, pp. 97–100. <https://doi.org/10.1016/j.wem.2019.10.008> (In English)
- Vasileva, A. V., Karavaeva, T. A., Neznanov, N. G. (eds.). (2022) *Psikhoterapiya [Psychotherapy]*. Moscow: GEOTAR-Media Publ., 864 p. <https://doi.org/10.33029/9704-6485-4-VKN-2022-1-86> (In Russian)
- Zavyalova, E. K., Posokhova, S. T. (1980) Faktory, obespechivayushchie uspekhnost' adaptatsii cheloveka v usloviyakh gipoksii [Factors ensuring the success of human adaptation in hypoxia]. In: A. A. Ajdaraliev (ed.). *Otsenka i prognozirovanie funktsional'nykh sostoyanij v fiziologii [Assessment and prediction of functional states in physiology]*. Frunze: Ilim Publ., pp. 97–98. (In Russian)
- Zerach, G., Ben-Yehuda, A., Levi-Belz, Y. (2023) Pre-deployment aggressiveness, combat exposure and moral injury as contributors to posttraumatic stress symptoms among combatants: A two-year prospective study. *Journal of Psychiatric Research*, vol. 161, pp. 158–164. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2023.03.015> (In English)

Сведения об авторах

Елизавета Андреевна Дудина, аспирант кафедры общей и прикладной психологии, Ленинградский государственный университета им. А. С. Пушкина
SPIN-код: 6837-2069, ORCID: 0000-0003-3834-1639, e-mail: elizaveta-dudina@mail.ru

Андрей Александрович Благинин, доктор медицинских наук, доктор психологических наук профессор, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
SPIN-код: 2747-0146, Scopus AuthorID: 6507088650, ResearcherID: B-3377-2019, ORCID: 0000-0002-3820-5752, e-mail: andreyblaginin60@gmail.com

Authors

Elizaveta A. Dudina, Doctoral Student, Department of General and Applied Psychology, Pushkin Leningrad State University
SPIN: 6837-2069, ORCID: 0000-0003-3834-1639, e-mail: elizaveta-dudina@mail.ru

Andrey A. Blaginin, Doctor of Sciences (Medicine), Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Pushkin Leningrad State University
SPIN: 2747-0146, Scopus AuthorID: 6507088650, ResearcherID: B-3377-2019, ORCID: 0000-0002-3820-5752, e-mail: andreyblaginin60@gmail.com

УДК 159.923

EDN WNVHPM

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-223-236>

Научная статья

Эмпатия у врачей и студентов медицинских и психологических вузов: русскоязычная апробация Джефферсоновского опросника (Jefferson Scale of Empathy)

Е. А. Крюкова ^{✉1,2}

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9

² Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова,
119435, Россия, г. Москва, ул. Большая Пироговская, д. 2, стр. 4

Для цитирования: Крюкова, Е. А. (2024) Эмпатия у врачей и студентов медицинских и психологических вузов: русскоязычная апробация Джефферсоновского опросника (Jefferson Scale of Empathy). *Психология человека в образовании*, т. 6, № 2, с. 223–236. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-223-236> EDN WNVHPM

Получена 8 ноября 2023; прошла рецензирование 21 ноября 2023; принята 31 декабря 2023.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Е. А. Крюкова (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии [CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация

Введение. Свойства эмоциональной и когнитивной сферы в составе интеллектуально-личностного потенциала человека — одна из актуальных проблем в психологии. Эмпатия выступает важным компонентом, и ее изучение может осуществляться в рамках разных методологических оснований. В российской психологии применяется ряд опросников оценки уровня эмпатии, однако для оценки эмпатии у сотрудников системы здравоохранения таких инструментов к настоящему времени нет. Поэтому нами был адаптирован опросник, который специально разрабатывался для оценки эмпатии в медицинской сфере.

Цели исследования заключались: 1) в апробации Джефферсоновского опросника эмпатии (ДОЭ), включившей проверку его факторной структуры, оценку надежности и валидности в его русскоязычном варианте; 2) в сравнительном анализе эмпатии у российских студентов медиков и психологов, а также врачей; 3) в обосновании идеи включенности эмпатии в многоуровневые иерархии личности, регулируемые динамическими регулятивными системами.

Материалы и методы. Эмпатия измерялась с помощью апробированного опросника эмпатии, разработанного университетом Джефферсона (Jefferson Scale of Empathy), также использовался опросник когнитивной и аффективной эмпатии (Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy) в русскоязычной адаптации А. И. Белоусовой, М. Р. Гейвандовой.

Выборку для апробации опросника эмпатии, разработанного университетом Джефферсона, составили 355 человек; из них 125 человек — студенты-медики; студенты-психологи — 130 человек; 100 врачей.

Результаты исследования. Для опросника эмпатии Джефферсона подтверждена трехфакторная структура, аналогичная исходной англоязычной версии, со шкалами «взятие ответственности», «сострадательная забота», «ощущение нахождения в роли пациента»^{*}. Названия шкал методики даны в переводе, предложенном автором. Продемонстрирована их конвергентная валидность посредством сопоставления со шкалами опросника когнитивной и аффективной эмпатии. Показано, что студенты-психологи проявляют более высокий уровень эмпатии, чем студенты медики и практикующие врачи. **Заключение.** Полученные данные позволяют считать удовлетворительными психометрические характеристики русскоязычного варианта Джефферсоновского опросника эмпатии. Установленные связи между компонентами эмпатии позволяют говорить о том, что эмпатия может быть включена в многоуровневые иерархии личности, регулируемые динамическими регулятивными системами.

Ключевые слова: эмпатия, Джефферсоновский опросник эмпатии, когнитивная эмпатия, аффективная эмпатия, эмпатия у студентов, эмпатия у врачей, динамические регулятивные системы

^{*} Названия шкал методики даны в переводе, предложенном автором.

Research article

Empathy in doctors, medical students and psychology students: Validation of the Russian-language version of the Jefferson Scale of Empathy

E. A. Kryukova ^{1,2}

¹ Lomonosov Moscow State University, Structure 9, 11 Mokhovaya Str., Moscow 125009, Russia

² I. M. Sechenov First Moscow State Medical University, Structure 4, 2 Bolshaya Pirogovskaya Str., Moscow 119435, Russia

For citation: Kryukova, E. A. (2024) Empathy in doctors, medical students and psychology students: Validation of the Russian-language version of the Jefferson Scale of Empathy. *Psychology in Education*, vol. 6, no. 2, pp. 223–236. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-223-236> EDN WNVHPM

Received 8 November 2023; reviewed 21 November 2023; accepted 31 December 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © E. A. Kryukova (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract

Introduction. The characteristics of the emotional and cognitive spheres in the structure of an individual's intellectual and personal potential constitute an important issue of modern psychology. Empathy is an important element of such potential, and it can be studied from different methodological positions. In Russian psychology, there are no questionnaires to assess the level of empathy among healthcare workers. The lack of such questionnaires encouraged us to select and adapt a foreign questionnaire for assessing empathy in the medical field. The study seeks to deepen the understanding of empathy and has the following objectives: 1) to test the Russian-language version of the Jefferson Scale of Empathy (JSE) on a Russian sample; 2) to measure and compare the level of empathy among doctors, medical students and psychology students in Russia; and 3) to substantiate the inclusion of empathy in multi-level personality hierarchies regulated by dynamic regulatory systems.

Materials and Methods. Empathy was measured by the Jefferson Scale of Empathy and the Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy (Russian adaptation by A. I. Belousova, M. R. Geyvandova). The sample consisted of 355 people: 125 medical students, 100 doctors and 130 psychology students.

Results. The Russian version of the Jefferson Scale of Empathy was confirmed to have a three-factor structure, similar to the original English version, with the scales 'perspective taking', 'compassionate care', 'standing in the patients' shoes'. Their convergent validity with the scales of the Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy was demonstrated. Psychology students showed more empathy than medical students and doctors.

Conclusions. The obtained data makes it possible to conclude that the Russian version of the Jefferson Scale of Empathy has satisfactory psychometric properties. The results suggest that empathy can be included in multilevel personality hierarchies governed by dynamic regulatory systems.

Keywords: empathy, Jefferson Scale of Empathy, cognitive empathy, affective empathy, empathy of students, empathy of doctors, dynamic regulatory systems

Введение

Эмпатия является важной характеристикой эмоциональной сферы, отражающей единство интеллектуально-личностного потенциала человека (Корнилова 2022а).

В настоящий момент имеется множественность определений эмпатии. Выделяются такие виды эмпатии, как когнитивная — аффективная, «непосредственная» — опосредованная, ситуационная — диспозициональная и др. Эмпатия — многомерный концепт, описывающий психологические процессы от эмоционального

резонанса до эмоциональной саморегуляции, от автоматических до контролируемых процессов. Эмпатия имеет связь с социальными феноменами, включающими ориентировку на другого человека (Карягина, Иванова 2013; Lamm et al. 2016 и др.) В научном поле разрабатываются вопросы, связанные с обоснованием включенности эмпатии в эмоциональную регуляцию, связи с эмоциональным интеллектом. Ряд авторов подчеркивает, что ее значение важно в личностной саморегуляции, в социальных областях. Эмпатия определяется когнитивными и аффективными компонентами (Braun

et al. 2015; Decety, Jackson 2004), и это разделение шкал характеризует разведение когнитивной и аффективной эмпатии в современном опроснике (Белоусова, Гейвандова 2021).

Гипотеза о динамических регулятивных системах (ДРС), иерархически структурирующих взаимосвязи когнитивных и эмоциональных процессов, может помочь снять противоречия в отношении множественности форм эмпатии. Предполагаемая в ДРС множественность регуляции эмпатии соответствует идее Л. С. Выготского о единстве интеллекта и аффекта и свидетельствует о связующей роли эмпатии между личностной и когнитивной сферами (Корнилова 2022а).

Таким образом, эмпатию можно понимать как опосредствующее звено, между когнитивными и личностными компонентами в становлении сопереживания.

В литературе имеются данные о связи эмпатии с эмоциональной регуляцией, эмоциональным интеллектом, нестабильным эмоциональным ядром личности — свойствами Темной триады. С возрастом эмпатия снижается, а эмоциональный интеллект растет. Эмпатия положительно связана с эмоциональной креативностью и самооффективностью в решении проблем. При более высоких показателях эмпатии у женщин и снижении эмоциональности у мужчин (при их большей эффективности в решении проблем и эмоциональной креативности) не обнаруживается различий по полу в эмоциональном интеллекте и имплицитных теориях эмоций (последние оказались не связанными с эмпатией). Положительное отношение к неопределенности сопутствует повышению когнитивной эмпатии, а снижение — аффективной эмпатии (Корнилова 2022а; 2022б). В личностном профиле эмпатия связана с эмоциональным интеллектом, с имплицитными теориями эмоций и личности, с готовностью к риску (Корнилова 2022а; 2022б; Kornilova et al. 2021).

В исследовании на китайской выборке испытуемых эмпатия рассмотрена через связи с имплицитными теориями (личности и управляемости эмоций); показано, что в ней именно звено когниций необходимо рассматривать как ведущее в выходе эмпатии на уровень самосознания личности (Корнилова, Чжоу 2021; Kornilova, Zhou 2021).

Нарушения эмпатии связаны с эмоциональной дисрегуляцией. Подшкалы эмпатии отрицательно связаны с психопатией и нарциссизмом. Риск отрицательно связан с аффективной эмпатией. Рациональность положительно связана с когнитивной эмпатией (Kornilova et al. 2021).

В становлении врача развитие его эмоционально-личностной сферы становится связанным с отношением к неопределенности и принятием им медицинских рисков, а также с эмпатией. В ряде исследований было показано, что личностные профили людей, которые работают в медицине и тех, кто связаны с другими профессиональными областями, различаются по фактору их профессиональной принадлежности и этапу их трудового пути (являются студентами или практикующими специалистами).

В группах специалистов медицинского профиля выявляется повышение интолерантности к неопределенности (по сравнению с контрольной выборкой). У практикующих врачей по сравнению со студентами медицинского факультета выше субъективная рациональность, а вот готовность к риску выражена меньше, прокрастинация, являющаяся непродуктивным копингом, заменяется продуктивным копингом — бдительностью, который в свою очередь связан с преодолением неопределенности (Павлова и др. 2019).

По результатам недавнего метаанализа, исследования, включенные в обзор, выявили как согласованность, так и различия между медицинскими работниками в отношении личностных черт, стилей поведения и эмоционального интеллекта с различными последствиями для профессиональной практики и взаимодействия с пациентами (Louwen et al. 2023).

Изучение эмпатии у врачей и других сотрудников системы здравоохранения становится важным в рамках проблемы медицинской неопределенности. Показана особая роль эмпатии в профессионализации медицинских сестер, студентов медицинских вузов и врачей (Харисова 2012; Han 2021; Hojat et al. 2018). В нашем предыдущем исследовании мы изучали роль эмпатии в профессии врача. Было показано, что шкалы эмпатии связаны с позитивным отношением врачей к неопределенности, готовностью к риску при медицинских решениях. Выраженность личностных переменных в выборке врачей психиатров и врачей других специальностей не различалась, как и их восприятие риска при принятии решений (Крюкова, Корнилова 2022; Krasnov et al. 2021).

Имеется ряд исследований, касающихся изучения эмпатии у врачей-терапевтов, показана взаимосвязь эффективности их деятельности с уровнем развития эмпатии; в то же время для хирургов характерна обратная взаимосвязь: чем меньше эмпатия, тем выше эффективность их деятельности (Богачева 2013).

В российской психологии применяется ряд опросников оценки уровня эмпатии: Опросник эмоциональной эмпатии (Emotional Empathic Tendency Scale, EETS), Опросник когнитивной и аффективной эмпатии, ЭКА (Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy, QCAE). Используются методики диагностики уровня поликоммуникативной эмпатии И. М. Юсупова, эмпатических способностей В. В. Бойко, где эмпатия понимается как эмоционально-интуитивная форма отражения, которая является средством «вхождения» в пространство другого человека, используется также шкала эмпатического отклика А. Мехрабяна в модификации П. Эпштейна, которая позволяет проанализировать общие эмпатические тенденции (Райгородский 2001). Однако инструментов оценки эмпатии у сотрудников системы здравоохранения пока нет.

Поэтому нами был выбран для апробации опросник, который в русскоязычной версии мы назвали Джефферсоновский опросник эмпатии — ДОЭ (Jefferson Scale of Empathy) (Hojat et al. 2001). Этот инструмент специально разрабатывался для оценки медицинской эмпатии у сотрудников системы здравоохранения (врачей, психологов, младших медицинских работников). Эмпатия понимается здесь в контексте ухода за пациентом, как «некая когнитивная способность, которая включает в себя способность понимать боль, страдания и точку зрения пациента в сочетании с намерением помочь» (Hojat et al. 2001, 351). Джефферсоновский опросник эмпатии в своей оригинальной версии имеет три шкалы, которые мы перевели на русский язык под следующими названиями: шкала эмпатии «взятие ответственности» (подразумевается готовность взять медицинским работником ответственность за лечение и уход за пациентом, способствующие его выздоровлению); шкала «сострадательная забота» (подразумевается готовность заботиться о пациенте, испытывая сострадание); шкала «ощущение нахождения в роли пациента» (подразумевается способность медицинского работника почувствовать себя на месте пациента).

Нами обосновывается идея включенности эмпатии в многоуровневые иерархии личности на примере студентов медицинских и психологических вузов, что соотносится с представлением о многоуровневой и множественной регуляции решений человека на основе единого интеллектуально-личностного потенциала в отечественной психологии (Корнилова и др. 2010).

Целями исследования выступили: 1) апробация Джефферсоновского опросника эмпатии

(ДОЭ), включившая проверку его факторной структуры, оценку надежности и валидности в его русскоязычном варианте; 2) сравнительный анализ эмпатии у российских студентов медиков и психологов, а также врачей; 3) обоснование идеи включенности эмпатии в многоуровневые иерархии личности, регулируемые динамическими регулятивными системами.

Гипотезы исследования:

1. Джефферсоновский опросник эмпатии в русскоязычной адаптации имеет трехфакторную структуру, как и в исходной англоязычной версии.
2. Студенты-медики будут проявлять большую эмпатию, чем студенты другой специальности (психологи).
3. Врачи будут проявлять более высокую эмпатию, по сравнению со студенческими выборками.

Методы

Схема исследования включала этапы: 1. Прямой и обратный переводы Джефферсоновского опросника эмпатии тремя психологами, владеющими английским языком. 2. Проведение русскоязычной версии опросника ДОЭ на российских выборках для выявления его психометрических характеристик. 3. Проверка факторной структуры опросника двумя методами: эксплораторным факторным анализом (ЭФА) — для выявления количества факторов, соответствующего полученным эмпирическим данным, и конфирматорным факторным анализом (КФА) для проверки гипотез о лучшем соответствии эмпирических данных нескольким теоретическим моделям.

Выявление связей шкал опросника ДОЭ со шкалами опросника, выделяющего переменные когнитивной и аффективной эмпатии.

Участники исследования. Выборку для апробации опросника ДОЭ составили 355 человек; из них 125 человек студенты-медики — 41 мужчина и 84 женщины (M возраст = 24,6, SD = 5,2); 130 чел. студенты-психологи — 30 мужчин, 100 женщин (M возраст = 30,3, SD = 7,2); 100 врачей — 17 мужчин и 83 женщины (M возраст = 41,01, SD = 12,8).

Для дисперсионного анализа MANOVA использовалась в качестве контрольной группа студентов-психологов: 122 человека — 17 мужчин и 105 женщин (M возраст=21,5, SD=5, 5).

Методики предъявлялись индивидуально и в малых группах.

Психодиагностические методики:

- 1) Джефферсоновский опросник эмпатии (ДОЭ) (Jefferson Scale of Empathy) (Hojat, LaNoue 2014). Шкалы: «взятие ответственности», «сострадательная забота», «ощущение нахождения в роли пациента».
- 2) Опросник Черты эмоционального интеллекта (ЧЭИ) — Trait Emotional Intelligent Questionnaire» (кратко — TEIQue) (Petrides, Furnham 2001) в адаптации Е. А. Крюковой, М. А. Шестовой (Крюкова, Шестова 2020). Шкалы: «благополучие», «самоконтроль», «снижение эмоциональности» и «социальность».
- 3) Опросник на Когнитивную и Аффективную эмпатию (Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy (QCAE) в русскоязычной адаптации (Белоусова, Гейвандова 2021). Шкалы: «децентрация», «подстройка», «эмоциональная заразительность», «проксимальная чувствительность» и «периферическая чувствительность».

Факторная структура ДОЭ проверялась с помощью эксплораторного и конфирматорного факторного анализа в программах: SPSS, EQS 6.2 для Windows с использованием устойчивых (robust) характеристик. При обработке данных использовались методы описательной статистики и коэффициент корреляции Спирмена, многомерный дисперсионный анализ MANOVA.

Результаты

1. Психометрические характеристики Джефферсоновского опросника эмпатии (ДОЭ)

По результатам ЭФА было рекомендовано использовать 3 фактора. Однако при выполне-

нии КФА наилучшие результаты показала оригинальная трехфакторная модель (по сравнению с трехфакторной, предложенной ЭФА моделью) (табл.1) Показатели соответствия оригинальной трехфакторной модели $SBx2 = 610,7$; $df = 167$; $p < 0,005$, $CFI = 0,824$, $RMSEA = 0,071$.

Внутренняя согласованность (надежность) шкал удовлетворительная.

Коэффициент согласованности шкал опросника α -Кронбаха составил: $\alpha = 0,51$ для шкалы «взятие ответственности»; $\alpha = 0,57$ для шкалы «сострадательная забота», $\alpha = 0,59$ для шкалы «ощущение нахождения в роли пациента». В таблице 2 приведены показатели α Кронбаха для всех пунктов опросника. В приложении 2 дан бланк опросника ДОЭ.

2. Связи эмпатии по опросникам QCAE и ДОЭ

Установлены статистически значимые связи шкал QCAE и ДОЭ (табл.3), что свидетельствует о конвергентной валидности измерений эмпатии. Шкала «взятие ответственности» положительно связана со шкалами «эмоциональная заразительность» и «проксимальная чувствительность», а также со шкалой «ощущение нахождения в роли пациента» и общим баллом эмпатии по QCEI. «Ощущение нахождения в роли пациента» положительно связано с когнитивной эмпатией по QCEI. Общий индекс эмпатии по ДОЭ положительно связан с проксимальной чувствительностью по QCEI и общим баллом эмпатии по QCEI.

Исключение составляет лишь шкала «сострадательная забота», которая не образует значимых связей с другими шкалами.

Табл. 1. Показатели пригодности моделей

№	Название модели	SBx2	df	CFI	RMSEA	RMSEA95% CI	Альфа Кронбаха
1.	Оригинальная трехфакторная модель	610,7	167	0,824	0,071	0,065–0,078	0,433
2.	Трехфакторная модель по результатам ЭФА	746,3	167	0,770	0,082	0,076–0,078	0,628

Table 1. Model suitability indicators

No.	Models	SBx2	df	CFI	RMSEA	RMSEA95% CI	Cronbach's alpha
1.	Original three-factor model	610.7	167	0.824	0.071	0.065–0.078	0.433
2.	Three-factor model based on EFA results	746.3	167	0.770	0.082	0.076–0.078	0.628

Табл. 2. Показатели Альфа Кронбаха и факторные нагрузки для пунктов опросника ДОЭ

Название фактора	Пункт опросника	Альфа-Кронбаха при удалении пункта	Факторная нагрузка
Взятие ответственности	2. Пациент чувствует себя лучше, если мед. работник понимает его переживания	0,417	0,415
	4. Понимание языка тела пациента столь же важно, как и речевое общение во взаимоотношениях между медицинским работником и пациентом	0,434	0,409
	5. Наличие чувства юмора у мед. работника способствует улучшению результатов лечения	0,389	0,555
	9. Мед. работник должен попытаться поставить себя на место пациента в процессе лечения	0,385	0,631
	10. Пациенты ценят понимание мед. работником их чувств, что само по себе имеет лечебное воздействие	0,392	0,505
	13. Мед. работник должен постараться понять, что происходит в душе пациента, обращая внимание на его невербальные сигналы и язык тела	0,422	0,456
	15. Эмпатия — навык мед. работника, без которого успех лечения не может быть полным	0,413	0,702
	16. Понимание мед. работником эмоционального состояния больных и их родственников — важная составляющая взаимоотношений психолог — пациент	0,407	0,592
	17. Чтобы лечение было более эффективным, мед. работники должны стараться думать, как их пациенты	0,402	0,663
	20. Я полагаю, что эмпатия является важным лечебным фактором при оказании медицинской помощи	0,401	0,690
Сострадательная забота	1. Понимание мед. работником того, что чувствуют пациенты и их родные, не влияет на лечение	0,466	0,482
	7. Внимание к эмоциям пациента не имеет значения при сборе анамнеза	0,433	0,488
	8. Внимательность к личным ощущениям и переживаниям пациента не влияет на результат лечения	0,428	0,602
	11. Болезнь можно излечить только лекарством или хирургическим вмешательством, и поэтому эмоциональные связи с пациентами не играют существенной роли в исходах лечения	0,445	0,510
	12. Расспросы пациентов о том, что происходит в их личной жизни, не помогают понять их жалобы	0,439	0,580
	14. Я считаю, что эмоциям нет места в лечении заболевания	0,443	0,383
	18. Мед. работники не должны позволять крепким личным связям с пациентами или с их родными оказывать на себя влияние	0,447	0,539
	19. Я не получаю удовольствия от литературы и искусства, не связанных с медициной	0,439	0,254
Ощущение нахождения в роли пациента	3. Мед. работнику сложно смотреть на вещи с точки зрения пациента	0,403	0,698
	6. Поскольку все люди разные, мед. работнику сложно смотреть на вещи с точки зрения своего пациента	0,391	0,657

Table 2. Cronbach's Alpha indices and factor loadings for items of the Jefferson Scale of Empathy

Factor	Questionnaire item	Cronbach's alpha	Factor loading
Perspective Taking (JSE)	2. Patients feel better when their health care providers understand their feelings	0.417	0.415
	4. Understanding body language is as important as verbal communication in health care provider – patient relationships	0.434	0.409
	5. A health care provider's sense of humor contributes to a better clinical outcome	0.389	0.555
	9. Health care providers should try to stand in their patients' shoes when providing care to them	0.385	0.631
	10. Patients value a health care provider's understanding of their feelings which is therapeutic in its own right	0.392	0.505
	13. Health care providers should try to understand what is going on in their patients' minds by paying attention to their non-verbal cues and body language	0.422	0.456
	15. Empathy is a therapeutic skill without which a health care provider's success is limited	0.413	0.702
	16. Health care providers' understanding of the emotional status of their patients, as well as that of their families is one important component of the health care provider – patient relationship	0.407	0.592
	17. Health care providers should try to think like their patients in order to render better care	0.402	0.663
	20. I believe that empathy is an important factor in patients' treatment	0.401	0.690
Compassionate Care (JSE)	1. Health care providers' understanding of their patients' feelings and the feelings of their patients' families does not influence treatment outcomes	0.466	0.482
	7. Attention to patients' emotions is not important in patient interview	0.433	0.488
	8. Attentiveness to patients' personal experiences does not influence treatment outcomes	0.428	0.602
	11. Patients' illnesses can be cured only by targeted treatment; therefore, health care providers' emotional ties with their patients do not have a significant influence in treatment outcomes	0.445	0.510
	12. Asking patients about what is happening in their personal lives is not helpful in understanding their physical complaints	0.439	0.580
	14. I believe that emotion has no place in the treatment of medical illness	0.443	0.383
	18. Health care providers should not allow themselves to be influenced by strong personal bonds between their patients and their family members	0.447	0.539
	19. I do not enjoy reading non-medical literature or the arts	0.439	0.254
Walking in Patient's Shoes (JSE)	3. It is difficult for a health care provider to view things from patients' perspectives	0.403	0.698
	6. Because people are different, it is difficult to see things from patients' perspectives	0.391	0.657

Табл. 3. Корреляции шкал Джефферсоновского опросника эмпатии со шкалами опросника когнитивной и аффективной эмпатии QCEI

Шкалы опросников ДОЭ и QCEI	Эмоциональная заразительность	Когнитивная эмпатия	Общий балл эмпатии	Проксимальная чувствительность
Взятие ответственности	0,203*	0,150	0,190*	0,178*
Ощущение нахождения в роли пациента	0,121	0,183*	0,143	0,135
Общий индекс эмпатии	0,117	0,130	0,203*	0,218*

Примечание: ** — $p < 0,01$ * — $p < 0,05$. Применялся коэффициент r Спирмена. По шкале «сострадательная забота» значимых корреляций не выявлено.

Table 3. Correlations of the Jefferson Scale of Empathy (JSE) with the Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy (QCAE)

Scales of JSE and QCAE	Emotion Contagion	Cognitive empathy	Total empathy score	Proximal responsivity
Perspective Taking (JSE)	0.203*	0.150	0.190*	0.178*
Walking in Patient's Shoes (JSE)	0.121	0.183*	0.143	0.135
General empathy index (JSE)	0.117	0.130	0.203*	0.218*

Note: **— $p < 0.01$; *— $p < 0.05$. Spearman's rank correlation coefficient was used. No significant correlation with scale «compassionate care»

3. Сравнение параметров эмпатии у студентов психологов, студентов-медиков и врачей

По результатам многомерного дисперсионного анализа MANOVA по зависимым переменным «сострадательная забота» и «ощущение нахождения в роли пациента», а также «общий индекс эмпатии», принадлежность к группе оказывает влияние на шкалы эмпатии ($p < 0,005$).

Как видно из таблицы 4, у студентов-психологов по шкале «сострадательная забота» показатели эмпатии выше, чем у студентов-медиков ($p = 0,001$).

Студенты-психологи по шкале «сострадательная забота» отличаются от врачей ($p = 0,004$), у студентов-психологов показатель выше. У студентов-психологов, в отличие от врачей, выше и «ощущение нахождения в роли пациента».

Студенты-психологи характеризуются и более высоким «общим индексом эмпатии» ($p = 0,001$) по сравнению со студентами-медиками и врачами.

Обсуждение результатов

Исследование продемонстрировало удовлетворительные показатели валидности нового методического инструмента — опросника эм-

патии Джефферсона (Jefferson Scale of Empathy). Мы можем использовать опросник ДОЭ в контексте изучения эмпатии у сотрудников системы здравоохранения. Как показали результаты апробации опросника ДОЭ, на российской выборке по результатам ЭФА также выделилась трехфакторная структура, однако в результате дальнейшей проверки КФА оригинальная модель с тремя факторами показывает более высокие психометрические характеристики. Итак, на русскоязычной выборке воспроизводится его оригинальная трехфакторная структура, включающая факторы «взятие ответственности», «сострадательная забота», «ощущение нахождения в роли пациента». Показатель α Кронбаха, свидетельствующий о согласованности пунктов опросника, низкий, однако значения иных показателей пригодности модели удовлетворительные, поэтому мы можем говорить о валидности данного инструмента измерения и возможности его использования, однако, не отрицая, что требуются дополнительные данные, полученные на более дифференцированных подгруппах сотрудников здравоохранения.

Шкалы эмпатии по опросникам когнитивной и аффективной эмпатии (QCAE) и Джефферсоновскому опроснику (ДОЭ) характеризуют схожий конструкт эмпатии, что говорит

Табл. 4. Сравнение выборочных средних результатов показателей эмпатии подгрупп студентов-медиков, студентов-психологов и врачей (n = 355).

Выборка / Шкалы	Врачи	Студенты-медики	Студенты-психологи
Шкала ДОЭ Сострадательная забота	42,79	43,06	45,45
Шкала ДОЭ Ощущение нахождения в роли пациента	8,47	9,23	10,18
Шкала ДОЭ Общий индекс эмпатии	105,15	106,52	111,67

Примечание: По шкале «взятие ответственности» значимых различий не выявлено.

Table 4. Comparison of average results of empathy indicators in the groups of medical students, psychology students and doctors (n = 355)

Sample / Scales	Doctors	Medical students	Psychology students
Compassionate Care (JSE)	42.79	43.06	45.45
Walking in Patient's Shoes (JSE)	8.47	9.23	10.18
General empathy index (JSE)	105.15	106.52	111.67

Note: no significant differences were found on the scale «perspective taking»

о конвергентной валидности шкал опросников. Однако шкала «сострадательная забота» по ДОЭ, понимаемая как готовность медицинского работника заботиться о пациенте, испытывая сострадание, не получила положительной связи ни с одной шкалой QCAE, т. е. может рассматриваться как специфичный аспект эмпатии медицинского работника.

Сравнение средних показателей эмпатии у студентов-психологов, студентов-медиков и врачей показали значимые различия по таким параметрам эмпатии медицинских сотрудников, как «сострадательная забота» к пациенту и способность к «ощущению нахождения в роли пациента», а также «общий индекс эмпатии».

Студенты-психологи по шкале «сострадательная забота» и «общему индексу эмпатии» отличаются и от студентов-медиков, и врачей, у студентов-психологов показатели эмпатии выше. Поэтому отвергается гипотеза 2, о том, что студенты-медики будут проявлять большую эмпатию, чем другие группы испытуемых. Отвергается и гипотеза 3 о более высокой эмпатии у врачей. Это соотносится с данными, что, во-первых, с возрастом эмпатия снижается: врачи были более старшей группой (Корнилова 2022b). Для врачей снижающим эмпатию фактором, видимо, становится и профессиональное выгорание. Во-вторых, есть данные, что при обучении в медицинском вузе, начиная с 3-го курса, эмпатия у студентов снижается (Hojat et al.

2018). Это является основанием поддержки развития этого свойства у медицинских работников, так как многое в эффективности лечения пациента зависит от врачебной интуиции, эмпатии, сопереживания и рефлексии (Басин 1987; Билибин, Царегородцев 1973).

Выводы

1. Опросник ДОЭ, который апробирован на русскоязычной выборке, демонстрирует удовлетворительные психометрические свойства. Рекомендуются трехфакторная структура, сходная с англоязычной версией: «взятие ответственности», «сострадательная забота», «ощущение нахождения в роли пациента».

2. Верифицировано предположение о том, что самоотчетные методики QCAE и ДОЭ схватывают сходный конструкт эмпатии, однако эмпатия у сотрудников системы здравоохранения, на наш взгляд, может трактоваться более широко, и включать дополнительные характеристики, как когнитивной, так и эмоционально-личностной сферы. Это соотносится с идеей включенности эмпатии в многоуровневые динамические регулятивные системы личности.

3. Принадлежность к группе оказывает влияние на параметры эмпатии у студентов-психологов, студентов-медиков и врачей. Студенты-психологи проявляют большую эмпатию, чем студенты-медики и практикующие врачи.

Бланк Джефферсоновского опросника эмпатии (ДОЭ)

Инструкция: пожалуйста, обведите в кружок то число (от 1 до 7), которое наиболее всего соответствует степени Вашего согласия или не согласия с приведенными ниже утверждениями. Не размышляйте долго над тем или иным высказыванием. Работайте быстро и точно насколько это возможно. Здесь нет правильного и неправильного ответа. Для каждого утверждения отметьте только один ответ.

1.....2.....3.....4.....5.....6.....7
Абсолютно не согласен **Абсолютно согласен**

п/п	Вопрос	1	2	3	4	5	6	7
1	Понимание мед. работником того, что чувствуют пациенты и их родные, не влияет на лечение							
2	Пациент чувствует себя лучше, если мед. работник понимает его переживания							
3	Мед. работнику сложно смотреть на вещи с точки зрения пациента							
4	Понимание языка тела пациента столь же важно, как и речевое общение во взаимоотношениях между мед. работником и пациентом							
5	Наличие чувства юмора у мед. работника способствует улучшению результатов лечения							
6	Поскольку все люди разные, мед. работнику сложно смотреть на вещи с точки зрения своего пациента							
7	Внимание к эмоциям пациента не имеет значения при сборе анамнеза							
8	Внимательность к личным ощущениям и переживаниям пациента не влияет на результат лечения							
9	Мед. работник должен попытаться поставить себя на место пациента в процессе лечения							
10	Пациенты ценят понимание мед. работником их чувств, что само по себе имеет лечебное воздействие							
11	Болезнь можно излечить только лекарством или хирургическим вмешательством, и поэтому эмоциональные связи с пациентами не играют существенной роли в исходах лечения							
12	Расспросы пациентов о том, что происходит в их личной жизни, не помогают понять их жалобы							
13	Мед. работник должен постараться понять, что происходит в душе пациента, обращая внимание на его невербальные сигналы и язык тела							
14	Я считаю, что эмоциям нет места в лечении заболевания							
15	Эмпатия — навык мед. работника, без которого успех лечения не может быть полным							
16	Понимание мед. работником эмоционального состояния больных и их родственников — важная составляющая взаимоотношений психолог–пациент							
17	Чтобы лечение было более эффективным, мед. работники должны стараться думать, как их пациенты							
18	Мед. работники не должны позволять оказывать на себя влияние крепким личным связям с пациентами или с их родными							
19	Я не получаю удовольствия от литературы и искусства, не связанных с медициной							
20	Я полагаю, что эмпатия является важным лечебным фактором при оказании медицинской помощи							

Ключ к методике ДОЭ:

Для подсчета баллов необходимо присвоить значения каждому пункту опросника от 1 до 7.

Пункты опросника, соответствующие шкалам:

1. Шкала эмпатии: «Взятие ответственности»: 2, 4, 5, 9, 10, 13, 15, 16, 17, 20
2. Шкала эмпатии: «Сострадательная забота»: 1*, 7*, 8*, 11*, 12*, 14*, 18*, 19*
3. Шкала эмпатии «Ощущение нахождения в роли пациента»: 3*, 6*
4. Общий индекс эмпатии: сумма баллов по всем пунктам опросника.

* оцениваются в обратном порядке (1 — полностью согласен; 7 — категорически не согласен)

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Автор сообщает, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The author declares that the study complies with all ethical principles applicable to human and animal research.

Благодарности

Автор выражает благодарность коллегам, которые предоставили часть данных тестирования: доктору психологических наук Т. В. Корниловой, кандидату психологических наук Ю. В. Красавцевой.

Acknowledgements

The author expresses gratitude to colleagues who provided part of the testing data: T. V. Kornilova, Doctor of Sciences (Psychology); Yu. V. Krasavtseva, Candidate of Sciences (Psychology).

Литература

- Басин, Е. Я. (1987) Творчество и эмпатия. *Вопросы философии*, № 2, с. 54–66.
- Белоусова, А. И., Гейвандова, М. Р. (2021) Когнитивная и аффективная эмпатия: Апробация опросника на российской выборке. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*, № 2, с. 6–20. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-2-6-20>
- Билибин, А. Ф., Царегородцев, Г. И. (1973) *О клиническом мышлении*. М.: Медицина, 168 с.
- Богачева, О. Ю. (2013) Эмпирическое исследование проблемы влияния эмпатии на деятельность врачей (на примере врачей-терапевтов и врачей-хирургов). *Психология и Психотехника*, т. 2, № 53, с. 196–202. EDN: QAEKOF
- Карягина, Т. Д., Иванова, А. В. (2013) Эмпатия как способность: Структура и развитие в ходе обучения психологическому консультированию. *Консультативная психология и психотерапия*, т. 4, № 79, с. 182–207. EDN: RPJZOT
- Корнилова, Т. В. (2022а) Единство интеллекта и аффекта в множественной регуляции эмпатии. *Национальный психологический журнал*, т. 1, № 45, с. 94–103. <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0108>
- Корнилова, Т. В. (2022б) Эмпатия в структурах интеллектуально-личностного потенциала: единство интеллекта и аффекта. *Психологический журнал*, т. 43, № 3, с. 57–68. <https://doi.org/10.31857/S020595920020496-1>
- Корнилова, Т. В., Чжоу, Ц. (2021) Эмпатия и имплицитные теории эмоций и личности (на китайской выборке). *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, № 1, с. 108–133. <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.05>
- Корнилова, Т. В., Чумакова, М. А., Корнилов, С. А., Новикова, М. А. (2010) *Психология неопределенности: Единство интеллектуально-личностного потенциала человека*. М.: Смысл, 334 с.
- Крюкова, Е. А., Корнилова, Т. В. (2022) Эмпатия и отношение к неопределенности и риску у российских врачей. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, т. 12, № 3, с. 24–34. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.306>
- Крюкова, Е. А., Шестова, М. А. (2020) Эмоциональный интеллект в структуре интеллектуально-личностного потенциала человека: черта или способность? (адаптация краткой версии опросника TEIQue-SF). *Национальный психологический журнал*, т. 4, № 40, с. 18–30. EDN: RPGYEH
- Павлова, Е. М., Корнилова, Т. В., Красавцева, Ю. В., Богачева, Н. В. (2019) Личностный профиль и регуляция принятия решений лицами медицинских специальностей: От студента до практикующего врача. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*, № 2, с. 97–115. EDN: ORUZDU
- Райгородский, Д. Я. (ред.). (2001) *Практическая психодиагностика. Методики и тесты*. Самара: Бахрах-М, 672 с.

- Харисова, Р. Р. (2012) Сравнительный анализ личностных особенностей и типов эмпатии как профессиональных качеств врачей-психиатров и психиатров-психотерапевтов. *Психология и Психотехника*, т. 6, № 45, с. 39–43. EDN: [QAEJQI](https://doi.org/10.2466/08.02.PR0.117c23z6)
- Braun, S., Rosseel, Y., Kempnaers, C. et al. (2015) Self-report of empathy: A shortened French adaptation of the Interpersonal Reactivity Index (IRI) using two large Belgian samples. *Psychological Reports*, vol. 117, no. 3, pp. 735–753. <https://doi.org/10.2466/08.02.PR0.117c23z6>
- Decety, J., Jackson, P. L. (2004) The functional architecture of human empathy. *Behavioral and Cognitive Neuroscience Reviews*, vol. 3, no. 2, pp. 71–100. <https://doi.org/10.1177/1534582304267187>
- Han, P. K. J. (2021) Medical uncertainty: Putting flesh on the bones. *Patient Education and Counseling*, vol. 104, no. 11, pp. 2603–2605. <https://doi.org/10.1016/j.pec.2021.09.001>
- Hojat, M., DeSantis, J., Shannon, S. C. et al. (2018) The Jefferson scale of empathy: A nationwide study of measurement properties, underlying components, latent variable structure, and national norms in medical students. *Advances in Health Sciences Educational*, vol. 23, no. 5, pp. 899–920. <https://doi.org/10.1007/s10459-018-9839-9>
- Hojat, M., LaNoüe, M. (2014) Exploration and confirmation of the latent variable structure of the Jefferson scale of empathy. *International Journal of Medical Education*, vol. 20, no. 5, pp. 73–81. <https://doi.org/10.5116/ijme.533f.0c41>
- Hojat, M., Mangione, S., Nasca, T. J. et al. (2001) The Jefferson Scale of Physician Empathy: Development and Preliminary Psychometric Data. *Educational and Psychological Measurement*, vol. 61, no. 2, pp. 349–365. <https://doi.org/10.1177/00131640121971158>
- Kornilova, T., Pavlova, E., Krasavtseva, Y. (2021) The relationship between risk, the dark triad traits, and empathy. *European Psychiatry*, vol. 64, no. 1, pp. 440–441. <https://doi.org/10.1192/j.eurpsy.2021.1175>
- Kornilova, T., Zhou, Q. (2021) Cross-cultural comparison of relationships between empathy and implicit theories of emotions (in Chinese and Russians). *Behavioral Sciences*, vol. 11, no. 10, article 137. <https://doi.org/10.3390/bs11100137>
- Krasnov, E., Kryukova, E., Kotlovskiy, M. (2021) Empathy and personality traits of medical doctors working in the COVID-19 pandemic. *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, vol. 18, no. 2, pp. 287–296. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-2-287-296>
- Lamm, C., Bukowski, H., Silani, G. (2016) From shared to distinct self–other representations in empathy: Evidence from neurotypical function and socio-cognitive disorders. *Philosophical Transactions of the Royal Society. Biological Sciences*, vol. 371, no. 1686, article 20150083. <https://doi.org/10.1098/rstb.2015.0083>
- Louwen, C., Reidlinger, D., Milne, N. (2023) Profiling health professionals' personality traits, behaviour styles and emotional intelligence: A systematic review. *BMC Medical Education*, vol. 23, no. 1, article 120. <https://doi.org/10.1186/s12909-023-04003-y>
- Petrides, K. V., Furnham, A. (2001) Trait emotional intelligence: Psychometric investigation with reference to established trait taxonomies. *European Journal of Personality*, vol. 15, no. 6, pp. 425–448. <https://doi.org/10.1002/per.416>

References

- Basin, E. Ya. (1987) Tvorchestvo i empatiya [Creativity and empathy]. *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 54–66. (In Russian)
- Belousova, A. I., Gejvandova, M. R. (2021) Kognitivnaya i affektivnaya empatiya: aprobatsiya oprosnika na rossijskoj vyborke [Cognitive and affective empathy: Approbation of the questionnaire on a Russian sample]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki—Bulletin of the Moscow State Region University. Series: Psychology*, no. 2, pp. 6–20. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-2-6-20> (In Russian)
- Bilibin, A. F., Tsaregorodtsev, G. I. (1973) *O klinicheskom myshlenii [About clinical thinking]*. Moscow: Meditsina Publ., 168 p. (In Russian)
- Bogacheva, O. Yu. (2013) Empiricheskoe issledovanie problemy vliyaniya empatii na deyatelnost' vrachej (na primere vrachej-terapevtov i vrachej-khirurgov) [An empirical study of the problem of the influence of empathy on the activities of doctors (using the example of internists and surgeons)]. *Psikhologiya i Psikhotehnika — Psychology and Psychotechnics*, vol. 2, no. 53, pp. 196–202. EDN: [QAEKQF](https://doi.org/10.2466/08.02.PR0.117c23z6) (In Russian)
- Braun, S., Rosseel, Y., Kempnaers, C. et al. (2015) Self-report of empathy: A shortened French adaptation of the Interpersonal Reactivity Index (IRI) using two large Belgian samples. *Psychological Reports*, vol. 117, no. 3, pp. 735–753. <https://doi.org/10.2466/08.02.PR0.117c23z6> (In English)
- Decety, J., Jackson, P. L. (2004) The functional architecture of human empathy. *Behavioral and Cognitive Neuroscience Reviews*, vol. 3, no. 2, pp. 71–100. <https://doi.org/10.1177/1534582304267187> (In English)
- Han, P. K. J. (2021) Medical uncertainty: Putting flesh on the bones. *Patient Education and Counseling*, vol. 104, no. 11, pp. 2603–2605. <https://doi.org/10.1016/j.pec.2021.09.001> (In English)
- Hojat, M., DeSantis, J., Shannon, S. C. et al. (2018) The Jefferson scale of empathy: A nationwide study of measurement properties, underlying components, latent variable structure, and national norms in medical students. *Advances in Health Sciences Educational*, vol. 23, no. 5, pp. 899–920. <https://doi.org/10.1007/s10459-018-9839-9> (In English)

- Hojat, M., LaNoue, M. (2014) Exploration and confirmation of the latent variable structure of the Jefferson scale of empathy. *International Journal of Medical Education*, vol. 20, no. 5, pp. 73–81. <https://doi.org/10.5116/ijme.533f.0c41> (In English)
- Hojat, M., Mangione, S., Nasca, T. J. et al. (2001) The Jefferson Scale of Physician Empathy: Development and Preliminary Psychometric Data. *Educational and Psychological Measurement*, vol. 61, no. 2, pp. 349–365. <https://doi.org/10.1177/00131640121971158> (In English)
- Kane, G. C., Gotto, J. L., Mangione, S. et al. (2007) Jefferson scale of patient's perceptions of physician empathy: Preliminary psychometric data. *Croatian Medical Journal*, vol. 48, no. 1, pp. 81–86. PMID: 17309143 (In English)
- Karyagina, T. D., Ivanova, A. V. (2013) Empatiya kak sposobnost': Struktura i razvitie v khode obucheniya psikhologicheskomu konsul'tirovaniyu [Empathy as an ability: Structure and development in the process psychological counseling training]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya — Counseling Psychology and Psychotherapy*, vol. 4, no. 79, pp. 182–207. EDN: RPJZOT (In Russian)
- Kharisova, R. R. (2012) Sravnitel'nyy analiz lichnostnykh osobennostej i tipov empatii kak professional'nykh kachestv vrachej-psikhiatrov i psikhiatrov-psikhoterapevtov [Comparative analysis of personality traits and types of empathy as professional qualities of psychiatrists and psychiatrists-psychotherapists]. *Psikhologiya i Psikhotehnika — Psychology and Psychotechnics*, vol. 6, no. 45, pp. 39–43. EDN: QAEJQJ (In Russian)
- Kornilova, T. V. (2022a) Edinstvo intellekta i affekta v mnozhestvennoj regulyatsii empatii [The unity of intelligence and affect in multidimensional regulation of empathy]. *Natsional'nyj psikhologicheskij zhurnal— National Psychological Journal*, vol. 1, no. 45, pp. 94–103. <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0108> (In Russian)
- Kornilova, T. V. (2022b) Empatiya v strukturakh intellektual'no-lichnostnogo potentsiala: edinstvo intellekta i affekta [Empathy in intellectual and personal potential structure: Intelligence and affect unity]. *Psikhologicheskij zhurnal*, vol. 43, no. 3, pp. 57–68. <https://doi.org/10.31857/S020595920020496-1> (In Russian)
- Kornilova, T. V., Chumakova, M. A., Kornilov, S. A., Novikova, M. A. (2010) *Psikhologiya neopredelennosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnogo potentsiala cheloveka [The psychology of uncertainty: The unity of the intellectual and personal potential of a person]*. Moscow: Smysl Publ., 334 p. (In Russian)
- Kornilova, T., Pavlova, E., Krasavtseva, Y. (2021) The relationship between risk, the dark triad traits, and empathy. *European Psychiatry*, vol. 64, no. 1, pp. 440–441. <https://doi.org/10.1192/j.eurpsy.2021.1175> (In English)
- Kornilova, T. V., Zhou, Q. (2021) Empatiya i implitsitnye teorii emotsij i lichnosti (na kitajskoj vyborke) [Empathy and implicit theories of emotions and personality in a Chinese sample]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya — Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology*, no. 1, pp. 108–133. <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.05> (In Russian)
- Kornilova, T., Zhou, Q. (2021) Cross-cultural comparison of relationships between empathy and implicit theories of emotions (in Chinese and Russians). *Behavioral Sciences*, vol. 11, no. 10, article 137. <https://doi.org/10.3390/bs11100137> (In English)
- Krasnov, E., Kryukova, E., Kotlovskiy, M. (2021) Empathy and personality traits of medical doctors working in the COVID-19 pandemic. *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, vol. 18, no. 2, pp. 287–296. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-2-287-296> (In English)
- Kryukova, E. A., Kornilova, T. V. (2022) Empatiya i otnoshenie k neopredelennosti i risku u rossijskikh vrachej [Empathy and attitude to uncertainty and risk-readiness in Russian doctors]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya — Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, vol. 12, no. 3, pp. 24–34. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.306> (In Russian)
- Kryukova, E. A., Shestova, M. A. (2020) Emotsional'nyy intellekt v strukture intellektual'no-lichnostnogo potentsiala cheloveka: cherta ili sposobnost'? (adaptatsiya kratkoj versii oprosnika TEIQue-SF) [Emotional intelligence in the structure of a person's intellectual and personal potential: Trait or ability? (adaptation of the short version of the TEIQue-SF questionnaire)]. *Natsional'nyj psikhologicheskij zhurnal — National Psychological Journal*, vol. 4, no. 40, pp. 18–30. EDN: RPGYEH (In Russian)
- Lamm, C., Bukowski, H., Silani, G. (2016) From shared to distinct self–other representations in empathy: Evidence from neurotypical function and socio-cognitive disorders. *Philosophical Transactions of the Royal Society. Biological Sciences*, vol. 371, no. 1686, article 20150083. <https://doi.org/10.1098/rstb.2015.0083> (In English)
- Louwen, C., Reidlinger, D., Milne, N. (2023) Profiling health professionals' personality traits, behaviour styles and emotional intelligence: A systematic review. *BMC Medical Education*, vol. 23, no. 1, article 120. <https://doi.org/10.1186/s12909-023-04003-y> (In English)
- Pavlova, E. M., Kornilova, T. V., Krasavtseva, Yu. V., Bogacheva, N. V. (2019) Lichnostnyj profil' i regulyatsiya prinyatiya reshenij litsami meditsinskikh spetsial'nostej: Ot studenta do praktikuyushchego vracha [Personal profile and decision-making regulation in medical specialties: From a student to a medical practitioner]. *Vestnik RGGU. Seriya "Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie" — RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 2, pp. 97–115. EDN: ORUZDU (In Russian)
- Petrides, K. V., Furnham, A. (2001) Trait emotional intelligence: Psychometric investigation with reference to established trait taxonomies. *European Journal of Personality*, vol. 15, no. 6, pp. 425–448. <https://doi.org/10.1002/per.416> (In English)
- Rajgorodskij, D. Ya. (ed.). (2001) *Prakticheskaya psikhodiagnostika. metodiki i testy [Practical psychodiagnosics. methods and tests]*. Samara: Bakhrakh-M Publ., 672 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Екатерина Андреевна Крюкова, магистр психологии, ассистент кафедры Педагогика и медицинской психологии Института психолого-социальной работы, Первого МГМУ им. И. М. Сеченова (Сеченовский университет).
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
ORCID: [0000-0002-9845-8575](https://orcid.org/0000-0002-9845-8575), e-mail: Krukova.k@gmail.com

Author

Ekaterina A. Kryukova, Master of Psychology, Assistant of the Department of Pedagogy and Medical Psychology, Institute of Psychological and Social Work, First Moscow State Medical University (Sechenov University). Lomonosov Moscow State University
ORCID: [0000-0002-9845-8575](https://orcid.org/0000-0002-9845-8575), e-mail: Krukova.k@gmail.com

Check for updates

Психологические технологии
в образовании

УДК 159.9.072.59

EDN ZAIIBA

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-237-249>

Научная статья

Сокращенная версия опросника застенчивости: надежность, валидность, факторная структура

В. П. Шейнов ^{✉1}, А. С. Девицын ²

¹ Республиканский институт высшей школы, 220001, Республика Беларусь,
г. Минск, ул. Московская, д. 15

² Белорусский государственный университет, 220030, Республика Беларусь,
г. Минск, пр. Независимости, д. 4

Для цитирования: Шейнов, В. П., Девицын, А. С. (2024) Сокращенная версия опросника застенчивости: надежность, валидность, факторная структура. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 2, с. 237–249. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-237-249> EDN ZAIIBA

Получена 13 марта 2024; прошла рецензирование 17 марта 2024; принята 22 марта 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © В. П. Шейнов, А. С. Девицын (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация

Введение. Застенчивость является одним из самых сильных предикторов формирования зависимости от социальных сетей, что делает изучение застенчивости особенно актуальным. В исследованиях активно используется опросник застенчивости, адаптированный для русскоязычного социума А. Б. Белоусовой и И. М. Юсуповым (Белоусова, Юсупов 2005). Относительно давно разработанных опросников сложилось убеждение, что их нужно перепроверить, поскольку ответы респондентов сегодня могут значительно отличаться от ответов их предшественников, на которых создавались эти опросники. Актуальна и установка на сокращение опросников, поскольку большие опросники вызывают трудности в сборе материалов и худшее качество получаемых ответов. Цели исследования: 1) разработка сокращенной версии опросника застенчивости; 2) построение факторной модели застенчивости.

Материалы и методы. Исходные данные собраны посредством онлайн-опроса 3360 респондентов, в том числе 2739 из Беларуси и 621 из России (средний возраст $M = 19,4$, $SD = 5,6$), среди них 2239 женщин ($M = 19,7$, $SD = 6,0$) и 1121 мужчин ($M = 19,1$, $SD = 4,7$). В исследовании использованы опросники: застенчивости, адаптированный А. Б. Белоусовой и И. М. Юсуповым (Белоусова, Юсупов 2005), зависимости от смартфона (автор В. П. Шейнов) (Шейнов 2020), зависимости от социальных сетей (авторы В. П. Шейнов, А. С. Девицын) (Шейнов, Девицын 2021), ассертивности (автор В. П. Шейнов) (Шейнов 2014), Шкала удовлетворенности жизнью (авторы Е. Н. Осин и Д. А. Леонтьев) (Осин, Леонтьев 2008), опросник самооценки Р. В. Овчаровой (Овчарова 1996), Шкала самоуважения М. Розенберга в адаптации А. А. Золотаревой (Золотарева 2020).

Результаты исследования. Сконструирована состоящая из 12 вопросов сокращенная версия опросника застенчивости. Сокращенная версия опросника удовлетворяет основным критериям валидности и надежности и обладает лучшими психометрическими характеристиками, нежели его исходная версия. Построена состоятельная 3-факторная модель застенчивости, позволяющая исследовать роль формирующих ее факторов во взаимосвязях застенчивости с другими характеристиками личности.

Выводы. Практическая значимость исследования заключается в том, что сокращенная версия опросника застенчивости позволяет проводить исследования с помощью более удобного инструмента с лучшими психометрическими характеристиками. Теоретическое значение данного исследования включает возможность изучения роли факторов, формирующих застенчивость индивида. В Приложении приведена сокращенная версия опросника застенчивости.

Ключевые слова: опросник застенчивости, сокращенная версия опросника, психометрические характеристики, застенчивость, факторная модель застенчивости

Research article

The short version of the Shyness Questionnaire: Reliability, validity and factor structure

V. P. Sheinov ¹, A. S. Dziavitsyn²

¹ Republican Institute of Higher Education, 15 Moscovskaya Str., Minsk 220001, Belarus

² Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Ave., Minsk 220030, Belarus

For citation: Sheinov, V. P., Dziavitsyn, A. S. (2024) The short version of the Shyness Questionnaire: Reliability, validity and factor structure. *Psychology in Education*, vol. 6, no. 2, pp. 237–249. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-237-249> EDN ZAIIBA

Received 13 March 2024; reviewed 17 March 2024; accepted 22 March 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © V. P. Sheinov, A. S. Dziavitsyn (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract

Introduction. Shyness is one of the strongest predictors of social media addiction, which makes shyness an important research object. Currently, scholars actively use the Shyness Questionnaire adapted for Russian-speaking society by A. Belousova and I. Yusupov (Belousova, Yusupov 2005). There is a common view that long-established questionnaires need to be re-validated, as the answers of today's respondents may differ significantly from the answers of the respondents at the time when those questionnaires were created. It is also relevant to make questionnaires shorter, as large questionnaires cause difficulties in collecting materials and yield lesser quality answers. This study has the following objectives: 1) developing a short version of the Shyness Questionnaire, and 2) constructing a shyness factor model.

Materials and Methods. Empirical data for the study were collected through an online survey of 3360 respondents: 2739 respondents from Belarus and 621 respondents from Russia (average age $M = 19.4$, $SD = 5.6$), among them 2239 women ($M = 19.7$, $SD = 6.0$) and 1121 men ($M = 19.1$, $SD = 4.7$). The study used the following questionnaires: the Shyness Questionnaire adapted by A. Belousova and I. Yusupov (Belousova, Yusupov 2005), the Smartphone Addiction Questionnaire by V. Sheinov (Sheinov 2020), the Social Network Addiction Questionnaire by V. Sheinov and A. Dziavitsyn (Sheinov, Dziavitsyn 2021), the Assertiveness Questionnaire by V. Sheinov (Sheinov 2014), the Life Satisfaction Scale by E. Osin and D. Leontyev (Osin, Leontyev 2008), the Self-Esteem Questionnaire by R. Ovcharova (Ovcharova 2003), and the Rosenberg Self-Esteem Scale adapted by A. Zolotareva (Zolotareva 2020).

Results. We created a short 12-question version of the Shyness Questionnaire. This version satisfies the basic criteria of validity and reliability and has better psychometric properties than the original questionnaire. We also constructed a consistent three-factor model of shyness, which makes it possible to study the role of its factors and the relationship between shyness and other personality traits.

Conclusions. The short version of the Shyness Questionnaire makes it possible to conduct research using a more convenient instrument with better psychometric properties. The theoretical application of the results is that they make it possible to research the role of the factors that shape an individual's shyness. A shortened version of the Shyness Questionnaire is provided in the Appendix.

Keywords: shyness questionnaire, short version of questionnaire, psychometric properties, shyness, reliability, validity, factor model

Введение

Последние годы в психологическом сообществе утвердилась идея о необходимости перепроверки опросников, разработанных достаточно давно. Причиной этого явилось обоснованное опасение, что нынешнее поколение разительно отличается от тех респондентов, на ответах которых много лет назад создавались эти инструменты, поэтому и ответы современных

респондентов могут значительно отличаться от ответов их давних предшественников.

В большой степени сказанное относится к опросникам, диагностирующим застенчивость, поскольку значительное время, проводимое сегодня пользователями в социальных сетях, коррелирует с застенчивостью. Более того, в ряде публикаций показано, что застенчивость является одним из самых сильных предикторов формирования зависимости от социальных

сетей (Iranmanesh et al. 2021; Kulkarni, Deshpande 2019; Tian et al. 2021).

Чаще всего пользователи выходят в Сеть через смартфон, между зависимостью от социальных сетей и зависимостью от смартфона имеет место высоко-значимая положительная связь, поэтому не удивительно, что застенчивость и зависимость от смартфона также положительно связаны (Aktaş, Yılmaz 2017; Han et al. 2017; Li et al. 2022; Meena et al. 2021).

Причина указанных взаимосвязей состоит в том, что застенчивые люди испытывают в реальной жизни значительные трудности в установлении межличностных контактов, поэтому знакомства в онлайн являются для них предпочтительными, что и приводит к зависимости от социальных сетей и зависимости от смартфона. Однако пребывание в социальных сетях не способствует уменьшению застенчивости, скорее наоборот, поскольку социальные сети — это своеобразная «ярмарка тщеславия», в которой застенчивые люди постоянно видят чужие успехи, настойчиво афишируемые многими ее участниками, а это негативно сказывается на их самооценке, что еще больше усиливает состояние нервно-психического напряжения. То есть связь между застенчивостью и зависимостью от социальных сетей является взаимной.

Застенчивость определяется Оксфордским словарем как состояние стеснения в присутствии других людей (Oxford Learner's Dictionaries 2000). В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова застенчивость представляется как склонность к стыдливому и робкому поведению в общении (Ожегов 2012). Согласно «Психологическому словарю», «застенчивость — состояние нервно-психического напряжения, отличающееся разнообразными нарушениями в сфере вегетатики, психомоторики, речевой деятельности, эмоциональных, волевых, мыслительных процессов и рядом специфических изменений самосознания, которое возникает у человека, постоянно испытывающего трудности в определенных ситуациях межличностного неформального общения, и является его личностным свойством» (Зинченко, Мещеряков 2006, 325).

В настоящее время актуальна установка на сокращение количества заданий в опросниках, поскольку (как показали исследования), чем больше вопросов, тем хуже качество получаемых ответов, как при тестировании в офлайне, так и в онлайн (Galesic, Bosnjak 2009; Herzog, Bachman 1981). В соответствии с вышесказанным, целью данного исследования является разработка сокращенной версии опросника застенчивости для русскоязычных испытуемых, доказательство

ее надежности и валидности и построение факторной модели застенчивости. Наличие факторной модели застенчивости позволит исследовать роль формирующих ее факторов во взаимосвязях застенчивости с другими характеристиками личности.

Методика

Участники исследования и сбор данных. Эмпирической основой исследования послужили результаты онлайн-тестирования 3360 испытуемых, в том числе 2739 из Беларуси и 621 из России (средний возраст $M = 19,4$, $SD = 5,6$, среди них 2239 женщин ($M = 19,7$, $SD = 6,0$) и 1121 мужчин ($M = 19,1$, $SD = 4,7$).

Методы. В основу разработки положен опросник застенчивости, адаптированный к русскоязычному социуму А. Б. Белоусовой, И. М. Юсуповым (Белоусова, Юсупов 2005). В исследовании использованы: опросник застенчивости от социальных сетей (Шейнов, Девицын 2021), опросник застенчивости от смартфона (Шейнов 2020), опросник асертивности (Шейнов 2014), Шкала удовлетворенности жизнью (Осин, Леонтьев 2008), Шкала самоуважения М. Розенберга в адаптации А. А. Золотарева (Золотарева 2020), опросник самооценки (Овчарова 1996).

Статистический анализ проводился с помощью программ из пакетов статистического анализа SPSS-22 и jamovi-2.4.7.0 на базе платформы R. Принят уровень значимости $p = 0,05$.

Результаты и их обсуждение

Проверка показала, что часть изучаемых переменных отвечают нормальному распределению, другие — нет, поэтому связи между переменными определяем посредством корреляций Пирсона и Кендалла.

Однородность исходной версии опросника застенчивости оказалась сравнительно невысокой: α Кронбаха равно 0,696 (табл. 1). Изучение результатов теста с вычислением α Кронбаха позволяет оценить его надежность: чем выше значение α , тем более согласованно отвечают пункты теста на измеряемую характеристику и тем больше доверия к результатам теста. Это помогает убедиться, что тест является стабильным и надежным инструментом для оценки психологических переменных. В отношении вопроса сокращения опросника изменение α -Кронбаха позволяет судить об изменении надежности опросника при сокращении количества вопросов.

Табл. 1. α Кронбаха опросника самоуважения при удалении его пунктов (женщины и мужчины, N = 3360)

Статистическая мера	Значение для исходной версии	В результате удаления пункта № 11
α Кронбаха	0,696	0,757

Table 1. Cronbach's α of the Self-Esteem Questionnaire with items removed (women and men, N = 3360)

Statistical measure	Meaning for original version	After deleting item No. 11
Cronbach's α	0.696	0.757

Соответствующая программа SPSS-22 для улучшения однородности предлагает исключение пункта № 11.

Таблица 1 показывает, что однородность опросника самоуважения действительно улучшается, свидетельством чего является увеличение α Кронбаха с 0,696 до 0,757.

Дискриминативность пунктов опросника застенчивости проверена величиной их корреляций с результатом опросника.

Пункт № 11 опросника для объединенной выборки мужчин и женщин имеет самые низкие показатели дискриминативности: корреляция Пирсона $r = 0,424$ ($p = 0,000$), корреляция Кендалла $\tau = 0,355$ ($p = 0,000$).

Аналогичное положение имеет место для мужской и женской выборок. Это указывает на то, что пункт № 11 опросника обладают наименьшей дискриминативностью.

Таким образом, удалив этот пункт из опросника, мы улучшим его психометрические характеристики — и однородность опросника, и общую дискриминативность его пунктов.

Факторный анализ опросника застенчивости

Факторный анализ осуществлен с использованием выборки, включающей ответы 3360 респондентов на 15 вопросов (утверждений) исходной опросника застенчивости. Для проведения анализа использовался программный пакет Jamovi версии 2.4.7.0 на базе платформы R.

Задачами проведения анализа являлись:

1. Изучение результатов тестирования с целью выявления вопросов (переменных), которые могут быть исключены, без потери надежности и снижения аналитических свойств опросника.
2. Разработка и анализ факторной структуры опросника, для получения представления

об общих психологических конструктах (факторах) опросника, и входящих в них вопросов.

Факторные модели разрабатывались посредством эксплораторного факторного анализа с использованием метода *минимальных остатков или обобщенных наименьших квадратов* (Minimum Residual) в качестве метода факторизации (извлечения факторов), и *косоугольного (Oblimin) вращения факторов*. Количество факторов определялось методом *параллельного анализа*.

Данное сочетание методов обеспечивает надежное извлечение факторов, учитывает случайные вариации и помогает избежать извлечения факторов, которые могут быть результатом «шума» в данных, а не реальной структуры. Эти методы рекомендуются при работе с результатами психологических тестов, так как обеспечивают устойчивость к кросс-корреляциям изучаемых переменных и эффективны в случае сильного «зашумления» данных. Все это позволяет получать адекватные модели и их интерпретации.

При построении эксплораторной факторной модели пункты опросника № 11, № 3 и № 7 не вошли в один из факторов: они имели низкие факторные нагрузки и не было разумной возможности отнесения их к какому-либо фактору, то есть они «выпали» из общей факторной структуры. При этом Альфа Кронбаха сокращенного до 12 пунктов опросника равняется 0,851.

В результате была построена следующая факторная модель, включающая оставшиеся 12 пунктов опросника (табл. 2).

Критерий адекватности выборки Кайзера—Мейера—Олкина $\geq 0,894$

Критерий Бартлетта: $\chi^2 = 8961$, $df = 66$, $p < ,001$

По результатам этих тестов можно утверждать, что данные пригодны для проведения факторного анализа, в них имеются корреляции

Табл. 2. Факторная модель сокращенной версии опросника застенчивости

Переменная	Факторные нагрузки		
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
8	,669		
13	,637		
9	,611		
15	,455		
10	,342		
5	,329		
1		,709	
2		,573	
4		,478	
6			,669
12			,617
14			,607

Table 2. Factor model of the short version of the Shyness Questionnaire

Variable	Factor loadings		
	Factor 1	Factor 2	Factor 3
8	.669		
13	.637		
9	.611		
15	.455		
10	.342		
5	.329		
1		.709	
2		.573	
4		.478	
6			.669
12			.617
14			.607

и структурные связи, позволяющие выделить некие общности и объединить их в факторы, из чего можно сделать вывод, что данная факторная модель является адекватной.

Показатели RMSEA 90 % CI: RMSEA = 0,0236, минимум = 0,0181, максимум = 0,0292. Максимальный показатель RMSEA ниже 0,03 (что является отличным результатом) говорит о том, что полученная факторная модель состоятельна, имеет обоснованный состав факторов и хорошо описывает исходные данные.

Полученные факторы естественно интерпретировать следующим образом:

Фактор 1 — нерешительность

8. Я часто много теряю из-за своей нерешительности.

13. Мне бы хотелось быть менее застенчивым.

9. Иногда из-за своей сдержанности мне бывает трудно отстаивать свои права.

15. Если люди наблюдают за мной, мне становится не по себе.

10. В школе мне трудно было говорить перед всем классом.

5. Часто я лишь с большим трудом могу скрыть свою застенчивость.

Фактор 2 — социальное давление

1. Когда я нахожусь в компании, я мучаюсь выбором темы для разговора.

2. В компании я чувствую себя несколько неловко и из-за этого произвожу впечатление хуже, чем мог бы.

4. Мне бывает трудно изложить свои мысли словами, и поэтому я не включаюсь в беседу с такой готовностью, как другие.

Фактор 3 — самоизоляция

6. Я схожусь с людьми так же легко, как и другие.

12. Я охотно знакоюсь с новыми людьми.

14. Мне кажется, что, попадая в новый коллектив, я быстро приспосабливаюсь.

Регрессионный анализ. Для оценки изменения качеств сокращенного опросника проведен регрессионный анализ. При его проведении в качестве независимых переменных использованы данные сокращенного набора пунктов опросника, а зависимой (целевой) переменной выступил результат исходной (полной) версии опросника.

Полученная регрессионная модель представлена в таблице 3 (табл. 3).

Коэффициент детерминации $R^2 = ,968$.

После сокращения опросника на 3 пункта (№№ 3, 7, 11) — с 15 до 12 вопросов — сокращенный опросник (согласно коэффициенту детерминации регрессии) описывает 97 % дисперсии результата полного опросника. То есть сокращение опросника на 20 % ухудшило описание результата на 3 %, что можно считать отличным результатом. Результаты полного и сокращенного опросников высоко-значимо коррелируют: 0,983 по Пирсону и 0,934 по Кендаллу.

Таким образом, получена факторная модель с высокими показателями достоверности, что подтверждается показателями статистических тестов. При этом выделенные и интерпретированные три фактора описывают более 38 % совокупности дисперсии переменных, что является хорошим показателем.

Табл. 3. Результаты регрессионного анализа

Фактор	Оценка	SE	t	p
Пересечение/перехват	,192	,0233	8,23	< ,001
1	1,216	,0345	35,19	< ,001
2	1,131	,0338	33,47	< ,001
4	1,269	,0328	38,66	< ,001
5	1,128	,0324	34,86	< ,001
6	1,308	,0311	42,13	< ,001
8	1,077	,0316	34,05	< ,001
9	1,170	,0305	38,30	< ,001
10	1,184	,0295	40,20	< ,001
12	1,368	,0294	46,55	< ,001
13	1,224	,0306	39,96	< ,001
14	1,238	,0321	38,62	< ,001
15	1,189	,0295	40,25	< ,001

Table 3. Results of regression analysis

Predictor	Estimate	SE	t	p
Intercept	.192	.0233	8.23	< .001
1	1.216	.0345	35.19	< .001
2	1.131	.0338	33.47	< .001
4	1.269	.0328	38.66	< .001
5	1.128	.0324	34.86	< .001
6	1.308	.0311	42.13	< .001
8	1.077	.0316	34.05	< .001
9	1.170	.0305	38.30	< .001
10	1.184	.0295	40.20	< .001
12	1.368	.0294	46.55	< .001
13	1.224	.0306	39.96	< .001
14	1.238	.0321	38.62	< .001
15	1.189	.0295	40.25	< .001

Проверка валидности сокращенной версии опросника застенчивости

Проверим наличие связей застенчивости с крайне актуальными сегодня свойствами личности — зависимостью от социальных сетей и зависимостью от смартфона. В ряде публикаций показаны значительные положительные корреляции между застенчивостью и зависимостью от социальных сетей (Iranmanesh et al. 2021; Kulkarni, Deshpande 2019; Tian et al. 2021) и зависимостью от смартфона (Aktaş, Yılmaz 2017; Han et al. 2017; Li et al. 2022; Meena et al. 2021).

Наличие взаимосвязей сокращенной версии опросника застенчивости с зависимостями от смартфона и от социальных сетей показывают нижеследующие таблицы, вычисленные для всех рассматриваемых нами выборок (табл. 4).

Женщины в целом больше страдают зависимостью от смартфона и зависимостью от социальных сетей, поэтому проверяем конструктивную валидность не только на общей выборке женщин и мужчин, но и по отдельности для каждого пола (табл. 5, 6).

Таблицы 4–6 свидетельствуют о том, что взаимосвязи застенчивости с зависимостью

Табл. 4. Корреляции застенчивости с зависимостью от смартфона и зависимостью от социальных сетей (женщины и мужчины, N = 3360)

Корреляция		Зависимость от смартфона	Зависимость от социальных сетей
Пирсона	Величина	,256**	,174**
	Значимость	,000	,003
Кендалла	Величина	,192**	,138**
	Значимость	,000	,000

Примечание: Обозначения в этой и во всех следующих таблицах: * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$.

Table 4. Correlations of shyness with smartphone addiction and social media addiction (women and men, N = 3360)

Correlation		Smartphone addiction	Social media addiction
Pearson	Magnitude	.256**	.174**
	Significance	.000	.003
Kendall	Magnitude	.192**	.138**
	Significance	.000	.000

Note: Designations in this and all following tables: * — $p \leq 0.05$; ** — $p \leq 0.01$.

Табл. 5. Корреляции застенчивости с зависимостью от смартфона и зависимостью от социальных сетей (женщины, N = 2239)

Корреляция		Зависимость от смартфона	Зависимость от социальных сетей
Пирсона	Величина	,231**	,155**
	Значимость	,000	,000
Кендалла	Величина	,172**	,121**
	Значимость	,000	,012

Table 5. Correlations of shyness with smartphone addiction and social media addiction (women, N = 2239)

Correlation		Smartphone addiction	Social media addiction
Pearson	Magnitude	.231**	.155**
	Significance	.000	.000
Kendall	Magnitude	.172**	.121**
	Significance	.000	.012

Табл. 6. Корреляции застенчивости с зависимостью от смартфона и зависимостью от социальных сетей (мужчины, N = 1121)

Корреляция		Зависимость от смартфона	Зависимость от социальных сетей
Пирсона	Величина	,297**	,203**
	Значимость	,000	,000
Кендалла	Величина	,230**	,164**
	Значимость	,000	,046

Table 6. Correlations of shyness with smartphone addiction and social media addiction (men, N = 1121)

Correlation		Smartphone addiction	Social media addiction
Pearson	Magnitude	.297**	.203**
	Significance	.000	.000
Kendall	Magnitude	.230**	.164**
	Significance	.000	.046

от смартфона и зависимостью от социальных сетей все положительные. Таким образом, *валидность опросника застенчивости в части связи с зависимостью от смартфона и зависимостью от социальных сетей доказана.*

Исследования показали, что существует значимая отрицательная корреляция между застенчивостью и удовлетворенностью жизнью (Erol 2017; Ullah et al. 2021; Ye et al. 2022) и между застенчивостью и самооценкой (Bober et al. 2021).

Из определений и сущности застенчивости, асертивности и самоуважения следует, что застенчивость отрицательно взаимосвязана с асертивностью и самоуважением.

В нижеследующих таблицах 7–9 представлены взаимосвязи сокращенной версии опросника застенчивости с асертивностью, удовлетворенностью жизнью, самоуважением, самооценкой (табл. 7).

Поскольку у ряда рассматриваемых качеств имеет место превалирование качества у мужчин или у женщин, то связи вычисляем не только для общей выборки мужчин и женщин, но и для женской и мужской выборок (табл. 8, 9).

Таблицы 7–9 показывают, что взаимосвязи сокращенной версии опросника застенчивости с асертивностью, удовлетворенностью жизнью, самоуважением и самооценкой поддерживают конструктивную валидность сокращенной версии опросника застенчивости. Следовательно, *валидность сокращенной версии опросника застенчивости в части связи с асертивностью, удовлетворенностью жизнью, самоуважением и самооценкой также доказана.*

Таким образом, валидность сокращенной версии опросника застенчивости доказана

в целом с учетом всех шести рассмотренных характеристик личности.

Надежность сокращенной версии опросника застенчивости

Проверка надежности сокращенной версии опросника застенчивости проведена по его: 1) внутренней согласованности (однородности), 2) дискриминативности и 3) повторным тестированием (ретестом).

Однородность опросников количественно оценивается коэффициентом Альфа Кронбаха. Последний стал равным 0,851, то есть намного больше рекомендуемого (всеми пособиями) его показателя, не меньшего, чем 0,7.

Данная процедура увеличила и общую *дискриминативность* пунктов опросника, поскольку удаленные пункты характеризовались самыми низкими ее показателями и по Пирсону, и по Кендаллу. После удаления пунктов № 3, № 7 и № 11 в опроснике остались лишь задания, дискриминативность которых значительно выше уровня 0,5 по Пирсону и 0,4 по Кендаллу.

Таким образом, психометрические показатели сокращенной до 12 заданий версии опросника застенчивости оказались лучшими, нежели у исходной версии опросника.

Ретестовая надежность сокращенной до 12 пунктов версии опросника застенчивости проверена повторным тестированием с интервалом в 5 недель. Поскольку мы располагали адресами респондентов, ответивших на вопросы исходной версии опросника, то попросили их ответить на вопросы опросника еще раз, предложив его сокращенную версию. В ретесте приняли участие 334 респондента. Корреляция

Табл. 7. Корреляции застенчивости с асертивностью, удовлетворенностью жизнью, самоуважением и самооценкой (женщины и мужчины, N = 3360)

Корреляция		Асертивность	Удовлетворенность жизнью	Самоуважение	Самооценка
Пирсона	Величина	-,580**	-,297**	-,420**	-,366**
	Значимость	,000	,000	,000	,000
Кендалла	Величина	-,464**	-,223**	-,316**	-,282**
	Значимость	,000	,000	,000	,000

Table 7. Correlations of shyness with assertiveness, life satisfaction, self-respect and self-esteem (women and men, N = 3360)

Correlation		Assertiveness	Life satisfaction	Self-respect	Self-esteem
Pearson	Magnitude	-,580**	-,297**	-,420**	-,366**
	Significance	.000	.000	.000	.000
Kendall	Magnitude	-,464**	-,223**	-,316**	-,282**
	Significance	.000	.000	.000	.000

Табл. 8. Корреляции застенчивости с асертивностью, удовлетворенностью жизнью, самоуважением и самооценкой (женщины N = 2239)

Корреляция		Асертивность	Удовлетворенность жизнью	Самоуважение	Самооценка
Пирсона	Величина	-,598**	-,291**	-,411**	-,385**
	Значимость	,000	,000		,000
Кендалла	Величина	-,474**	-,217**	-,305**	-,291**
	Значимость	,000	,000		,000

Table 8. Correlations of shyness with assertiveness, life satisfaction, self-respect and self-esteem (women, N = 2239)

Correlation		Assertiveness	Life satisfaction	Self-respect	Self-esteem
Pearson	Magnitude	-,598**	-,291**	-,411**	-,385**
	Significance	.000	.000		.000
Kendall	Magnitude	-,474**	-,217**	-,305**	-,291**
	Significance	.000	.000		.000

Табл. 9. Корреляции застенчивости с асертивностью, удовлетворенностью жизнью, самоуважением и самооценкой (мужчины, N = 1121)

Корреляция		Асертивность	Удовлетворенность жизнью	Самоуважение	Самооценка
Пирсона	Величина	-,546**	-,320**	-,447**	-,341**
	Значимость	,000	,000	,000	,000
Кендалла	Величина	-,445**	-,244**	-,342**	-,272**
	Значимость	,000	,000	,000	,000

Table 9. Correlations of shyness with assertiveness, life satisfaction, self-respect and self-esteem (men, N = 1121)

Correlation		Assertiveness	Life satisfaction	Self-respect	Self-esteem
Pearson	Magnitude	-,546**	-,320**	-,447**	-,341**
	Significance	.000	.000	.000	.000
Kendall	Magnitude	-,445**	-,244**	-,342**	-,272**
	Significance	.000	.000	.000	.000

Пирсона между первым и вторым тестом равна 0,824, корреляция Кендалла равна 0,812. Этот результат свидетельствует о хорошей ретестовой надежности сокращенной версии опросника застенчивости, поскольку показатель, превышающий 0,7, служит свидетельством надежности по данному критерию.

О надежности и валидности сокращенной версии опросника застенчивости свидетельствует и чрезвычайно высокий, равный 0,983 ($p \leq 0,001$), коэффициент корреляции Пирсона и равный 0,934 ($p \leq 0,001$) коэффициент корреляции Кендалла между суммарными показателями исходной и сокращенной версии опросника застенчивости.

Выводы

По результатам проведенного исследования можно констатировать, что сконструирована

сокращенная версия опросника застенчивости, она удовлетворяет основным критериям валидности и надежности и обладает лучшими психометрическими характеристиками, нежели его исходная версия.

Построена состоятельная трехфакторная модель застенчивости, позволяющая исследовать роль формирующих ее факторов во взаимосвязях застенчивости с другими характеристиками личности.

Практическая значимость проведенного исследования состоит в том, что сокращенная версия опросника застенчивости дает возможность проводить исследования с помощью более удобного инструмента с лучшими психометрическими характеристиками.

Теоретическое приложение данного исследования включает возможность изучения роли факторов, формирующих застенчивость индивида.

Приложение

Сокращенная версия опросника застенчивости

На следующие вопросы ответьте «Да» или «Нет»:

1. Когда я нахожусь в компании, я мучаюсь выбором темы для разговора.
2. В компании я чувствую себя несколько неловко и из-за этого произвожу впечатление хуже, чем мог бы.
3. Мне бывает трудно изложить свои мысли словами, и поэтому я не включаюсь в беседу с такой готовностью, как другие.
4. Часто я лишь с большим трудом могу скрыть свою застенчивость.
5. Я схожусь с людьми так же легко, как и другие.
6. Я часто много теряю из-за своей нерешительности.
7. Иногда из-за своей сдержанности мне бывает трудно отстаивать свои права.
8. В школе мне трудно было говорить перед всем классом.
9. Я охотно знакоюсь с новыми людьми.
10. Мне бы хотелось быть менее застенчивым.
11. Мне кажется, что, попадая в новый коллектив, я быстро приспосабливаюсь.
12. Если люди наблюдают за мной, мне становится не по себе.

Обработка результатов. Баллы начисляются за ответы «да» по позициям 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 12 и ответы «нет» по позициям 5, 9, 11. Подсчитывается сумма баллов.

Ключ к тесту — сумма баллов.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Авторы сообщают, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The authors report that the study complied with the ethical principles for research involving humans and animals.

Вклад авторов

В подготовке публикации все авторы приняли участие в равной мере.

Author Contributions

All authors made an equal contribution to the preparation of this article.

Литература

- Белоусова, А. Б., Юсупов, И. М. (2005) Диагностика застенчивости. *Психологическая диагностика*, № 2, с 45–57. EDN: [ZIERPP](#)
- Зинченко, В. П., Мещеряков, Б. Г. (ред.). (2006) *Психологический словарь*. М.: Астрель, 865 с.
- Золотарева, А. А. (2020) Валидность и надежность русскоязычной версии шкалы самооценки М. Розенберга. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*, № 2, с. 52–57. <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2020.2.52-57>
- Овчарова, Р. В. (1996) *Справочная книга школьного психолога*. 2-е изд. М.: Просвещение; Учебная литература, 352 с.
- Ожегов, С. И. (2012) *Толковый словарь русского языка*. 28-е изд., перераб. М.: Мир и Образование, 1375 с.
- Осин, Е. Н., Леонтьев, Д. А. (2008) Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия. В кн.: *Материалы III Всероссийского социологического конгресса*. М.: Институт социологии РАН; Российское общество социологов, с. 132–147.
- Шейнов, В. П. (2014) Разработка теста ассертивности, удовлетворяющего требованиям надежности и валидности. *Вопросы психологии*, № 2, с. 107–116. EDN: [SIOTWN](#)
- Шейнов, В. П. (2020) Адаптация и валидизация опросника «Шкала зависимости от смартфона» для русскоязычного социума. *Системная психология и социология*, т. 3, № 35, с. 75–84. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2020.35.3.6>
- Шейнов, В. П., Девицын, А. С. (2021) Разработка надежного и валидного опросника зависимости от социальных сетей. *Системная психология и социология*, т. 2, № 38, с. 41–55. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2021.38.2.04>
- Aktaş, H., Yılmaz, N. (2017) Smartphone addiction in terms of the elements of loneliness and shyness of university youth. *International Journal of Social Sciences and Education Research*, vol. 3, no. 1, pp. 85–100. <https://doi.org/10.24289/ijsser.283590>
- Bober, A., Gajewska, E., Czaprowska, A. et al. (2021) Impact of shyness on self-esteem: The mediating effect of self-presentation. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 19, no. 1, article 230. <https://doi.org/10.3390/ijerph19010230>
- Erol, M. (2017) Adolescent life satisfaction before young adulthood: The role of “Shyness” and “Self-Efficacy”. *Turkish Journal of Psychiatry*, vol. 28, no. 2, pp. 95–103. <http://dx.doi.org/10.5080/u13563>
- Galesic, M., Bosnjak, M. (2009) Effects of questionnaire length on participation and indicators of response quality in a web survey. *Public Opinion Quarterly*, vol. 73, no. 2, pp. 349–360. <https://doi.org/10.1093/poq/nfp031>
- Han, L., Geng, J., Jou, M. et al. (2017) Relationship between shyness and mobile phone addiction in Chinese young adults: Mediating roles of self-control and attachment anxiety. *Computers in Human Behavior*, vol. 76, pp. 363–371. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.07.036>
- Herzog, A. R., Bachman, J. G. (1981) Effects of questionnaire length on response quality. *The Public Opinion Quarterly*, vol. 45, no. 4, pp. 549–559. [Online]. Available at: <http://www.jstor.org/stable/2748903> (accessed 27.12.2023).
- Iranmanesh, M., Foroughi, B., Nikbin, D., Hyun, S. S. (2021) Shyness, self-esteem, and loneliness as causes of FA: The moderating effect of low self-control. *Current Psychology*, vol. 40, no. 1, pp. 5358–5369. <https://doi.org/10.1007/s12144-019-00465-w>
- Kulkarni, R., Deshpande, A. (2019) Relationship between Facebook’ addiction, depression and shyness among college students in Mumbai. *Indian Journal of Mental Health*, vol. 6, no. 2, pp. 157–164. <http://doi.org/10.30877/IJMh.6.2.2019.157-164>

* Сервис, принадлежащий Meta, признанной в РФ экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ

- Li, X., Li, W., Liu, M. et al. (2022) How does shyness affect Chinese college students' tendency to mobile phone addiction? Testing the mediating roles of social anxiety and self-control. *Frontiers in Public Health*, vol. 10, article 902425. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.902425>
- Meena, M. E., Kang, S., Nguchu, B. A. et al. (2021) Empirical analysis of factors contributing to smartphone addiction. *Open Journal of Business and Management*, vol. 9, no. 1, pp. 213–225. <https://doi.org/10.4236/ojbm.2021.91012>
- Oxford Learner's Dictionaries* (2000) Oxford: Oxford University Press. [Online]. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed 27.12.2023).
- Tian, Y., Qin, N., Cao, S. et al. (2021) Reciprocal associations between shyness, self-esteem, loneliness, depression and Internet addiction in Chinese adolescents. *Addiction Research & Theory*, vol. 29, no. 2, pp. 98–110. <https://doi.org/10.1080/16066359.2020.1755657>
- Ullah, W., Khaliq, A., Soomro, M. A. (2021) Relationship of shyness with life satisfaction: The mediating role of career success. *Gomal University Journal of Research*, vol. 37, no. 2, pp. 154–165. <https://doi.org/10.51380/%2FGUJR-37-02-04>
- Ye, B., Li, L., Ma, T. L. et al. (2022) The effect of shyness on life satisfaction among Chinese college students: A moderated mediation model. *Current Psychology*, vol. 41, no. 4, pp. 165–173. <https://doi.org/10.1007/s12144-019-00562-w>

References

- Aktaş, H., Yılmaz, N. (2017) Smartphone addiction in terms of the elements of loneliness and shyness of university youth. *International Journal of Social Sciences and Education Research*, vol. 3, no. 1, pp. 85–100. <https://doi.org/10.24289/ijsser.283590> (In English)
- Belousova, A. B., Yusupov, I. M. (2005) Diagnostika zastenчивosti [Diagnosis of shyness]. *Psikhologicheskaya diagnostika — Psychological Diagnostics*, no. 2, pp. 45–57. EDN: ZIERPP (In Russian)
- Bober, A., Gajewska, E., Czaprowska, A. et al. (2021) Impact of shyness on self-esteem: The mediating effect of self-presentation. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 19, no. 1, article 230. <https://doi.org/10.3390/ijerph19010230> (In English)
- Erol, M. (2017) Adolescent life satisfaction before young adulthood: The role of “Shyness” and “Self-Efficacy”. *Turkish Journal of Psychiatry*, vol. 28, no. 2, pp. 95–103. <http://dx.doi.org/10.5080/u13563> (In English)
- Galesic, M., Bosnjak, M. (2009) Effects of questionnaire length on participation and indicators of response quality in a web survey. *Public Opinion Quarterly*, vol. 73, no. 2, pp. 349–360. <https://doi.org/10.1093/poq/nfp031> (In English)
- Han, L., Geng, J., Jou, M. et al. (2017) Relationship between shyness and mobile phone addiction in Chinese young adults: Mediating roles of self-control and attachment anxiety. *Computers in Human Behavior*, vol. 76, pp. 363–371. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.07.036> (In English)
- Herzog, A. R., Bachman, J. G. (1981) Effects of questionnaire length on response quality. *The Public Opinion Quarterly*, vol. 45, no. 4, pp. 549–559. [Online]. Available at: <http://www.jstor.org/stable/2748903> (accessed 27.12.2023). (In English)
- Iranmanesh, M., Foroughi, B., Nikbin, D., Hyun, S. S. (2021) Shyness, self-esteem, and loneliness as causes of FA: The moderating effect of low self-control. *Current Psychology*, vol. 40, no. 1, pp. 5358–5369. <https://doi.org/10.1007/s12144-019-00465-w> (In English)
- Kulkarni, R., Deshpande, A. (2019) Relationship between Facebook* addiction, depression and shyness among college students in Mumbai. *Indian Journal of Mental Health*, vol. 6, no. 2, pp. 157–164. <http://doi.org/10.30877/IJMh.6.2.2019.157-164> (In English)
- Li, X., Li, W., Liu, M. et al. (2022) How does shyness affect Chinese college students' tendency to mobile phone addiction? Testing the mediating roles of social anxiety and self-control. *Frontiers in Public Health*, vol. 10, article 902425. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.902425> (In English)
- Meena, M. E., Kang, S., Nguchu, B. A. et al. (2021) Empirical analysis of factors contributing to smartphone addiction. *Open Journal of Business and Management*, vol. 9, no. 1, pp. 213–225. <https://doi.org/10.4236/ojbm.2021.91012> (In English)
- Osin, E. N., Leontev, D. A. (2008) Aprobatsiya russkoyazychnykh versij dvukh shkal ekspres-otsenki sub'ektivnogo blagopoluchiya [Testing Russian-language versions of two scales for rapid assessment of subjective well-being]. In: *Materialy III Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa [Proceedings of the 3rd All-Russian Sociological Congress]*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ.; Russian Society of Sociologists Publ., pp. 132–147. (In Russian)
- Ovcharova, R. V. (1996) *Spravochnaya kniga shkol'nogo psikhologa [School psychologist's reference book]*. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie Publ. Uchebnaya literatura Publ., 352 p. (In Russian)
- Oxford Learner's Dictionaries* (2000) Oxford: Oxford University Press. [Online]. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed 27.12.2023). (In English)

* Сервис, принадлежащий Meta, признанной в РФ экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ.

- Ozhegov, S. I. (2012) *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]*. 28th ed., rev. Moscow: Mir i Obrazovanie Publ., 1375 p. (In Russian)
- Sheinov, V. P. (2014) Razrabotka testa assertivnosti, udovletvoryayushego trebovaniyam nadezhnosti i validnosti [On development of an assertiveness test answering requirements of reliability and validity]. *Voprosy psikhologii*, no. 2, pp. 107–116. (In Russian)
- Sheinov, V. P. (2020) Adaptatsiya i validizatsiya oprosnika "Shkala zavisimosti ot smartfona" dlya russkoyazychnogo sotsiума [Adaptation and validation of the questionnaire "Scale of dependence on the smartphone" for the Russian-speaking society]. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya — Systems Psychology and Sociology*, vol. 3, no. 35, pp. 75–84. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2020.35.3.6> (In Russian)
- Sheinov, V. P., Devitsyn, A. S. (2021) Razrabotka nadezhnogo i validnogo oprosnika zavisimosti ot sotsial'nykh setej [The development of a reliable and valid social media dependence questionnaire]. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya — Systems Psychology and Sociology*, vol. 2, no. 38, pp. 41–55. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2021.38.2.04> (In Russian)
- Tian, Y., Qin, N., Cao, S. et al. (2021) Reciprocal associations between shyness, self-esteem, loneliness, depression and Internet addiction in Chinese adolescents. *Addiction Research & Theory*, vol. 29, no. 2, pp. 98–110. <https://doi.org/10.1080/16066359.2020.1755657> (In English)
- Ullah, W., Khaliq, A., Soomro, M. A. (2021) Relationship of shyness with life satisfaction: The mediating role of career success. *Gomal University Journal of Research*, vol. 37, no. 2, pp. 154–165. <https://doi.org/10.51380/%2FGUJR-37-02-04> (In English)
- Ye, B., Li, L., Ma, T. L. et al. (2022) The effect of shyness on life satisfaction among Chinese college students: A moderated mediation model. *Current Psychology*, vol. 41, no. 4, pp. 165–173. <https://doi.org/10.1007/s12144-019-00562-w> (In English)
- Zinchenko, V. P., Meshcheryakov, B. G. (eds.). (2006) *Psikhologicheskij slovar' [Psychological dictionary]*. Moscow: Astrel' Publ., 865 p. (In Russian)
- Zolotareva, A. A. (2020) Validnost' i nadezhnost' russkoyazychnoj versii shkaly samootsenki M. Rozenberga [Validity and reliability of the Russian version of the Rosenberg self-esteem scale]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Psikhologiya" — Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, no. 2, pp. 52–57. <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2020.2.52-57> (In Russian)

Сведения об авторах

Виктор Павлович Шейнов, профессор, доктор социологических наук, кандидат физико-математических наук, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства Республиканского института высшей школы
SPIN-код: 7605-9100, ORCID: 0000-0002-2191-646X, e-mail: sheinov1@mail.ru

Антон Сергеевич Девицын, старший преподаватель кафедры веб-технологий и компьютерного моделирования Белорусского государственного университета
ORCID: 0000-0002-2804-4107, e-mail: devitsin@gmail.com

Authors

Viktor P. Sheinov, Professor, Doctor of Sciences (Sociology), Candidate of Sciences (Physics & Mathematics), Professor, Department of Psychology and Pedagogical Excellence, The Republican Institute of Higher Education
SPIN: 7605-9100, ORCID: 0000-0002-2191-646X, e-mail: sheinov1@mail.ru

Anton S. Dziavitsyn, Senior Lecturer, Department of Web Technologies and Computer Modeling, Belarusian State University
ORCID 0000-0002-2804-4107, e-mail: devitsin@gmail.com